Роберт Фрост

ПЕРЕВОДЫ

Перевод
Владимира Кормана

Часть 2.1

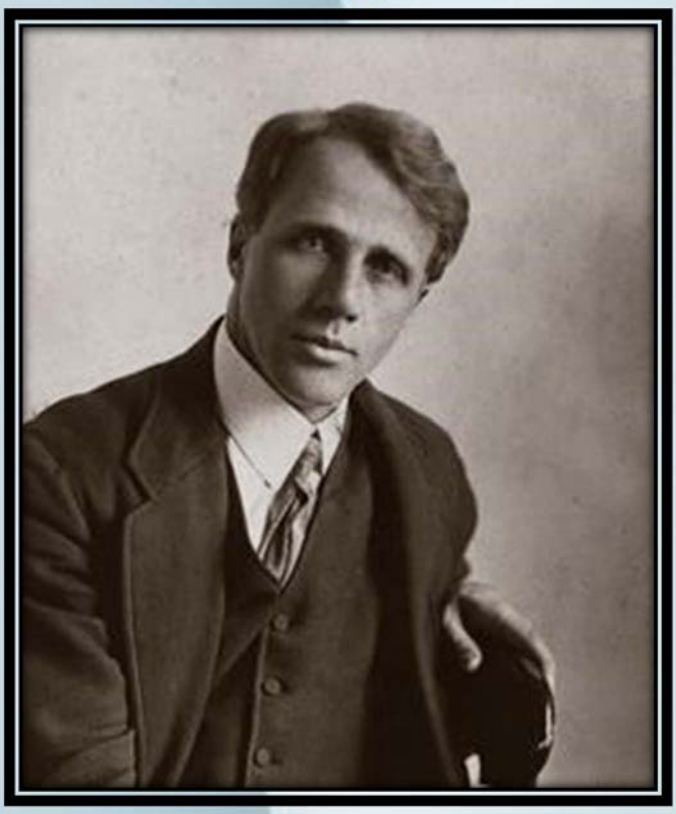
Роберт Фрост. ПЕРЕВОДЫ ч.2.1

Данное издание не имеет ограничений по полу и возрасту.

Сборник оригинальных стихотворений Роберта Фроста
в переводе Владимира Кормана с его комментариями;
«Роберт Фрост в России» (краткая биография) – 2016 год.

Роберт Фрост

ПЕРЕВОДЫ ч.2.1



1874 - 1963

Роберт Фрост в России

(Краткая биография)

Роберт Ли Фрост (англ. **Robert Lee Frost**, 26 марта 1874, Сан-Франциско — 29 января 1963, Бостон) - один из крупнейших поэтов в истории США, четырежды лауреат Пулитцеровской премии (1924, 1931, 1937, 1943).

Свое имя получил в честь Роберта Ли, главнокомандующего армией Конфедерации во время Гражданской войны. Отец умер от туберкулеза, когда Фросту было 11 лет. Получил воспитание в доме деда и в Дартмутском колледже. В 1895 г. женился на однокласснице Элинор Уайт, годом раньше напечатал первую подборку стихов. Некоторое время работал школьным учителем и фермером. В 1897-99 гг. посещал Гарвардский университет. Из шестерых детей Роберта и Элинор двое умерли в младенчестве. Многочисленные потери, с которыми ему пришлось столкнуться в молодости,

предопределили стоический пессимизм фростовского мироощущения.

Первое десятилетие XX века семья Фроста провела в весьма стеснённых материальных обстоятельствах на ферме в Нью-Хэмпшире. В США его стихи не находили издателя, поэтому на пороге сорокалетия Роберт Фрост принял непростое решение — продать ферму и начать литературную карьеру заново в Лондоне, куда он отбыл в августе 1912 г. Там при содействии Эзры Паунда ему удалось опубликовать (в 1913 г.) свой первый стихотворный сборник «A Boy's Will», в котором ощущается влияние Вордсворта и Роберта Браунинга.

Внешней канвой стихов Фроста на протяжении всего его творческого пути оставались сельские реалии Новой Англии. Поэт рисует жителей сельской местности за повседневными занятиями, которые в его трактовке приобретают глубокую философскую подоплёку («Mowing»). Его излюбленный лирический герой - фермер из Нью-Хэмпшира. Все эти черты в полной мере проявились во втором сборнике «North of Boston» (1914), многие стихотворения из которого стали хрестоматийными и подлежат обязательному изучению в американских школах (напр., «Mending Wall»).

После начала Первой мировой войны Фрост вернулся в Нью-Хэмпшир, где приобрёл новую ферму, которая, впрочем, не приносила ему прибыли. Его слава на родине постепенно росла, и в 1923 г. его четвёртая книга «New Hampshire» (Нью-Гемпшир) была удостоена Пулитцеровской премии. В неё входят пространные сюжетные стихотворения «Жены Пола», «Ведьмы с Коса» и более лапидарная и изящная медитативная лирика. Направленность на философичность и утончённый психологизм отличают «Местами голубое», «Огонь и лёд», «Всё золотое зыбко». В стихах тех лет косвенно отразилось изучение Фростом древнегреческих трагиков, особенно Еврипида.

Остаток своей жизни национальный поэт США провёл, проживая в кампусах различных университетов Новой Англии, зачастую в качестве приглашенного лектора.

В зрелые годы Фрост часто обращается к форме сонета, на первый план выступают мотивы безысходного одиночества и отчужденности («Acquainted with the Night»). Стихи позднего Фроста насыщены метафизическим подтекстом («Directive») и прямыми библейскими аллюзиями («Never Again Would Birds' Song Be The Same»). Последний сборник стихов поэта — «In the Clearing» — появился в 1962 г. В том же году Фрост посетил СССР, где состоялась его встреча с Анной Ахматовой, она прочла ему своё новое стихотворение «Последняя роза» с эпиграфом из И. Бродского.

Анна Ахматова

« Последняя роза» (1962 г.)

«…Опирая на ладонь свою висок,
Вы напишите о нас наискосок.»
И.Б.

Мне с Морозовой класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костёр опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Всё возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

В 1999 году посольство США в Москве отмечало 125-летие со дня рождения Роберта Фроста. В торжествах принимал участие

американский писатель Франклин Рив, спутник Фроста во время его пребывания в России и автор книги об этой поездке.

Франклин Рив произнёс речь «Памяти поэта» в этот юбилейный день, которая полностью опубликована в первой части данного издания «ПЕРЕВОДЫ». Также вы, уважаемые читатели, можете ознакомиться с выдержками из книги Франклина Рива «Роберт Фрост в России».

«Роберт Фрост в России» *

Фрагменты книги
(перевод с английского Людмилы Мотылёвой)

Понедельник

Однажды майским вечером 1962 года Роберт Фрост и советский посол в США Анатолий Добрынин ужинали в доме министра внутренних дел Стюарта Юдалла. Результатом совместного ужина стала идея культурного обмена между двумя странами: один американский поэт должен был поехать в Россию, а один русский — в Америку. В июле президент Джон Кеннеди предложил Фросту быть участником с американской

стороны. Фрост согласился, и вскоре детали обмена были оговорены, поскольку в конце августа Юдалл сам собирался поехать в Россию во главе делегации, чтобы посетить гидроэлектростанции.

Фрост попросил Фредерика Адамса, своего старого друга, директора библиотеки Пирпонта Моргана в Нью-Йорке, сопровождать его в поездке. Мне предложили присоединиться к ним в качестве переводчика и помощника по организационной части. То, что нам предстояло, всем троим было в новинку. Фрост за последние годы посетил Англию и Израиль, но вообще за границей бывал нечасто и никогда не выполнял подобной миссии. Адамс как крупный специалист по библиотечному делу имел большой опыт общения с людьми разных убеждений, но никогда не общался с русскими на их родине. И я сам, хотя и бывал в России, хотя и сохранил в памяти туманное отроческое воспоминание о Фросте — за двадцать лет до этого он как-то вел в нашем классе урок английского, — никогда не выступал в роли сопровождающего лица, а тем более помощника такого человека. <...>

Среда

<...> Мы приземлились в Москве в пять часов. Фроста встречала делегация советских писателей. Среди них был Александр Твардовский, поэт, редактор “Нового мира” и лауреат Ленинской премии, он должен был посетить Соединенные Штаты вскоре после возвращения Фроста, но его визит так и не состоялся. В числе встречавших были Алексей Сурков, поэт, секретарь Союза писателей, одна из ключевых административных фигур в советской интеллектуальной элите. Был также худощавый и самоуверенный Евгений Евтушенко, а еще поэт Михаил Зенкевич и профессор Иван Кашкин, опубликовавшие в 1939 году первые русские переводы Фроста в антологии “Поэты Америки. XX век”. Хотя русские, очевидно,

не были уверены в своем госте и не знали, что от него можно ждать, они демонстрировали подчеркнутую вежливость и предупредительность. Фрост был очень утомлен длительным перелетом. Организационной частью занимались две американистки из Иностранной комиссии Союза писателей.

№ 1

В зале ожидания аэропорта состоялась пресс-конференция. Ни пасмурная погода, ни усталость Фроста не могли ослабить особой эмоциональной приподнятости русских. Они, как говорится, не жалели сил. Присутствовавшему здесь Твардовскому был, как никому другому, обязан своим успехом прогрессивный журнал “Новый мир”, на страницах которого два месяца спустя появился “Один день Ивана Денисовича”. Здесь присутствовал Сурков, который в 1960— 1962 годах на время умерил свою враждебность по отношению к интеллигенции, выпустил томик стихов Пастернака и первый том новой “Краткой литературной энциклопедии”. Здесь был Евтушенко, мировая знаменитость, чье стихотворение “Бабий Яр” за год до этого произвело фурор и чье политически зажигательное стихотворение “Наследники Сталина” будет опубликовано шесть недель спустя. Эти люди вместе с Зенкевичем и Кашкиным пришли не только для того, чтобы приветствовать Фроста, но и чтобы продемонстрировать верность ценностям свободы и гуманизма, к которым обращается поэзия Фроста и которые они старались сделать действующими принципами своей собственной новой литературы.

Приветствуя Фроста, они приветствовали дух свободы в своей собственной культуре. Фрост олицетворял для них свободолюбивую западную традицию. Важнейшим результатом поездки Фроста было не выполнение политической миссии, к чему он прежде всего стремился, а

легализация в России свободного литературного творчества, к которому он побуждал русских публичным чтением своих стихов и своими высказываниями. Избавившийся при знакомстве с русскими от некоторых ошибочных представлений о них, Фрост, в свою очередь, был в их глазах не тенденциозным художником, а продолжателем живой литературной традиции. Например, Евтушенко, покинувший пресс-конференцию в аэропорту до ее завершения, потом пригласил Фроста на ужин и несколько раз непринужденно беседовал с ним в неофициальной обстановке. Подвергшийся в конце 1962 года резкой критике за самовосхваление и позерство, Евтушенко в январе 1963 года послал Фросту простую, искреннюю телеграмму: “СЕГОДНЯ СНОВА И СНОВА ЧИТАЛ ВАШИ СТИХИ Я СЧАСТЛИВ ЧТО ВЫ ЖИВЕТЕ НА ЗЕМЛЕ”.

Общение Фроста с русскими на первой пресс-конференции в московском аэропорту скорее походило на монолог. Я чувствовал, что они с почтением относятся к преклонному возрасту Фроста (ему было восемьдесят восемь лет), но ждут от него выступлений в духе Карла Сэндберга, который побывал в России за год до этого и повсюду играл на своей гитаре.

”Я приехал, чтобы говорить с вами о науке, искусстве, спорте, великой музыке и, разумеется, поэзии, — сказал Фрост. — Мы восхищаемся друг другом, не правда ли? Великие нации восхищаются друг другом, им не доставляет удовольствия принижать друг друга. Выискивать друг у друга недостатки”.

Русские безучастно улыбались, как равнодушно-безликая вереница встречающих на торжественном приеме. Казалось, они находятся здесь не по своей воле. Казалось, им скучно. Корреспонденты продолжали задавать Фросту вопросы, Фрост продолжал отвечать, две распорядительницы суетились, нервно следя за каждым движением присутствующих, как

будто боялись, что какой-нибудь гость улизнет с их нудной вечеринки.

”Вы должны иметь силы, чтобы защитить язык, защитить в нем поэзию. Вы должны быть сильными, чтобы защитить поэзию. Из всех видов искусства поэзия — самый национальный, живопись или музыка национальны в меньшей степени. Великая нация создает великую поэзию, и великая поэзия создает великую нацию. Эти процессы взаимосвязаны”, — говорил Фрост.

Русские не понимали его. Разумеется, они понимали слова, но выражения их лиц, нервозность дам и тот факт, что ни один из них, обращаясь к Фросту, не вышел за рамки банальных приветствий и пожеланий, свидетельствуют: они были не в состоянии понять, что Фрост имел в виду, говоря о национальном характере поэзии или об использовании силы для защиты поэзии. Как бы они ни старались интерпретировать его слова, в контексте их опыта национальное самосознание и политическая сила в приложении к поэзии значили совсем не то, что они значили для Фроста, и его мысль была им недоступна. Кроме того, лучше было не торопиться с выводами и подождать, как будут развиваться события. Складывалось впечатление, что для этих людей Фрост был не более чем громким именем, что даже те, кто читал его стихи, воспринимал их с поправкой на тот образ поэта, который создала его давняя слава.

”Вчера знаменитый поэт Роберт Фрост прибыл в Москву из Соединенных Штатов”, — писала московская газета. Заметка обходила молчанием суждения Фроста о соперничестве наций, высказанные им на пресс-конференции в аэропорту, его саркастическое замечание о стремлении русских перегнать Америку: “Если русские во всем превзойдут Америку, я стану русским”, — его представление публике своих верительных

грамот: “Россия когда-то владела западным побережьем Соединенных Штатов, Калифорнией. Как раз там я родился. Я родился на территории России. В Сан-Франциско есть холм, который так и называется — Русский холм. Неподалеку от него я родился”. Никто из русских не отреагировал, когда Фрост сказал, что если поэт получает за свои стихи слишком мало денег, он подрабатывает, как любой другой человек. “У вас то же самое?” — спросил Фрост, но его вопрос остался без ответа. Распорядительницы заверили его, что русские поэты полностью загружены работой и широко публикуются. Фрост рассказывал о своем жизненном пути, о том, сколько занятий он сменил в молодости, “только чтобы заработать на хлеб”.

Он предельно устал, и казалось, его еще больше утомляло отсутствие отклика у аудитории. “Погодите, это еще не предел нашего сближения, — сказал он. — Мне есть что сказать вам начистоту”.

Кто-то спросил его, не помешает ли ему общаться языковой барьер. Фрост ответил с улыбкой: “Мы все смеемся на одном и том же языке”.

Наши чемоданы были сложены в багажники черных, похожих на “бьюики” “ЗИМов”, и мы поехали в гостиницу “Советская” — элитный отель для важных иностранных гостей (в прошлом в том здании располагался знаменитый ресторан “Яр” с цыганским хором). Терри Кадерман и Джек Мэтлок из культурного отдела американского посольства встречали Фроста в аэропорту. Теперь Мэтлок остался поужинать в гостинице. Фросту было приятно его присутствие и то, что он был с ним большую часть поездки. Ему импонировала его откровенность, и он восхищался его одаренностью. Сурков и Твардовский тоже поехали с Фростом в гостиницу, чтобы убедиться, что он благополучно устроился. Разговор в машине пока не был доверительным, но вдруг Твардовский ввернул

язвительную шутку. Фрост еще не понял, кто такой Твардовский и чем он занимается, он знал только, что Твардовский был вторым участником культурного обмена. Кто-то объяснил, что Твардовский — редактор “Нового мира”. Твардовский саркастически заметил: “Я не только сам поэт, но и душитель молодых поэтов”. Фроста очень позабавила редакторская самоирония, и спустя мгновение все решили, что это безобидная шутка. Некоторым из нас замечание показалось острым, потому что мы не могли не помнить, какую важную роль сыграл возглавляемый Твардовским “Новый мир” в раскрепощении литературного процесса в России. Когда вспоминаешь о том, что случилось с художниками и писателями в первую зиму после приезда Фроста, насмешливость Твардовского язвит еще сильней.

Распорядительницы хотели обсудить перечень предполагаемых мероприятий, экскурсий, поездок и осмотров достопримечательностей. Перед отъездом из Вашингтона Фрост изъявил желание посетить родину Хрущева (село Калиновка Курской области) и имение Толстого Ясная Поляна. Когда мы разговаривали в самолете, выяснилось, что в действительности ему гораздо больше хочется видеть самого Хрущева, чем его родину, и что он предпочел бы читать стихи и разговаривать с живыми ведущими писателями, чем провести целый день в дороге и увидеть могилу Толстого. Мы все согласились, что Фрост слишком устал, чтобы сейчас куда-либо ехать или принимать какие-либо решения. “Утро вечера мудренее”, — сказали мы. “Желательно, если это возможно и удобно, — предложил я, — устроить завтра ужин у Чуковского или Паустовского, которых он очень хотел бы видеть”. Оба были пожилыми литераторами (один примерно на восемь, другой на пятнадцать лет младше Фроста) и пользовались большой славой — Чуковский как критик и детский писатель, Паустовский как крупнейший прозаик. Распорядительницы

сказали, что сейчас они не готовы дать какой-либо ответ, что им надо подумать и мы могли бы обсудить это завтра, как и всю программу в целом. “У нас мало времени, — сказал я, — и мы должны организовать визит так, чтобы Фрост общался с людьми и читал свои стихи. Он не хочет просто посещать достопримечательности и глазеть на памятники”. Завтра, согласились все мы, обсудим это завтра. Да. Хорошо. Завтра.

Министр Юдалл прямо из аэропорта отправился вместе с делегацией в гостиницу “Националь”. Распорядительницы быстро ушли. Фрост немного отдохнул. Адамс распаковал вещи. Я сделал несколько телефонных звонков. Мэтлок вернулся, и мы поужинали вчетвером. Мэтлок рассказал о планах нашего пребывания в России, о том, как обстоят дела и что нас ждет впереди. Мы внимательно просмотрели августовский номер “Нового мира”, в котором в честь приезда Фроста было опубликовано несколько новых переводов его стихов. Мы вновь и вновь повторяли, что русские восхищены творчеством Фроста и всем, что он по праву представляет, и что поездка будет успешной и насыщенной.

Мы были в приподнятом настроении, нас возбуждали новизна и неизведанность. Поужинав в гостинице, мы почувствовали, что наше приключение по-настоящему началось. В эту ночь Фрост лег спать предельно усталый, но полный предвкушений и шутливого воодушевления.

Четверг

<...> Паустовский, пригласивший нас в тот вечер на ужин, жил в большом многоквартирном доме, в каждом крыле которого было по нескольку подъездов. Дом находился на набережной Москвы-реки. Твардовский жил в другом крыле этого же дома. Впоследствии мы провели здесь наш последний вечер в России.

Когда мы вошли из прихожей в гостиную Паустовского, мое внимание прежде всего привлекли книги и стол. Сразу повеяло спокойствием и интеллектуальной изысканностью. Как в большинстве русских городских квартир, гостиная была и столовой, и библиотекой одновременно. Все стены от пола до потолка были заняты книгами. В комнате стояли диван, пара мягких кресел, радиола, два-три столика с лампами, скамеечка для ног и овальный обеденный стол, окруженный пятью-шестью тяжелыми стульями красного дерева, еще четыре или пять стульев были принесены из других комнат по случаю сегодняшнего ужина.

У Юдаллов мы ужинали по-американски в непринужденной обстановке. У Добрыниных мы обедали в официальной обстановке, соблюдая условности дипломатического этикета. В самолетах мы ели с подносов, как едят авиапассажиры. В гостинице мы столкнулись с гостиничным сервисом — медлительным и безликим, хотя директор в начале и в конце нашего пребывания уделил группе Фроста особое внимание (после газетных публикаций о встрече Фроста с Хрущевым в Гагре обслуживание заметно улучшилось). Сейчас мы впервые находились в прекрасном русском доме и вскоре должны были сесть за обильный русский ужин. Льняные салфетки, вышитая скатерть, на столе шпроты, маринованные грибы, черный хлеб, черная икра, селедка, лососина и осетрина, редиска, помидоры, винегрет, маринованные огурчики, грузинское вино, маленькие рюмочки под водку. Богато накрытый стол и радушие хозяев вселяли уверенность, что впереди вкусный ужин и теплая искренняя беседа. Фроста несколько раз приглашали в русские дома, и всякий раз гостеприимство хозяев было ему очень приятно. К концу поездки он сильно устал от всего, что успел сделать, и последний ужин был, можно сказать, ему уже не в радость. Но в начале он был полон энергии и энтузиазма. Вечера были интересными.

Если подумать, кто и с кем встречался, преодолевая географические и политические расстояния, придется признать: эти вечера были большим достижением. Можно было лишь надеяться, но нельзя было рассчитывать на столь непринужденную, дружелюбную беседу, столь очевидное взаимное восхищение. Фрост выступил по телевидению со словами благодарности: “Перед тем как что-то сказать о поэзии, я хочу поблагодарить моих гостеприимных хозяев за дружбу и за то время, что мы с ними так хорошо провели”. “Обмен поэтами полезней, чем разговор дипломатов, — добавил он однажды утром, перед тем как получил приглашение встретиться с Хрущевым, — он сближает родственные души”.

Фрост встречался с людьми своего поколения и своего склада. Семидесятилетний Константин Паустовский был видным русским писателем, крупнейшим, как многие считали, независимо мыслящим современным прозаиком. За год до этого он побывал в Италии. Трудной зимой 1962/ 63 годов он смело выступит в защиту современной русской литературы против ее хулителей, поборников жесткой цензуры. Фрост и Паустовский дружелюбно беседовали через переводчиц. Когда дамы начинали тараторить особенно громко, Фрост, пожав плечами, отстранялся с кислой миной, просил коротко изложить суть сказанного, ел что-нибудь, затем беседа снова увлекала его. Они с Паустовским говорили о своих писательских привычках, о ценностях, которые они отстаивали в своем творчестве. Фрост упомянул о необходимости уединения и независимости. Паустовский сказал, что у него есть домик в лесу, где он, как Торо у озера Уолден, остается наедине с природой.

Его домашние внимательно слушали. Жена и дочь разносили еду. В разговоре участвовал старый друг Паустовского. Это был С. М. Алянский, специалист по истории искусства, основавший

сразу после революции 1917 года издательство “Алконост” — один из самых знаменитых издательских домов тогдашней России. Издательство специализировалось на поэзии, помогая некоторым значительным поэтам примерно в то время, когда сам Фрост начинал завоевывать признание. Род занятий, эрудиция, старомодное обаяние Алянского делали его присутствие на этом вечере не только уместным, но и важным. Фрост, я уверен, не имел представления о заслугах Алянского. Распорядительницы вились вокруг Фроста, как будто стремились оградить его от воображаемых собирателей автографов; сами они никогда не выступали инициаторами того, что чиновники называют “обменом мнениями”. Присутствие Алянского было для меня полной неожиданностью, и я не мог подготовить Фроста. Впоследствии, когда я рассказал ему об Алянском, он очень сожалел, что не поговорил с ним подробно, хотя они обменялись за столом несколькими безобидными шутками.

Этот вечер, так же как и некоторые другие вечера, запомнился прежде всего своей атмосферой. Разумеется, дружеский ужин — событие не для передовицы, но яркой отличительной чертой поездки Фроста явилось то, что все увиденное им в России было увидено отчасти под политическим углом зрения, а все сказанное имело политическое значение. Его поэтические чтения и ответы журналистам не раз воспринимались именно так. Однако домашние вечера удавались и были очаровательны как раз из-за того, что не имели общественной значимости. Фрост и Паустовский проговорили почти весь вечер.

Они одинаково высоко ценили энергию и целеустремленность как в жизни, так и в литературе. Они говорили о том далеком времени, когда, еще не будучи писателями, перебивались случайными заработками и бродяжничали каждый по своей стране. Фрост сказал, что часто запрыгивал на ходу в поезда и

ездил в открытых товарных вагонах. Паустовский улыбнулся и сказал: да, он тоже часто так делал, только он переплюнул Фроста, потому что ездил на крышах товарных вагонов. Они засмеялись. Оба они не раз повторили с теплотой в голосе, что то время всегда много значило в их жизни, что оно сформировало если не сами их произведения, то по, крайней мере, мировосприятие, которым они были проникнуты.

После ужина дочь Паустовского поставила пластинку Баха. Алянский беседовал с Адамсом о книгах по искусству и книгоиздательстве. Несмотря на трудности общения через переводчиков и различие точек зрения, объясняющееся различием национальных культур, мы ушли с чувством, что русская литературная среда в лице ее лучших представителей столь же ярка, дружелюбна, горяча и энергична, как наша собственная. Фрост сказал, что он очень признателен за этот вечер (он явно был доволен визитом и произвел на всех неизгладимое впечатление), а Паустовский в ответ выразил восхищение “лирической энергией” Фроста. <...>

Пятница

<...> Популярностью, которую Фрост снискал, несмотря на слащавость и неточность переводов его стихов, публиковавшихся в СССР, он воспользовался, чтобы донести до аудитории остроту своей мысли и любовь к независимости. И то, и другое пришлось публике по душе и создало у многих русских новое, верное представление о нем. Фрост сразу нашел отклик у тех, кто хоть немного владел английским. Такие талантливые литераторы, как Зенкевич, переводившие поэзию Фроста и готовившие к печати его антологию, способствовали более глубокому пониманию его произведений. Но главная заслуга принадлежала самому Фросту: именно он своей находчивостью и дерзостью завоевал симпатию публики.

Фрост чувствовал, что в России есть своя, особая демократическая жизнь, но из-за языкового барьера он редко мог в ней участвовать. Если отбросить коммунистическую демагогию, взаимоотношениям людей в России свойственны равноправие, легкость и открытость, поэтому каждый день их жизни богат событиями, и он приносит им ощущение, что прожит не зря. Несмотря на все разглагольствования и запрограммированность социализма, русские люди чувствуют себя очень даже личностями. Им свойственны гордость и энергия, патриотизм и идеализм. Они горячо спорят и страстно любят. Они знают: жизнь очень запутанна; азартно распутывая ее хитросплетения, они ощущают полноту бытия. Так много еще предстоит сделать, что каждый может верить в важность своего личного вклада в будущее. Споры о смысле жизни ведутся всерьез, и искусство ныне имеет такой же мощный социальный заряд, как и сто лет назад. Интерес, проявляемый в нашей стране к современным русским писателям, зачастую находится в прямой зависимости от шума из-за обрушивающихся на них нападок. Мы неплохо знаем русскую классику. Русские, знающие американскую классику не так хорошо, интересуются нашими современными авторами в той степени, в какой они умеют ярко отобразить то, что русские считают основными жизненными ценностями. Из американских прозаиков они безумно любят Хемингуэя; из ныне здравствующих писателей предпочитают Дж. Д. Сэлинджера и Джона Апдайка. Ибо, настаивают они, в жизни все финалы счастливые. Они начали восторгаться Фростом, когда усвоили то, что “усвоил” он: из одинокого вопрошания вырастают утверждение доброты и мысль о конечном торжестве человека.

Фрост не решался безоговорочно принять восхищение русских и признать высокое достоинство и энергию русской интеллигенции. Он отказывался рассматривать

интеллектуальную деятельность в отрыве от политических взглядов. За завтраком в пятницу мы разговаривали о предыдущем вечере и перешли на обсуждение социальной роли писателя и интеллектуала в России. Фрост не видел принципиальных различий между русскими интеллектуалами и американскими, последних он в большинстве своем считал либеральными тупицами, казуистами, плагиаторами и малодушными маловерами. Однако за считанные дни он несколько изменил свою точку зрения. Не разделяя многих убеждений и взглядов русских интеллектуалов, он признал их нравственную цельность и энергию. Он осознал тот факт, что быть интеллектуалом в России — значит не сидеть сложа руки.

В пятницу ближе к вечеру мы поехали в Переделкино — поселок примерно в двадцати пяти километрах от Москвы по киевскому направлению. Перед войной здесь построили писательские дачи и дом творчества — пансионат, в котором многие московские писатели живут по трех-четырехнедельным путевкам вместе со своими коллегами. Утром они работают, днем гуляют, вечером посещают литературные чтения, концерты и ужины. В Переделкине жили несколько знаменитых русских литераторов. Дом Пастернака, стоящий на краю поля перед пионерским лагерем, смотрит в сторону кладбища на пригорке, где похоронен писатель, и железнодорожной станции, виднеющейся за ним. Мы ехали на ужин к Корнею Чуковскому.

Многоэтажные дома-коробки, мешковатая одежда, незнакомый язык, непривычная еда, чужие нравы — многое в России было Фросту в диковинку. Он и представить себе не мог, насколько Россия окажется не похожей на его страну. Но дорога до Переделкина, как и березовая роща по пути из аэропорта, напомнили ему родные места и дали ощутить сходство здешнего с тем, что окружало его многие годы.

Двухэтажный дом Чуковского со множеством окон, застекленной верандой внизу и большим балконом наверху стоял среди высоких темных сосен позади фруктовых деревьев и огорода. Зеленые деревянные ворота были открыты. Наш “ЗИМ” свернул на подъездную аллею, и Чуковский сразу же вышел встречать нас. Он радушно поздоровался с Фростом на беглом английском, произведя на нас впечатление своим импозантным видом.

Ясноглазый худощавый человек с прямыми седыми волосами и озорным юмором, он в том году провел три майские недели в Англии. Он был лауреатом Ленинской премии, и Оксфордский университет присудил ему почетную докторскую степень. Кто-то добродушно сострил, что, хотя Фросту Оксфордский университет присудил докторскую степень в 1958 году, на четыре года раньше, чем Чуковскому, зато Чуковский стал доктором в восемьдесят лет, а Фрост — в восемьдесят четыре. После того как мы ненадолго заглянули в детскую публичную библиотеку рядом с его домом, Чуковский, этот знаменитый литературовед и детский поэт, облачился в красно-серую оксфордскую мантию и, по его собственному выражению, пустился в пляс, как скоморох. Они с Фростом предались воспоминаниям об Англии, и Фрост, шутливо выставляя напоказ фирменное вермонтское скупердяйство, заметил, что присуждение степени ему было, конечно, приятно, но вот на балахон он денег пожалел.

Прогулявшись по саду, мы удалились в кабинет Чуковского на втором этаже, а его невестка тем временем занималась ужином. Распорядительницы, разумеется, приехали с нами. Чуковский пригласил писателя Макса Поляновского, поэта Степана Щипачева, критика и ученого Юлиана Оксмана. Щипачев, седой лирический поэт с тихими манерами и природным обаянием, побуждавший своих более молодых коллег к экспериментаторству, в то время возглавлял

московское отделение Союза писателей. Оксману, одному из самых блестящих литературоведов, было за шестьдесят, но он двигался и говорил с неуемной энергией. Проницательность Чуковского, его яркий стиль поведения, эрудиция и дар выразительного слова и жеста задали тон вечеру. Мне было очень хорошо с этими людьми, чья широкая образованность и гражданское неравнодушие позволяли мне на подмосковной даче в лесу чувствовать себя оказавшимся в средоточии мировых жизненных сил.

За ужином Чуковский был и радушным хозяином, и переводчиком, и высокообразованным собеседником. Он посадил Фроста во главе стола, Щипачева по левую руку от него, а сам сел по правую. Они стали разговаривать втроем о русской кухне и лирической поэзии; Чуковский переводил и комментировал. Все остальные слушали.

Одна из распорядительниц спокойно взирала на происходящее, а другая, с излишним рвением относившаяся к своим обязанностям и, как нам казалось, специально приставленная к Фросту, начала, к общему смущению, повторять то, что говорил Чуковский. Ее голос звучал громче и громче; Фрост, который был туговат на ухо, слышал все меньше и меньше. Вдруг она вскочила, желая подбежать к нему и прокричать прямо в ухо. Фрост отпрянул и загородился ладонью. “Уйдите, сядьте, — сказал он, замахав рукой, — нет, нет, нет, нет, нет, нет”. Он понятия не имел, зачем она вскочила, и решил, что ей вздумалось его поцеловать. Она села, несколько поостыв, и Чуковский снова взял застолье в свои руки. Позже в гостинице Фрост посмеялся над этим недоразумением, но нельзя сказать, что он не рассердился. Он начинал чувствовать, что от распорядительниц больше вреда, чем пользы, и вспомнил, как перед поездкой решительно отказался взять с собой переводчицу. Он начал уставать от непонятной для него русской речи. А вот с Чуковским он

общался на сложном и богатом английском, получая от этого удовольствие. Фрост и Чуковский попеременно обменивались то серьезными высказываниями, то шутками; они очень подружились. Полученное Фростом резкое напоминание о том, что он, как бы ни был любезен хозяин и богато угощение, находится на чужбине, — напоминание, подтвержденное событиями следующего дня, — застало его врасплох.

Стол ломился от яств, и гости были в приподнятом настроении. Мы произносили тосты, пили водку и вино, прихлебывали чай, ели пирог и чувствовали себя почти как дома. Впоследствии Фрост неоднократно с восторгом говорил об этом вечере, вспоминал, как Чуковский танцевал в оксфордской мантии и как они вместе осматривали его библиотеку. Перед ужином появился, подобно некоему злому духу, корреспондент ТАСС и договорился еще об одном в бесконечной череде интервью. Но даже появление этого призрака средств массовой информации не омрачило праздничной атмосферы вечера. Корреспонденты, распорядительницы, доброхоты, патриоты — все они мешали Фросту знакомиться с Россией, и тем не менее много раз он чувствовал, что дотрагивается до России как она есть, — особенно в этот вечер, а также во время публичных чтений и встречи в Гагре, которую он хранил в памяти как кульминацию своей поездки в Россию.

Суббота

Дети и все, кто серьезно относится к суевериям, говорят: когда проходишь мимо кладбища, нужно чертыхнуться. Это первое, что следует делать первого числа каждого месяца. Мы почему-то забыли об этом и все утро жалели, что навлекли на себя неприятности. Русские тоже хотели бы без них обойтись. Потом они принесли нам извинения. Так или иначе, субботний день первого сентября наступил и обернулся для нас одним из

тех мероприятий, которые были организованы распорядительницами с согласия Фроста.

День выдался серый, пасмурный и дождливый. Все жаловались на плохую погоду, на холодное и сырое лето. Несколько американских корреспондентов встретили нас в вестибюле гостиницы после завтрака. Дождь шел всю ночь и еще продолжал моросить. Небо хмурилось. Из-за мокрого асфальта и бетона город казался мрачным. Улицы были безлюдными.

После почти безнадежного плутания среди грязных пустырей в районе, незнакомом нашему водителю, где одни дома были снесены, другие строились, мы отыскали среднюю школу № 7 “с английским уклоном”. Мы вошли неуверенно, и начавшаяся вокруг суматоха еще больше убедила нас в том, что мы явились некстати. Очевидно, нас, как гоголевского ревизора, и ждали и не ждали одновременно.

Фрост сперва вообще не хотел ехать, но потом все-таки согласился. Дело в том, что несколько его стихотворений были отобраны и переложены для детей; он любил своих внуков и детскую непосредственность, и к тому же, побывав накануне в гостях у Чуковского, поэта номер один для русской детворы, он сознавал общественную значимость этого визита. Однако он с самого начала боялся, что его не поймут.

Директриса представляла собой в некотором роде законченный экземпляр. Фрост сразу инстинктивно от нее отшатнулся. Все стены в коридорах были увешаны призывами, девизами и английскими поговорками о правилах хорошего тона. Младшеклассники, к которым мы зашли в первую очередь, были огорошены появлением седого иностранца. Через несколько секунд мы ретировались и, предварительно заглянув в класс постарше, наконец добрались до семиклассников.

Когда мы вошли, дети встали по стойке “смирно” у своих парт. Девочки были в коричневых платьях и черных, непарадных фартуках — форме, которую издавна носят русские школьницы. Мальчики были одеты в сизую форму с фальшивыми медными пуговицами, по которой сразу можно узнать школьника. На всех были алые пионерские галстуки. Учительница была в вязаном костюме, затянутом в талии, ее черные волосы были заплетены в косу и собраны на затылке в пучок. Она обратилась ко всему классу, но прежде всего к рыжеволосому мальчику на передней парте, требуя, чтобы ученики задали Фросту вопрос. Дрожащим голосом мальчик спросил: “Что вы думаете о полете наших космонавтов?” — “Думаю, что это замечательно, — сказал Фрост, — а тебе так не кажется?” “Разумеется”, — сказал мальчик, уверенный в том, что выполнил свой долг, но растерявшийся от незнания, что говорить дальше.

Фрост спросил у класса, кто хотел бы полететь на Луну. Пока журналисты делали свои записи, а фотографы фотографировали, дети медленно, боязливо подняли руки. “Вы хотите вырваться отсюда любым способом”, — съязвил Фрост. Никто ничего не ответил. “Это я так над вами подшучиваю”, — добавил он и постарался объяснить, что значит “подшучивать”.

Учительница проверяла рыжего мальчугана на знание английского.

— Как будет по-английски “плавать”, Николай?
Мальчик помедлил, потом начал неуверенно: “Th-th-th...”
— Нет, нет, — сказала учительница. — Попробуй еще раз.
— Thwim.
— Нет, нет, — закричала она. — Не “thwim”, — и она сделала паузу для большего эффекта, — а “sweem”!

Нас всех слегка передернуло: было жалко мальчика и стыдно за учительницу.

Учительница попросила Фроста прочитать стихотворение. Он прочел несколько строк из “Пастбища”. Ребята, по-видимому, ничего не поняли, и настойчивые попытки учительницы объяснить, что говорится в этих строках, — попытки, которые Фрост разгадал без перевода, только ухудшили дело. Фрост вдруг почувствовал сильную усталость от бесплодных усилий и предложил уйти. Он вежливо простился с классом и учительницей, надел шляпу и, закутавшись в плащ, вышел к машине.

”По-моему, это была бессмысленная затея”, — сказал Фрост. Нам оставалось только согласиться. Русские потом сказали, что была допущена ошибка при выборе школы, но поездка все равно оставила гнетущее впечатление. Из-за нее Фрост почувствовал себя в еще большей изоляции, почувствовал себя находящимся еще дальше от главной цели — встречи с Хрущевым. Ведь если, думал Фрост, ему придется тратить все время на болтовню со школьниками, которые почти не знают английского, он никогда не попадет на юг, где находится сейчас Хрущев. А сам юг пока хранил молчание.

<...> После обеда Фрост отдыхал; Адамс вместе с Сергеевым, одним из переводчиков Фроста, отправился в Кремль. В тот вечер мы посетили кафе по приглашению Евтушенко.

Это было кафе “Аэлита”. Оно находилось в Оружейном переулке рядом с площадью Маяковского, примыкающей к улице Горького. Кафе славилось импровизированными поэтическими вечерами, здесь Евтушенко читал полный текст “Бабьего Яра”. Когда кафе только открылось, в него, как я понял, пускали всех желающих, но времена изменились, и, вопреки рекламным обещаниям наших распорядительниц, это сказалось на публике. Теперь сюда можно было попасть только по комсомольской линии. Обстановка в кафе была чинной, и на улице никто в очереди не стоял.

Жизнь внутри самого кафе, так же как и жизнь внутри любой кофейни на Макдугал-стрит, разительно отличалась от обыденной действительности. Интерьер и атмосфера были современными и изысканно-скромными. В зале, разгороженном посередине, молодые пары сидели за столами группами от четырех до десяти человек; посетители потягивали вино и пили кофе. Коньяка в русских кафе не подают.

В конце зала оркестр играл джаз. Наше присутствие казалось здесь совершенно неуместным, хотя в действительности вечер был тщательно продуман. Мы сидели за длинным столом и пили белое грузинское вино. Евтушенко был восторженным и радушным хозяином. Он заряжал всех своей энергией, и благодаря ей вечер набрал обороты.

В кафе сидело несколько корреспондентов. Пришли две наши распорядительницы. Был также Мэтлок. Кроме Евтушенко, пришел Эдуардас Межелайтис — литовский поэт, живущий в Москве, который, будучи человеком умеренных взглядов, казался политическим наставником и духовным вожатым более молодых художников.

Через день-два после нашего приезда “Правда” опубликовала его стихотворение в прозе о Фросте “Голубоглазая скала” — так автор любовно именовал почтенного старца. Эта публикация отражала понимание в обществе важности визита Фроста.

Был также Евгений Винокуров — грузный, молчаливый, талантливый молодой поэт. Андрей Вознесенский, круглолицый, большеротый и ясноглазый, возможно самый даровитый представитель поэтической молодежи, иногда садился напротив Фроста, иногда вставал у него за спиной, иногда стоял, прислонившись к стене. Мы образовали шумную группу вокруг нескольких сдвинутых вместе столов.

№ 2

Евтушенко постоянно обращался к Фросту. Они с Фростом разительно отличались друг от друга. Фрост, сутулый старик с погрузневшим телом и дряблой кожей на шее и под подбородком, был медлителен и скован в движениях. Его чуткость и живость были при нем, но сил надолго не хватало. А вот Евтушенко казался неистощимым. Высокий и угловатый, он двигался импульсивно, разговаривал напористо. Он был подвижен и энергичен, он сознавал свою популярность и значимость. Он предлагал тост, тут же осушал бокал и протягивал длинную руку с бутылкой, чтобы снова наполнить бокалы. Трудно было сказать, кто он в большей степени — поэт или политик. Фрост отказывался разделять в Евтушенко одного и другого. Когда разговор коснулся хороших и плохих людей, Евтушенко заявил, что плохих людей меньше, но они лучше организованы и что нередко своими наглыми действиями “они провоцируют нас на хорошие поступки”. “На то, чтобы их убить, например?” — пошутил Фрост. Евтушенко, безусловно, имел в виду избавление от сталинского прошлого, но Фрост был не готов проводить такую четкую грань между добром и злом. Он неожиданно обратился к Евтушенко: “А убийство плохого человека — это хороший поступок?” Евтушенко не ответил.

Посреди разговора и тостов вдруг объявили в микрофон о нашем присутствии и Фроста попросили прочесть стихотворение. Никто не собирался ничего разъяснять. Никто не собирался переводить. Фрост находился среди поэтов и посетителей кафе, часть из которых знала английский. Слушатели должны были воспринять стихотворение через музыку слов. Выразив в нескольких фразах благодарность, Фрост объявил название: “Остановка у леса снежным вечером”. Ему аплодировали громко и долго, но, думаю,

скорее за то, что он находился здесь в компании Евтушенко, чем за само стихотворение. Но разве не этого в конечном счете хотел Фрост? Он был олицетворением традиции и в то же время воплощал в себе мечты русской молодежи о будущем. Он был американцем, он был знаменит, и он был великим поэтом.

<...> В действительности Фрост был настолько далек от этой группы молодых людей как в возрастном, так и в культурном отношении, что их совместный вечер держался исключительно на общем понимании общественного и политического значения происходящего. Фросту хотелось все увидеть, Евтушенко оказал нам более чем радушный прием. Он находился в прекрасном расположении духа. В конце лета 1962 года молодые художники все еще были полны энтузиазма, они продолжали верить не только в правоту своего дела, но и в его конечное торжество. Союз с Фростом на основе общности взглядов мог придать им респектабельности, которая пригодилась бы им в ближайшем будущем, как и молодым американцам. Но Фрост и большинство молодых поэтов смотрели на вещи совершенно по-разному. Политические взгляды Фроста не были растяжимы. Впоследствии в неоконченном письме он заметил, что во время поездки “если и было что-то неприятное, то это было связано с их самым знаменитым поэтом Евтушенко, который, побывав на Кубе, взбодрил свой революционный дух дружбой с Кастро и, возможно, приедет сюда”. Евтушенко был неугомонен, очарователен, порой вдруг отрешен — почти замкнут в себе, — и двигался он с такой быстротой, что закрадывались сомнения в его реальности. Он рассуждал и о славе Кастро, и о тоске одиночества, чем смутил Фроста, который любил повторять, что поэзия имеет дело с высокими горестями, а политика — с низкими претензиями. У него вызывало недоверие то, как Евтушенко смешивал эти вещи.

Евтушенко пригласил Фроста поужинать у него дома после посещения кафе. Мы отправились по Ленинградскому шоссе мимо нашей гостиницы с ресторанным прошлым на маленькую улочку в районе станции метро “Аэропорт”, где вместе с другими писателями и художниками в новом доме жил со своей темноволосой женой в маленькой трехкомнатной квартире Евтушенко. Гостиная была просторной. На стенах висели картины кубинских абстракционистов и огромный белый нагрудный значок с надписью черными печатными буквами: “Я БИТНИК”. Квартира выглядела привлекательно, мебель в ней была современной. Все как один называли Евтушенко Женей — жена, две наши распорядительницы и кто-то, кто ошибся квартирой.

Сначала мы стоя курили и разглядывали картины, вели светский разговор. Жена Евтушенко накрывала на стол, некоторые гости приносили из кухни тарелки и блюда. Фроста посадили в дальний конец стола; рядом с ним, по соседству с Евтушенко, сел Мэтлок. Комната была наполнена движением, разговорами, легким смехом. Большинство присутствовавших были молоды. Словом, самая настоящая вечеринка.

Среди гостей были Межелайтис и Винокуров. Вознесенский к нам не присоединился: у него была запись на радио. После ужина приехали Рождественский с женой, оба в темных очках. Рождественский так и остался в очках и почти не разговаривал с Фростом. Фросту было приятно находиться среди этих пышущих энергией, самоуверенных поэтов, но, думаю, он все сильней ощущал свою чуждость их среде. Во всяком случае, когда его попросили прочесть стихотворение, он наотрез отказался. Он восхищался боевитостью молодых поэтов, но не одобрял их бравады и тяги к внешним эффектам. В Евтушенко рисовка сочеталась с сильными прокубинскими настроениями, о которых потом вспоминал Фрост, и само это сочетание вдруг показалось Фросту фальшивым.

<...> Мы вернулись в гостиницу около полуночи. Мы начали этот субботний день с незадавшегося по нашей вине утра и кончили его торжественной встречей в кафе и поэтической вечеринкой у самого популярного поэта России. “Да, кутили мы до посинения или нет — до покраснения”, — пошутил Фрост, кинув шляпу на стул в прихожей своего номера-люкс, бледный и очень уставший. Он не мог выбросить из головы Евтушенко с его политическими воззрениями, и мы говорили еще примерно час о “поэте” и “толпе”, о связи поэта с аудиторией и его ответственности перед страной. Фрост в который раз рассуждал об идейной направленности поэзии, об искусстве как проводнике взаимопонимания, а, следовательно, глубоко нравственном явлении, хотя он не употреблял таких слов. Он не переставал спрашивать, как Евтушенко может всерьез думать, что поэзия и революция близки по духу. Он в шутливом ключе говорил о различиях между Россией и Америкой, о своем кредо и своих стереотипах мышления и поведения. И наконец, уже собираясь идти спать, он спросил с язвительной ноткой в голосе: “Интересно, у них здесь нормальное воскресенье, мы сможем отдохнуть?” — и потом засмеялся.

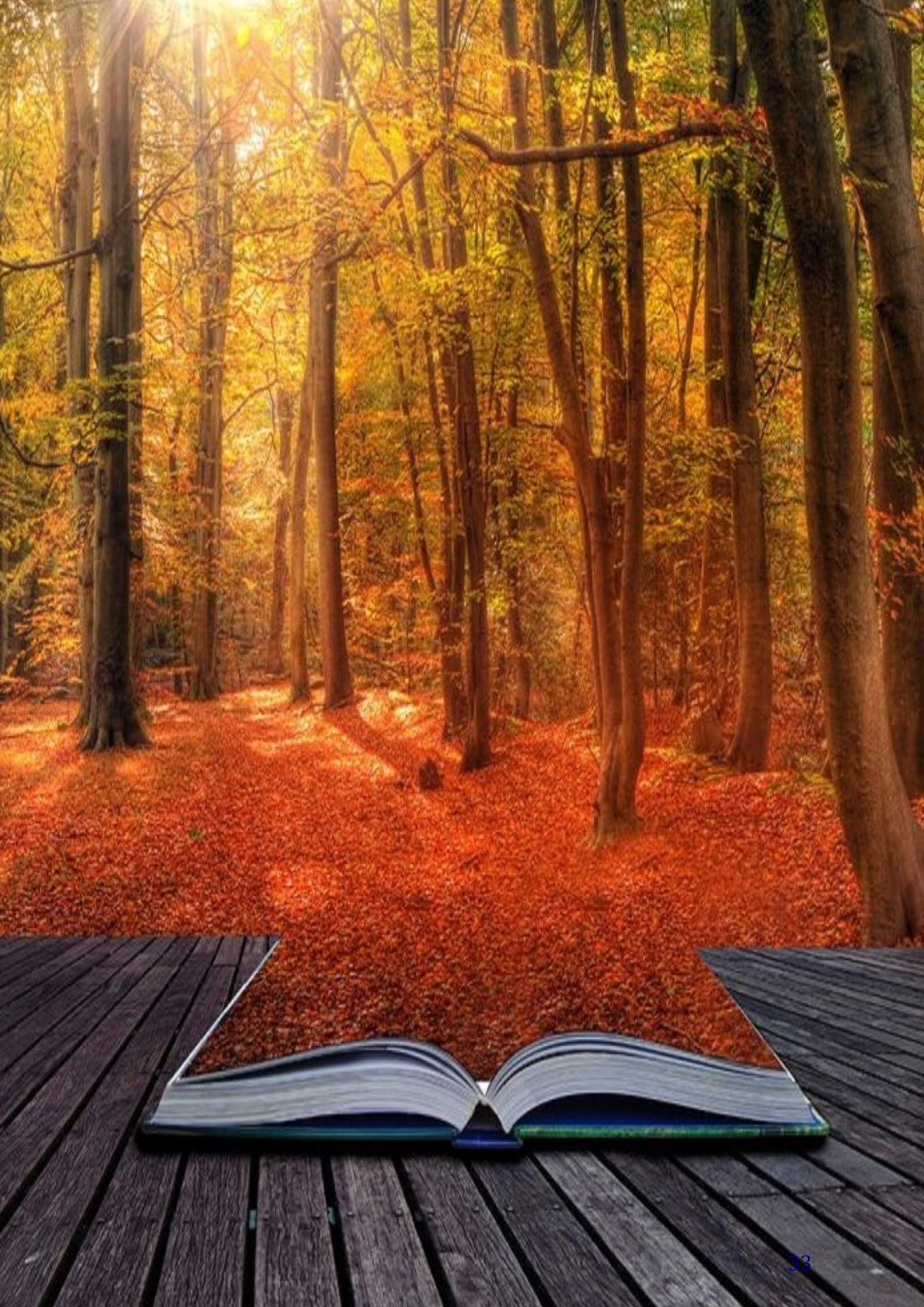
* Продолжение в книге «ПЕРЕВОДЫ» ч.2.2

ПЕРЕВОДЫ

Стихотворения Роберта Фроста в переводе Владимира Кормана с его комментариями.

(Часть 2-я.)

«**Корман Владимир Михайлович**
автор-любитель, родом из города Владимира (вне союзов, объединений, групп и кружков). Сочинитель стихов, палиндромов, венков сонетов и всякой всячины.»



Предначертание

Под утро на лекарственной прунелле
вдруг пауку достался мотылёк.
Он стал похож на жалкий лоскуток,
поскольку жизнь была уж на пределе.
Паук дорвался до желанной цели,
как ведьма, что схватила котелок
и собралась хлебнуть оттуда впрок.
И крылышки, столь резвые доселе
у мотылька безжизненно висели.

Цветок - целебный, а подвёл безбожно.
С чего паук залез на стебелёк ?
Кто мотылька в ту ночь туда завлёк ?
Уйти от предначертанности сложно.
Она царит и там, где всё ничтожно.

Вариант 2.

Предопределение

Под утро на цветке черноголовки
вдруг пауку достался мотылёк.
Он выглядел как смятый лоскуток,
движенья были жалки и неловки,
зато паук был весь на изготовке,
как ведьма, что схватила котелок,
намерившись позавтракать чуток.
И судорожно сжались крылья совки,
бессильные в трагичной обстановке.

Цветок был ни при чём. Вопрос не сложен,
хоть чем-то мотылька к себе завлёк,
когда паук залез на стебелёк:
то рок неоспорим и непреложен,
хоть ты велик, хоть ты совсем ничтожен.

Robert Frost Design

I found a dimpled spider, fat and white,
On a white heal-all, holding up a moth
Like a white piece of rigid satin cloth -
Assorted characters of death and blight
Mixed ready to begin the morning right,
Like the ingredients of a witches' broth -
A snow-drop spider, a flower like a froth,
And dead wings carried like a paper kite.

What had that flower to do with being white,
The wayside blue and innocent heal-all?
What brought the kindred spider to that height,
Then steered the white moth thither in the night?
What but design of darkness to appall? -
If design govern in a thing so small.

Прильну к земле

Любовь коснулась уст -
сласть вышла из предела
заворожённых чувств.
Душа взлетела.

А после, в пору слёз,
взманил из погребов
продукт мускатных лоз,
всесильный зов.

Кружилась голова,
и жимолость в лесу,
чтоб стала вновь трезва,
лила росу.

Набрался новых грёз,
но вышел из юнцов.
Узнал коварство роз
и злость шипов.

Любая радость - с солью.
Малейшая погрешность
чревата острой болью
и портит внешность.

Среди иных итогов,
любовь была причиной
болезненных ожогов,
сласть стала горькой хиной.

Когда досада в сердце,
то в нём родится бунт.
Мне мало опереться
рукой на грунт.

Хочу земную толщу,
всю мощь и грубость в целом,
колючую на ощупь,
познать всем телом.

To Earthward

Love at the lips was touch
As sweet as I could bear;
And once that seemed too much;
I lived on air

That crossed me from sweet things,
The flow of - was it musk
From hidden grapevine springs
Down hill at dusk?

I had the swirl and ache
From sprays of honeysuckle
That when they're gathered shake
Dew on the knuckle.

I craved strong sweets, but those
Seemed strong when I was young;
The petal of the rose
It was that stung.

Now no joy but lacks salt
That is not dashed with pain
And weariness and fault;
I crave the stain

Of tears, the aftermark
Of almost too much love,
The sweet of bitter bark
And burning clove.

When stiff and sore and scarred
I take away my hand
From leaning on it hard
In grass and sand,

The hurt is not enough:
I long for weight and strength
To feel the earth as rough
To all my length.

Примечание.

Это стихотворение неоднократно переводилось на русский язык, в том числе Б.Зверевым, Алёной Алексеевой, Владом Дерябиным, Валерием Чижиком.

Бесконечный миг

Он стал там на ветру, но только кто ж,
вдали, меж клёнов, бледный, но не дух?
Для Марта был он чересчур хорош
и будоражил зрение и слух.

И я сказал: "Цветущий Парадиз!"
Казалось, будто это вправду Рай.
Не верилось при виде пышных риз
в такой роскошный изобильный Май.

Мы созерцали странный мир лишь миг.
Иллюзия линяла на наяву.
Я всё постиг, добравшись напрямик:
то бук не сбросил старую листву...

A Boundless Moment

He halted in the wind, and -- what was that
Far in the maples, pale, but not a ghost?
He stood there bringing March against his thought,
And yet too ready to believe the most.

"Oh, that's the Paradise-in-bloom," I said;
And truly it was fair enough for flowers
had we but in us to assume in march
Such white luxuriance of May for ours.

We stood a moment so in a strange world,
Myself as one his own pretense deceives;
And then I said the truth (and we moved on).
A young beech clinging to its last year's leaves.

Примечание.

Стихотворение «A Boundless Moment» было неоднократно переведено на русский язык, в том числе Алёной Алексеевой и Вячеславом Толстовым.

Ручей в городе

Наш старый дом был фермерским вначале,
теперь вписался в городском квартале.
Но где ж ручей, что огибал весь дом,
держа его в объятии тугом?

В ручье была напористая сила:
подставь ладонь - струя по пальцам била.
Я как-то раз мокнул в неё цветок -
поток, резвясь, всю руку поволок.
Траву, чтоб не мешалась под ногами,
укрыли под асфальтом и камнями.
Все яблони ушли, должно быть, в печь.
Туда ж пришлось другим деревьям лечь.
Ненадобный ручей, грозивший бунтом,
засыпали золой, песком и грунтом.
Теперь ручей под сводом, в глубине,
невидимый, неслышимый извне.
И нынче не понять, чего он ради
живёт и движется во тьме и смраде.
Не вырвется ли он, войдя в азарт?
Он виден на листах старинных карт.
В те карты смотрит нынче, кто боится,
что наш ручей вдруг выйдет из темницы.
И юный город страхом удручён -
не ладятся от дум ни труд, ни сон.

A Brook In The City

The farmhouse lingers, though averse to square
With the new city street it has to wear
A number in. But what about the brook
That held the house as in an elbow-crook?
I ask as one who knew the brook, its strength
And impulse, having dipped a finger length
And made it leap my knuckle, having tossed
A flower to try its currents where they crossed.

The meadow grass could be cemented down
From growing under pavements of a town;
The apple trees be sent to hearth-stone flame.
Is water wood to serve a brook the same?
How else dispose of an immortal force
No longer needed? Staunch it at its source
With cinder loads dumped down? The brook was thrown
Deep in a sewer dungeon under stone
In fetid darkness still to live and run --
And all for nothing it had ever done
Except forget to go in fear perhaps.
No one would know except for ancient maps
That such a brook ran water. But I wonder
If from its being kept forever under,
The thoughts may not have risen that so keep
This new-built city from both work and sleep.

Примечание.

Стихотворение «A Brook in the City» неоднократно переводилось на русский, в том числе Василием Бетаки, Борисом Старосельским, Николаем Кружковым.

Жильё в утёсе

Песок - как золото небес,
равнина - будто золотая.
Бреди по ней наперерез -
до горизонта ни жилища,
лишь меловой барьер с бугром,
в нём грот, к нему тропа крутая.
Вход - будто тёмное клише.

Туда ползком влезал в проём,
чтоб в страхе прятаться от бед,
дикарь с мозолью на душе,
из рода, что здесь долго рыща
погиб от мора и без пищи
до нас - за десять тысяч лет.

A Cliff Dwelling

There sandy seems the golden sky
And golden seems the sandy plain.
No habitation meets the eye
Unless in the horizon rim,
Some halfway up the limestone wall,
That spot of black is not a stain
Or shadow, but a cavern hole,
Where someone used to climb and crawl
To rest from his besetting fears.
I see the callus on his soul
The disappearing last of him
And of his race starvation slim,
Oh years ago - ten thousand years.

Примечание.

Стихотворение «A Cliff Dwelling» можно найти в других переводах на русский язык, в том числе в переводах Александра Кушнера и Вячеслава Толстова.

Прогулка поздней осенью

Давно закончился покос.
Иду, а травы - в лёжку -
блестят росою на земле,
почти прикрыв дорожку.

С тоской зашёл в осенний сад:
бурьян и запустенье.
А гомон загрустивших птиц -
как траурное пенье.

Повис последний бурый лист
на дереве угрюмом
и, будто я в том виноват,
при мне сорвался с шумом.

Заметил голубой цветок.
Неважно, что не ярок.
И астру, что в пути сорвал,
несу тебе в подарок.

A Late Walk

When I go up through the mowing field,
The headless aftermath,
Smooth-laid like thatch with the heavy dew,
Half closes the garden path.

And when I come to the garden ground,
The whir of sober birds

Up from the tangle of withered weeds
Is sadder than any words

A tree beside the wall stands bare,
But a leaf that lingered brown,
Disturbed, I doubt not, by my thought,
Comes softly rattling down.

I end not far from my going forth
By picking the faded blue
Of the last remaining aster flower
To carry again to you.

Примечание.

Стихотворение «A Late Walk» ("Поздняя прогулка") известно в нескольких переводах на русский, в том числе в переводах Виктора Топорова, Ю.Комарова, В.Белякова, С.Кишкинского, Вячеслава Толстова, В.Хлебникова ("Прогулка поздней осенью").

Острая боль мечты

Я вместе с песней углубился в бор,
и листья быстро подхватили пенье.
Ты вышла к краю леса как виденье,
и я молил, чтоб это был не вздор.

Но как ни жгуч и искрен был задор,
ты оставалась только дальней тенью,
дав мне кивком лишь знак, чтоб для сближенья
я сам сказал, что я за ухажёр.

И я был рядом, я глядел в упор,
смотрел из-за деревьев и кустов
и всё же не затеял разговор -

к нему был в сладкой муке не готов.
Но, право же, я не был отчуждён -
и ты тому порукою, мой сон.

A Dream Pang

I had withdrawn in forest, and my song
Was swallowed up in leaves that blew alway;
And to the forest edge you came one day
(This was my dream) and looked and pondered long,
But did not enter, though the wish was strong:
You shook your pensive head as who should say,
‘I dare not—too far in his footsteps stray—
He must seek me would he undo the wrong.

Not far, but near, I stood and saw it all
Behind low boughs the trees let down outside;
And the sweet pang it cost me not to call
And tell you that I saw does still abide.
But ’tis not true that thus I dwelt aloof,
For the wood wakes, and you are here for proof.

Примечание.

Стихотворение «A Dream Pang» известно в переводах на русский Вячеслава Толстова, Виктора Топорова ("Страдание во сне") и других.

Минорная птица

Я был рассержен птахой на заборе,
что распевала целый день в миноре.

И я прогнал певца одним хлопком,
пресытясь звонким тонким голоском.

Я был неправ: всем птицам от рожденья
предписана своя манера пенья.

А, поразмыслив, понял до конца,
как это скверно - обрывать певца.

A Minor Bird

I have wished a bird would fly away,
And not sing by my house all day;

Have clapped my hands at him from the door
When it seemed as if I could bear no more.

The fault must partly have been in me.
The bird was not to blame for his key.

And of course there must be something wrong
In wanting to silence any song.

Примечание.

Стихотворение «A Minor Bird» встречается во многих переводах на русский язык. В числе других переведено Захаром Гинзбургом, Германом Филимоновым, Андреем Кротковым.

Кучка давнишнего снега

Кучка давнишнего снега в углу.
Думаю, вся эта грязь
вместе с газетой была под дождём,
после чего расползлась.

В мусорном ворохе мелкий шрифт,
вроде роящихся пчёл:
смесь новостей, что я позабыл,
если даже прочёл.

A Patch of Old Snow

There's a patch of old snow in a corner
That I should have guessed
Was a blow-away paper the rain
Had brought to rest.

It is speckled with grime as if
Small print overspread it,
The news of a day I've forgotten -
If I ever read it.

Примечание.

Стихотворение «A Patch of Old Snow» существует в разных переводах на русский язык. В том числе переведено Глебом Сошниковым.

Весенняя молитва

Пошли нам, Боже, вешних дней в цветах,
чтоб нынче не гнездился в душах страх
и не тревожил новый урожай.
Пусть просто будет безмятежный май.

Пусть будет весел каждый божий сад,
одетый в ароматный свой наряд,
где трудятся рои счастливых пчёл,
где ночью романтичный ореол.

Дай нам взглянуть на дивный для зениц
стремительный полёт отважных птиц,
взлетающих со скоростью комет,
встречающих в парении рассвет.

И пусть любовь нас движет к торжеству -
любовь к сияющему в небе Божеству,
и да исполнится Его зарок,
и да восславлен будет только Бог.

A Prayer in Spring

Oh, give us pleasure in the flowers to-day;
And give us not to think so far away
As the uncertain harvest; keep us here
All simply in the springing of the year.

Oh, give us pleasure in the orchard white,
Like nothing else by day, like ghosts by night;
And make us happy in the happy bees,
The swarm dilating round the perfect trees.

And make us happy in the darting bird
That suddenly above the bees is heard,
The meteor that thrusts in with needle bill,
And off a blossom in mid air stands still.

For this is love and nothing else is love,
The which it is reserved for God above
To sanctify to what far ends He will,
But which it only needs that we fulfil.

Примечание.

Стихотворение «A Prayer in Spring» было переведено на русский язык неоднократно, в том числе Алёной Алексеевой, Рустамом Галаниным, Лидией Иотковской, И.Кариным, Николаем Кружковым, Вячеславом Толстовым, Виктором Топоровым.

Вопрос

"Землянин, - грянул глас с небес -
окупит ли твоё рожденье
все раны страждущих телес
и все душевные мученья?"

A Question

A voice said, Look me in the stars
And tell me truly, men of earth,
If all the soul-and-body scars
Were not too much to pay for birth.

Примечания.

Стихотворение «A Question» неоднократно переводилось на русский язык, в том числе Лилией Мальцевой, Александром Снегуром, Петром Трапезниковым.

Время, чтобы поговорить

Когда мой друг подскачет ближе,
привстанет и вскричит: "Привет!" -
я не смолчу в ответ ему
на том холме, где я мотыжу,
не заору: "Что там опять?" -
мол, мне сейчас не до бесед.
Нет! Лишь мотыгу подниму

и, разогнув мои пять футов,
попрусь, чтоб с другом у закутов
чуть-чуть потолковать.

Вариант 2.

Когда к холму, где я мотыжу,
подкачет друг, крича: "Привет!" -
хоть, может быть, не рад ему,
я гостя зря не замурыжу
и не вскричу: "Что там опять?" -
Мол, нынче мне не до бесед.
Нет. Я мотыгу подниму,
свои пять футов разгибая,
и потащусь скорей к сараю -
к дружку - потолковать.

A Time to Talk

When a friend calls to me from the road
And slows his horse to a meaning walk,
I don't stand still and look around
On all the hills I haven't hoed,
And shout from where I am, What is it?
No, not as there is a time to talk.
I thrust my hoe in the mellow ground,
Blade-end up and five feet tall,
And plod: I go up to the stone wall
For a friendly visit.

Примечание.

Стихотворение «A Time to Talk» из книги «Mountain Interval», 1916, переведено на русский язык, в числе прочих, Алёной Алексеевой, Коряковцевым (и Циплаковым), Глебом Сошниковым, Григорием Кружковым, Владом Васюхиным.

После сбора яблок

Хоть лестница у дерева торчала
и можно было вверх забраться без труда,
но там висело лишь два-три плода.
В последней бочке яблок было мало.
Хватало и того, что снял я до сих пор.
На том и порешил закончить сбор.
Дух зимней спячки посетил меня в ночи.
Плодовый аромат гнал в сон.
В глазах мелькали странные лучи,
просеянные сквозь пластинку изо льда
и седоватый травяной узор,
что в кадке выплела студёная вода.
Пластинка таяла в руках, с неё стекали слёзы,
и - шасть! -
намерилась упасть.
Вот тут и сон вошёл во власть.
Я оказался в мире грёзы.
Большие яблоки катились взад-вперёд;
их ветки, их цветы, их завязь.
В багряных пятнах красовался каждый плод.
Касаясь шатких жёстких перекладин,
мои ступни болели, стоило шагнуть.
Увы! Я там качался не забавясь.

При этом грохотало из подвала -
терзала жуть -
туда лавина яблок залетала.
Я делал дело, не жалея рук.
Собрал мой урожай. Дышу устало.
Тех яблок, как душа желала -
должно быть, десять миллионов штук.
Лелею каждый плод, не дай бог упадёт
на землю или лёд.
Тогда ему одна дорога.
Пусть не пронзён стернёй, пусть внешне цел,
годится лишь на сидр, как всякий брак.
Слежу за этим строго.
Такую муть я посмотрел.
Такой вот мучился горячкой.
Она и нынче не прошла.
Сурок её сравнил бы с зимней спячкой,
но, видимо, ночная мгла
внушила мне обычный смутный сон.

After Apple Picking

My long two-pointed ladder's sticking through a tree
Toward heaven still.
And there's a barrel that I didn't fill
Beside it, and there may be two or three
Apples I didn't pick upon some bough.
But I am done with apple-picking now.
Essence of winter sleep is on the night,
The scent of apples; I am drowsing off.

I cannot shake the shimmer from my sight
I got from looking through a pane of glass
I skimmed this morning from the water-trough,
And held against the world of hoary grass.
It melted, and I let it fall and break.
But I was well
Upon my way to sleep before it fell,
And I could tell
What form my dreaming was about to take.
Magnified apples appear and reappear,
Stem end and blossom end,
And every fleck of russet showing clear.
My instep arch not only keeps the ache,
It keeps the pressure of a ladder-round.
And I keep hearing from the cellar-bin
That rumbling sound
Of load on load of apples coming in.
For I have had too much
Of apple-picking; I am overtired
Of the great harvest I myself desired.
There were ten thousand thousand fruit to touch,
Cherish in hand, lift down, and not let fall,
For all
That struck the earth,
No matter if not bruised, or spiked with stubble,
Went surely to the cider-apple heap
As of no worth.
One can see what will trouble
This sleep of mine, whatever sleep it is.
Were he not gone,
The woodchuck could say whether it's like his
Long sleep, as I describe its coming on,
Or just some human sleep.

Примечание.

Стихотворение «After Apple-Picking» было неоднократно переведено на русский язык, в том числе М.Зеньковским, Борисом Зверевым, Николаем Кружковым и другими.

Песня под шум шторма

Рваные тучи несутся стремглав.
Тропы под слоем воды.
Вихри песчинок летят, засверкав.
Стёрты любые следы.
Пчёлы не лепятся к мокрым цветам.
Все их приманки напрасны.
Но не беги от меня по холмам -
ты и под ливнем прекрасна.

Птицам в ненастье уж не о чем петь.
В полном отчаянье лес.
Нет больше эльфов, не будет и впредь.
Весь их мирок исчез.
Запахам розы уже не витать -
все лепестки облетели.
Я в нетерпенье тебя повстречать
под перестук капели.

Над мелководьем проносится шквал.
Всюду его вытьё.
Он платье с деревьев уже сорвал -
станет сдирать твоё.
Нынче не важно, куда ты пойдёшь -
вымокнешь с пят до мозга.

К влажной груди у тебя, как брошь,
льнёт золотая розга.

Ветер с востока взъярился опять -
гонит волну в карьер,
вместе с отливом стал нам возвращать
ракушки прошедших эр.
После сомнений былая страсть
стала ещё призывней.
Наша любовь отвергает власть
мрачных штормов и ливней.

A Line-Storm Song

The line-storm clouds fly tattered and swift.
The road is forlorn all day,
Where a myriad snowy quartz stones lift,
And the hoof-prints vanish away.
The roadside flowers, too wet for the bee,
Expend their bloom in vain.
Come over the hills and far with me,
And be my love in the rain.

The birds have less to say for themselves
In the wood-world's torn despair
Than now these numberless years the elves,
Although they are no less there:
All song of the woods is crushed like some
Wild, earily shattered rose.
Come, be my love in the wet woods, come,
Where the boughs rain when it blows.

There is the gale to urge behind
And bruit our singing down,
And the shallow waters aflutter with wind
From which to gather your gown.
What matter if we go clear to the west,
And come not through dry-shod?
For wilding brooch shall wet your breast
The rain-fresh goldenrod.

Oh, never this whelming east wind swells
But it seems like the sea's return
To the ancient lands where it left the shells
Before the age of the fern;
And it seems like the time when after doubt
Our love came back amain.
Oh, come forth into the storm and rout
And be my love in the rain.

Примечание.

Стихотворение «A Line-Storm Song» неоднократно переводилось на русский язык под разными названиями, в числе авторов Алёна Алексеева ("Песня грозового дождя"), Вячеслав Толстов ("Песня осеннего шторма"), Николай Кружков ("Песня во время бури"), Василий Бетаки ("Песня в бурю"), Виктор Топоров ("Песня в ливень") и другие.

Плен и свобода

Любовь с земною былью
желает быть всегда в ладах
и гонит всякий лишний страх.
А Мысль, пресытясь горькой пылью,
живёт с надеждою на крылья.

Любовь идёт в снегу по полю
печатая свой чёткий шаг,
меж тесных стен почти никак
не чувствуя своей недоли,
а Мысль стремится к полной воле.

Мысль мчит в неукротимом раже,
чтоб ночью вырваться в Зенит,
туда, где Сириус блестит,
и утром сквозь небесные пейзажи
вернуться вспять в обугленном плюмаже.

Мысль видит горние красоты.
Любовь землёю пленена,
но, говорят, сама наделена
всем тем, чем славятся высоты,
и к странствиям в ней нет охоты.

Bond and Free

Love has earth to which she clings
With hills and circling arms about—
Wall within wall to shut fear out.
But Thought has need of no such things,
For Thought has a pair of dauntless wings.

On snow and sand and turf, I see
Where Love has left a printed trace
With straining in the world's embrace.
And such is Love and glad to be.
But Thought has shaken his ankles free.

Thought cleaves the interstellar gloom
And sits in Sirius' disc all night,
Till day makes him retrace his flight,
With smell of burning on every plume,
Back past the sun to an earthly room.

His gains in heaven are what they are.
Yet some say Love by being thrall
And simply staying possesses all
In several beauty that Thought fares far
To find fused in another star.

Примечания.

Стихотворение «Bond and Free» широко известно в блестящем переводе Григория Кружкова ("Пленная и свободная"). В Интернете есть также перевод Вадима Белякова ("Узы и свобода").

Пространство

Даль картинна,
не коварна:
мир и тишина,
жалко, что пустынна,
больше популярна,
чем населена.

***

Шутливые переводы:

Пространство,
что от нас вдали -

объект большой науки,
дающий шансы
мудрецам земли
прожить без скуки.

***

Пространство -
внешний мир,
где запахи редей,
образчик дисбаланса.
Он крайне сир,
поскольку без людей.

***

Всё внешнее пространство,
куда и ротозей
всё смотрит, рыща, -
для нас источник транса:
там нет друзей,
подруг, вина и пищи.

***

Нам зов простора
не престижен -
не для борцов.
Там нет ни хижин,
ни дворцов.
Совсем не та Аврора.

***

Дальний космос,
пленяя взоры,
пугает нудью -
там холод косный,
и нет кагора -
одно безлюдье.

But outer Space

But outer Space,
At least this far,

For all the fuss
Of the populace
Stays more popular
Than populous.

Примечание.
Серьёзные попытки перевести стхотворение «But outer Space» проделали Андрей Пустогаров, Максим Советов, Глеб Сошников.

Canis Major

На небе злой Сверхпёс.
Заместо глаз у зверя
есть две звезды враскос.
Он скачет, пасть ощеря.

Он вышел в дальний путь,
подобный тяжким глыбам.
Не хочет отдохнуть
и корпус держит дыбом.

А я - щенок-плюгавка,
но гляну в небеса
и в полный голос гавкну,
уставясь на сверхпса.

Canis Major

The great Overdog
That heavenly beast
With a star in one eye
Gives a leap in the east.
He dances upright
All the way to the west
And never once drops
On his forefeet to rest.
I'm a poor underdog,
But to-night I will bark
With the great Overdog
That romps through the dark.

Примечание.

Стихотворение «Canis Major» много раз переведено на русский язык, в том числе Алёной Алексеевой, Василием Бетаки, Максимом Советовым, Виктором Топоровым.

Рождественские ёлки
(Письмо-оповещение в разные адреса)

Связь с городом сейчас затруднена:
осталась от деревни до деревни.
Нет останова долгой снежной вьюге,
не улеглась опавшая листва,
но к нам во двор нагрянул незнакомец,
из городских, и будто бы он местный,
присел и ждал, чтоб кто-нибудь оделся
да вышел и спросил, кто он таков.
Он, оказалось, возвращался в город,
а у меня он высмотрел такое,
что очень нужно было к Рождеству:
мой лес, мои рождественские ёлки -
клин юных пихт, на вид почти как город,
где все дома - как церкви и при шпилях.
Продать их к Рождеству я и не думал.
Я даже и на миг не соблазнился б
продать их, чтоб срубили и свезли.
Тогда б весь склон за домом обнажился -
где нынче тень - и солнце не печёт.
Меня страшили речи о продаже.
Но так же страшно было отказаться,
поскольку знал, что лес растят с расчётом,
чтоб вовремя и выгодно продать.
Мы все находимся под гнётом рынка.
И вот я стал лелеять мысль о сделке.
И то ли от того, что слишком вежлив,
не то боясь закончить разговор,

не то, чтоб он мог похвалить мой лес,
так я сказал: "А как их оценить?"

"Смотря как много мы их тут нарубим,
позвольте мне их посчитать".
"Смотрите.
Но не надейтесь их заполучить".
Здесь пастбище, все ёлки тесно сбились,
и ветки в тесноте короче, но есть
немало и уединённых, пышных.
Смотря на них, он молвил: "Хороши".
А после, помолчав и став любезней,
как покупатель заявил: "Годятся!"
И я так думал; ждал, что скажет дальше.
Мы пастбищем поднялись кверху, к югу,
спустились вниз. Вдруг слышу: "Тысяча!"

"По счёту - тысяча, почём за ёлку?"
Ему хотелось сообщить помягче:
"Выходит тридцать долларов за все".
Всё стало ясно. Нет! Не вздумаю вовек
ему их уступить. Каков сюрприз!
За жалкую тридцатку обнажить
всё пастбище, за мелкие три цента!
(Так мало причиталось мне за штуку).
Три цента против доллара, что мне
дадут сейчас любые из друзей
кому ни предложу хотя бы ёлку
для украшения воскресных школ,
пусть празднуют - а ёлок хватит всем.
Есть тысяча рождественских деревьев!
Я сам не ведал о своём богатстве.
Чем сбыть их по три цента - мудрей раздать.

Простой расчёт покажет, как я прав.
Жаль, в письма не могу вложить по ёлке.
А всем бы, если мог, послал бы по одной,
и поздравляю вас с Весёлым Рождеством.

Christmas Trees
A Christmas Circular Letter

The city had withdrawn into itself
And left at last the country to the country;
When between whirls of snow not come to lie
And whirls of foliage not yet laid, there drove
A stranger to our yard, who looked the city,
Yet did in country fashion in that there
He sat and waited till he drew us out
A-buttoning coats to ask him who he was.
He proved to be the city come again
To look for something it had left behind
And could not do without and keep its Christmas.
He asked if I would sell my Christmas trees;
My woods—the young fir balsams like a place
Where houses all are churches and have spires.
I hadn't thought of them as Christmas Trees.
I doubt if I was tempted for a moment
To sell them off their feet to go in cars
And leave the slope behind the house all bare,
Where the sun shines now no warmer than the moon.
I'd hate to have them know it if I was.
Yet more I'd hate to hold my trees except
As others hold theirs or refuse for them,

Beyond the time of profitable growth,
The trial by market everything must come to.
I dallied so much with the thought of selling.
Then whether from mistaken courtesy
And fear of seeming short of speech, or whether
From hope of hearing good of what was mine,
I said, "There aren't enough to be worth while."
"I could soon tell how many they would cut,
You let me look them over."
"You could look.
But don't expect I'm going to let you have them."
Pasture they spring in, some in clumps too close
That lop each other of boughs, but not a few
Quite solitary and having equal boughs
All round and round. The latter he nodded "Yes" to,
Or paused to say beneath some lovelier one,
With a buyer's moderation, "That would do."
I thought so too, but wasn't there to say so.
We climbed the pasture on the south, crossed over,
And came down on the north.
He said, "A thousand."
"A thousand Christmas trees!—at what apiece?"
He felt some need of softening that to me:
"A thousand trees would come to thirty dollars."
Then I was certain I had never meant
To let him have them. Never show surprise!
But thirty dollars seemed so small beside
The extent of pasture I should strip, three cents
(For that was all they figured out apiece),
Three cents so small beside the dollar friends
I should be writing to within the hour
Would pay in cities for good trees like those,
Regular vestry-trees whole Sunday Schools

Could hang enough on to pick off enough.
A thousand Christmas trees I didn't know I had!
Worth three cents more to give away than sell,
As may be shown by a simple calculation.
Too bad I couldn't lay one in a letter.
I can't help wishing I could send you one,
In wishing you herewith a Merry Christmas.

Примечание.

В Интернете опубликован перевод этого стихотворения, выполненный Николаем Кружковым.

Сбор цветов

Когда ушёл я утром,
был ярок небосвод.
Я с грустью брёл по тропке
сквозь пёстрый хоровод.
Вы видели меня, бывало,
под вечер, шедшего устало.
Что ж были немы, как с чужим?
Должно быть знали, кто идёт.

В венках, что я себе плести,
бродяжа здесь, охоч
я выгляжу одним из вас,
когда настанет ночь.
Цветы! Ваш блеск и бренность -
пленительная ценность.
Пусть станут мерою всего,
когда уйду я прочь.

Flower-gathering

I left you in the morning,
And in the morning glow,
You walked a way beside me
To make me sad to go.
Do you know me in the gloaming,
Gaunt and dusty grey with roaming?
Are you dumb because you know me not,
Or dumb because you know?

All for me? And not a question
For the faded flowers gay
That could take me from beside you
For the ages of a day?
They are yours, and be the measure
Of their worth for you to treasure,
The measure of the little while
That I've been long away.

Примечание.

Стихотворение «Flower-Gathering» (из книги стихов Роберта Фроста "A Boy's Will", 1915) - популярно на родине поэта. В содержании стихотворения отразилась любовь поэта к пешим прогулкам, к собиранию диких цветов, к изучению ботаники. В Интернете переводов этого стихотворения на русский язык мало. Есть, например, перевод Вадима Белякова.

В своей душе

Перенося погодные капризы,
наш лес не закачается от бриза.
Хочу, чтоб эти крепкие дубы
означили рубеж моей судьбы.

В конце концов, в лихую ночь
я в их сени отсюда двинусь прочь
без страха - хоть пред вырытою ямой,
хоть пыльною дорожной панорамой.

Меня ничто не возвратит домой,
но будут те, что кинутся за мной,
душевным побуждением томимы -
узнать, как крепко мной они любимы:

я буду прежним до последних дней,
лишь в верных мне уверуюсь сильней.

Into My Own

One of my wishes is that those dark trees,
So old and firm they scarcely show the breeze,
Were not, as ’twere, the merest mask of gloom,
But stretched away unto the edge of doom.

I should not be withheld but that some day
Into their vastness I should steal away,
Fearless of ever finding open land,
Or highway where the slow wheel pours the sand.

I do not see why I should e’er turn back,
Or those should not set forth upon my track
To overtake me, who should miss me here
And long to know if still I held them dear.

They would not find me changed from him they knew—
Only more sure of all I thought was true.

Примечание.

Стихотворение «Into my Own» взято из книги "A Boy's Will", 1915. Переведено на русский под названием "Путь к себе" Б.Хлебниковым и Жанной Жаровой. Другие переводы этого стихотворения на русский язык можно найти в "Самиздате".

Дом призраков

Моё жилище - старый дом
с густым малинником кругом:
подвал открыт дневному свету,
всё рушится от лета к лету.
Куда ни глянешь - там разгром.

На изгородях - шапки лоз.
Лес, ширясь, поглотил покос,
а сад, дичая, стал подлеском,
и дятел всё долбит там с треском.
Подход колодцу весь зарос.

И боль грызёт меня внутри:
везде тоска - хоть не смотри.
Туда не въедешь по ухабам,

там ночью на потеху жабам
охотятся нетопыри.

Примчит крикливый козодой,
трещит в кустах и над водой,
трясёт плюмажем бестолково,
кудахчет, подбирает слово,
делясь, не то грозясь бедой.

Моя душа здесь не одна.
Нет! Не видна и не слышна,
толпа других ютится в доме.
Я чую их, бывая в дрёме.
Под мхом на плитах - имена.

Они - неутомимый люд,
хотя грустны и не поют.
Но есть там парень и девица.
Я с ними смог бы подружиться.
Нам стало б веселее тут.

Ghost House

I Dwell in a lonely house I know
That vanished many a summer ago,
And left no trace but the cellar walls,
And a cellar in which the daylight falls,
And the purple-stemmed wild raspberries grow.

O'er ruined fences the grape-vines shield
The woods come back to the mowing field;

The orchard tree has grown one copse
Of new wood and old where the woodpecker chops;
The footpath down to the well is healed.

I dwell with a strangely aching heart
In that vanished abode there far apart
On that disused and forgotten road
That has no dust-bath now for the toad.
Night comes; the black bats tumble and dart;

The whippoorwill is coming to shout
And hush and cluck and flutter about:
I hear him begin far enough away
Full many a time to say his say
Before he arrives to say it out.

It is under the small, dim, summer star.
I know not who these mute folk are
Who share the unlit place with me--
Those stones out under the low-limbed tree
Doubtless bear names that the mosses mar.

They are tireless folk, but slow and sad,
Though two, close-keeping, are lass and lad,--
With none among them that ever sings,
And yet, in view of how many things,
As sweet companions as might be had.
1915

Примечание.

Стихотворение «Ghost House» переведено на русский язык многими авторами, в том числе под названием "Дом призраков" Василием Бетаки; "Дом-призрак" - Вячеславом Чистяковым и С.Степановым;

"Призрак дома" - В.М.Михайлиным; "Дом привидений" - Жанной Жаровой; "Призрачныйи дом" - Вадимом Беляковым, Максимом Советовым, Вячеславом Толстовым, Б.Хлебниковым.

Моя ноябрьская гостья

Моя печаль стоит горой,
считая дни осенних ливней
великолепною порой;
и голый лес со скользкою корой
влечёт её - нельзя призывней.

Не позволяет засидеться.
Зовёт в простор лесных полян,
где, без пернатого соседства,
нам можно пристально вглядеться
в засеребрившийся туман.

Унылый и пустынный лес,
нависшее над пашней небо -
для гостьи - дивный дом чудес.
Она свой странный интерес
развить хотела и во мне бы.

Но убеждать меня не надо.
Хвалы звучали не зазря.
Пока до встречи снегопада
стоит дождливая пора,
я сам - поклонник ноября.

My November Guest

My sorrow, when she's here with me,
Thinks these dark days of autumn rain
Are beautiful as days can be;
She loves the bare, the withered tree;
She walks the sodden pasture lane.

Her pleasure will not let me stay.
She talks and I am fain to list:
She's glad the birds are gone away,
She's glad her simple worsted gray
Is silver now with clinging mist.

The desolate, deserted trees,
The faded earth, the heavy sky,
The beauties she so truly sees,
She thinks I have no eye for these,
And vexes me for reason why.

Not yesterday I learned to know
The love of bare November days
Before the coming of the snow,
But it were vain to tell her so,
And they are better for her praise.

Примечание.

Стихотворение «My November Guest» переведено на русский язык несколькими авторами, в основном любовно и хорошо. В Интернете можно найти переводы Василия Бетаки, Н.Работнова, Вячеслава Толстова, Виктора Топорова и других.

Звёзды

Ели - в подобиях малиц,
сшитых вьюжным набегом.
Множество звёзд- скиталиц
светят над белым снегом.

Виснут над нашей судьбою;
смотрят, как ноги вязнут
в вечном пути к покою.
Сами с рассветом гаснут.

Мраморный взор Минервин
холоден, как сугробы -
не суетлив, не нервен,
в нём ни любви, ни злобы.

Stars

How countlessly they congregate
O'er our tumultuous snow,
Which flows in shapes as tall as trees
When wintry winds do blow!--

As if with keenness for our fate,
Our faltering few steps on
To white rest, and a place of rest
Invisible at dawn,--

And yet with neither love nor hate,
Those stars like some snow-white
Minerva's snow-white marble eyes
Without the gift of sight.

Примечание.

Стихотворение «Stars», по-видимому редко переводилось на русский язык. В Интернете можно найти переводы С.Степанова и Сергея Куликова.

Любовь и вопрос

Чужак пришёл лесной тропинкой,
в сенцах спросил про жениха.
Он был со свежею дубинкой,
устал, и речь была тиха.
Просил глазами - не губами -
оставить здесь заночевать.
Вокруг сгущалась тьма, как в яме, -
одна сплошная непроглядь.

Примчал жених. Увидев гостя,
решил: "Не станем гнать во тьму,
раз там свежо, как на погосте.
Отыщем место и ему".
А ветер, добавляя тягот,
все листья с жимолости смёл,
и двор был полон синих ягод.
"Что ж, гость! Скажи с чем к нам пришёл"

Невеста в сумраке сидела
над запылавшим камельком.

Лицо от жара пламенело,
а думы были о своём.
Жених пытался в них вглядеться,
да знать не знал её нутра
и дал бы золота, чтоб сердце
замкнуть на ключ из серебра.

Так чем же я прогневал Бога,
всерьёз расстроился жених.
Был скуп? Достаточно ли много
давал для бедных и больных?
Неужто мне для наказанья
к нам гостя горе привело -
затем, чтобы сорвать венчанье
и сеять в этом доме зло?

Love and a Question

A Stranger came to the door at eve,
And he spoke the bridegroom fair.
He bore a green-white stick in his hand,
And, for all burden, care.
He asked with the eyes more than the lips
For a shelter for the night,
And he turned and looked at the road afar
Without a window light.

The bridegroom came forth into the porch
With, ‘Let us look at the sky,
And question what of the night to be,

Stranger, you and I.’
The woodbine leaves littered the yard,
The woodbine berries were blue,
Autumn, yes, winter was in the wind;
‘Stranger, I wish I knew.’

Within, the bride in the dusk alone
Bent over the open fire,
Her face rose-red with the glowing coal
And the thought of the heart’s desire.
The bridegroom looked at the weary road,
Yet saw but her within,
And wished her heart in a case of gold
And pinned with a silver pin.

The bridegroom thought it little to give
A dole of bread, a purse,
A heartfelt prayer for the poor of God,
Or for the rich a curse;
But whether or not a man was asked
To mar the love of two
By harboring woe in the bridal house,
The bridegroom wished he knew.

Примечание.

Стихотворение «Love and a Question» под названием "Любовь и вопрос" переведено на русский язык Валерием Савиным, Александром Рюссом, Лидией Иотковской, Вячеславом Толстовым, под названием "Любовь и загадка" - Виктором Топоровым.

Страх во время бури

Когда буран грозится до утра,
во тьме да в стуже,
да снег занёс как окна, так и двери,
и кажется - не то трещит кора,
не то вой зверя:
"Эй, выходи!" -
с бедой не справиться ни дома, ни снаружи.
Дела всё хуже.
Подсчитываю силы:
дитя да двое взрослых в доме.
И, кто не спит, тот чует, как ветра
стараются, чтоб наша печь остыла.
Сугробы всё растут в объёме.
Забор с дорогой растворились в белизне.
Уютный наш сарай как вырос в отдаленье.
И страх рождается в груди,
и в сердце у меня сомненье,
что мы себя спасём без помощи извне.

Storm Fear

When the wind works against us in the dark,
And pelts with snow
The lower chamber window on the east,
And whispers with a sort of stifled bark,
The beast,
'Come out! Come out!' -
It costs no inward struggle not to go,

Ah, no!
I count our strength,
Two and a child,
Those of us not asleep subdued to mark
How the cold creeps as the fire dies at length, -
How drifts are piled,
Dooryard and road ungraded,
Till even the comforting barn grows far away,
And my heart owns a doubt
Whether 'tis in us to arise with day
And save ourselves unaided.

Примечание.

В Интернете стихотворение «Storm Fear» можно отыскать в интересных переводах Лидии Иолтовской, Александра Рысса и Павла Кузнецова.

Ветер и цветок на подоконнике

Влюблённые! Как дань
примите мой сюрприз:
рассказ про зимний бриз
и нежную герань.

Ей выпало почти
блаженное житьё,
всё время для неё
пел кенар взаперти.

Но, мча туда да прочь,
взлетая вверх и вниз,

её увидел бриз -
и вновь явился в ночь.

Он рос у диких скал,
где птичий гам да снег,
где ни тепла, ни нег.
Любви совсем не знал.

Пленившись, резвый бриз
оконной рамой тряс,
в стекло стучал не раз,
цеплялся за карниз.

Возможно, что герань,
увлёкшись тем дружком,
рассталась бы с окном
в предутреннюю рань.

Увы! Пустой каприз
тогда ж разбился в пыль,
и утром за сто миль
умчался бедный бриз.

Wind and Window Flower

Lovers, forget your love,
And list to the love of these,
She a window flower,
And he a winter breeze.

When the frosty window veil
Was melted down at noon,

And the caged yellow bird
Hung over her in tune,

He marked her though the pane,
He could not help but mark,
And only passed her by
To come again at dark.

He was a winter wind,
Concerned with ice and snow,
Dead weeds and unmated birds,
And little of love could know.

But he signed upon the sill,
He gave the sash a shake,
As witness all within
Who lay that night awake.

Perchange he half prevailed
To win her for the flight
From the firelight looking-glass
And warm stove-window light.

But the flower leaned aside
And thought of naught to say,
And morning found the breeze
A hundred miles away.

Примечание.

В Интернете можно найти стихотворение «Wind and Window Flower» в переводах Виктора Топорова, Татьяны Дюльгер, Жанны Жаровой.

В пренебрежении

Нам не твердили "так" или "не так",
смотрели на обоих нас с прохладцей.
Мы, прячась в придорожный буерак,
пытались, с видом милых побродяг,
пренебреженья взрослых не пугаться.

In Neglect

They leave us so to the way we took,
As two in whom they were proved mistaken,
That we sit sometimes in the wayside nook,
With mischievous, vagrant, seraphic look,
And try if we cannot feel forsaken.
1915

Примечание.
В Интернете можно найти перевод стихотворения «In Neglect», сделанный Вячеславом Толстовым.

Обращение к тёплому ветру

Зюйд-Вест! Спеши сюда с дождём.
Пусть обнажится чернозём,
и наст над грядами - хоть тресни.
Пусть раздаются птичьи песни.

Давай-ка, порезвись всю ночь:
долой весь снег, и лёд весь - прочь.
Пусть паром изойдут сугробы
и первоцвет встаёт из гроба.
Все стёкла мой до чистоты,
чтоб стали выпуклей кресты
в оконных рамах, как распятья.
Ворвись в мой дом, сметая платье.
Гоняй по полу пыль и сор,
трепли стихи и прочий вздор.
Гони поэта на простор.

To the Thawing Wind

Come with rain, O loud Southwester!
Bring the singer, bring the nester;
Give the buried flower a dream;
Make the settled snow-bank steam;
Find the brown beneath the white;
But whate'er you do to-night,
Bathe my window, make it flow,
Melt it as the ice will go;
Melt the glass and leave the sticks
Like a hermit's crucifix;
Burst into my narrow stall;
Swing the picture on the wall;
Run the rattling pages o'er;
Scatter poems on the floor;
Turn the poet out of door.

Примечание.

Стихотворение «To the Thawing Wind» можно найти в Интернете в переводах Жанны Жаровой, Юрия Иванова, Аркадия Равиковича и других авторов.

Rose Pogonias (Розовые орхидеи)

Длина пленительного луга
была чуть больше высоты
деревьев, выросших по кругу,
любуясь на его цветы.
Он был надёжно скрыт от бризов.
Его природа сберегла
от всяких собственных капризов.
Он стал святилищем тепла.

Мы - как поклонники светила -
там шли меж тысяч орхидей,
так много их в том месте было,
везде, где гуще, где редей.
Цветы в пунцовом окрыленье
вздымали пламя острых стрел
как драгоценные каменья.
Казалось, даже воздух рдел.

И мы решили помолиться.
Такая мысль возникла вдруг:
чтоб косари при косовице
не вспомнили про этот луг.
Хотя бы пусть все их оравы
повременят без суеты
и не выкашивают травы,
когда там буйствуют цветы.

Rose Pogonias

A saturated meadow,
Sun-shaped and jewel-small,
A circle scarcely wider
Than the trees around were tall;
Where winds were quite excluded,
And the air was stifling sweet
With the breath of many flowers -
A temple of the heat.

There we bowed us in the burning,
As the sun's right worship is,
To pick where none could miss them
A thousand orchises;
For though the grass was scattered,
Yet ever second spear
Seemed tipped with wings of color
That tinged the atmosphere.

We raised a simple prayer
Before we left the spot,
That in the general mowing
That place might be forgot;
Or if not all so favored,
Obtain such grace of hours
That none should mow the grass there
While so confused with flowers.

Примечание.

Стихотворение «Rose Pogonias» можно найти в Интернете в разных переводах на русский язык. Его перевели (с соблюдением оригинального размера) Алёна Алексеева и Вадим Беляков.

Наблюдательный пункт

Вверху, на пастбище, полно цветов.
Оглядываю дали сквозь завесы.
Селенья стали интересней леса.
Здесь, между можжевеловых кустов,
мне пункт для наблюдения готов.
Вдали - дома, там весело и мило.
Напротив, на холме, видны могилы.
Кто жив, кто мёртв, - объекты всех сортов.

А в полдень, утомясь на солнцепёке,
я не смотрю уж в даль из-под руки.
Лицо пылает в солнечном потоке.
Когда дохну - взлетают мотыльки.
Я слышу запах смятых васильков,
смотрю на копошенье муравьёв.

The Vantage Point

If tired of trees I seek again mankind,
Well I know where to hie me--in the dawn,
To a slope where the cattle keep the lawn.
There amid lolling juniper reclined,

Myself unseen, I see in white defined
Far off the homes of men, and farther still,
The graves of men on an opposing hill,
Living or dead, whichever are to mind.

And if by noon I have too much of these,
I have but to turn on my arm, and lo,
The sun burned hillside sets my face aglow,
My breathing shakes the bluet like a breeze,
I smell the earth, I smell the bruised plant,
I look into the crater of the ant.
1913

Примечание.

Стихотворение «The Vantage Point» можно найти в Интернете в переводах на русский язык Лилии Мальцевой и Максима Советова.

Косьба

Близ леса тишина, лишь только слышен шёпот
косы в ушко земле, расстеленной вокруг.
О чём она? Я сам того не разумею.
Быть может, жарко ей, и это горький ропот,
а, может быть, ворчит, что глохнет всякий звук.
Что б ни было, коса тиха в своём смиренье.
Не просит хоть на час прервать свои труды,
не ждёт златых даров от эльфа или феи.
Всё это для косы почти ничто в сравненье
с любовью класть траву в спокойные ряды,
не пощадив любой ежи да лебеды,
ни бледных орхидей, ни вспугнутой медянки.
Любовь к труду милей, чем райские пруды,
и длинная коса всё шепчет на полянке.

Mowing

There was never a sound beside the wood but one,
And that was my long scythe whispering to the ground.
What was it it whispered? I know not well myself;
Perhaps it was something about the heat of the sun,
Something perhaps, about the lack of sound -
And that was why it whispered and did not speak.
It was not dream of the gift of idle hours,
Or easy gold at the hand of fay or elf:
Anything more than the truth would have seemed too weak
To the earnest love that laid the swale in rows,
Not without feeble-pointed spikes of flowers
(Pale orchises), and scared a bright green snake.
The fact is the sweetest dream that labor knows.
My long scythe whispered and left the hay to make.

Примечание.

Стихотворение «Mowing» можно обнаружить в Интернете во многих разных переводах, в том числе сделанных Вадимом Беляковым, Борисом Зверевым, Лидией Иотковской, Вячеславом Толстовым и другими.

Пан среди нас

Пан вышел тропинкой лесной
из древней чащобы сплошной,
покрытый густой сединой.
Вышел на свет из суровой тьмы.

Видит долины, видит холмы.
Стал возле выгона, на бугорке.
Ветер носился вокруг налегке.
Пан выжидал со свирелью в руке.
Не углядел ни дымков, ни крыш.
Стукнул копытом, увидев мышь.

Не было там ни шумов, ни тревог.
Выгон иссох и скотину не влёк,
разве что соли полижет бычок
да заиграются дети крестьян,
вовсе не зная, что это за Пан.

Бросил свирель заскучавший старик,
глянул грустнее любых горемык.
Прежде знавал он лишь сойкин крик,
прежде любил ястребиный зык.
К нынешней музыке он не привык.

Видит, настали не те времена.
Весь можжевельник в объятиях сна.
Песня свирели ему не нужна.
Каждая птица, любой василёк
предпочитают простой ветерок.

Голос языческой радости сник.
В мире иной животворный родник.
Пан оказался теперь безъязык.
Смотрит вокруг, и везде неоглядь:
"Что мне играть? Для кого мне играть?"

Pan with Us

Pan came out of the woods one day, —
His skin and his hair and his eyes were gray,
The gray of the moss of walls were they, —
And stood in the sun and looked his fill
At wooded valley and wooded hill.

He stood in the zephyr, pipes in hand,
On a height of naked pasture land;
In all the country he did command
He saw no smoke and he saw no roof.
That was well! and he stamped a hoof.

His heart knew peace, for none came here
To this lean feeding save once a year
Someone to salt the half-wild steer,
Or homespun children with clicking pails
Who see no little they tell no tales.

He tossed his pipes, too hard to teach
A new-world song, far out of reach,
For a sylvan sign that the blue jay's screech
And the whimper of hawks beside the sun
Were music enough for him, for one.

Times were changed from what they were:
Such pipes kept less of power to stir
The fruited bough of the juniper
And the fragile bluets clustered there
Than the merest aimless breath of air.

They were pipes of pagan mirth,
And the world had found new terms of worth.
He laid him down on the sun-burned earth
And ravelled a flower and looked away —
Play? Play?—What should he play?
1915

Примечания.

Из других переводов стихотворения «Pan with Us» в Интернете можно обнаружить работы Жанны Жаровой, Максима Советова, Вячеслава Толстова, Виктора Топорова.

Смех Демона

Я мчал за ним по чащам и по логам,
а Демон в глухомань меня завлёк.
Я знал: он не был настоящим богом,
да и к закату шёл уже денёк.
И вдруг такой он мне устроил страх,
что много лет звучит в моих ушах.

Тот звук возник не спереди, а сзади:
как изо сна, проснувшись для потех,
совсем без страха, ни на что не глядя,
встав из дерьма, он выдал дикий смех.
Пока он продирал свои глаза,
я понял, что готовится гроза.

Мне век не позабыть его издёвки.
Он заманил меня, чтоб взять тишком.

Я был встревожен, был наизготовке.
Притворно потянулся за цветком.
(А он ушёл, не посмотрев в лицо!).
Я после просто сел под деревцо.

The Demiurge's Laugh

It was far in the sameness of the wood;
I was running with joy on the Demon’s trail,
Though I knew what I hunted was no true god.
It was just as the light was beginning to fail
That I suddenly heard—all I needed to hear:
It has lasted me many and many a year.

The sound was behind me instead of before,
A sleepy sound, but mocking half,
As of one who utterly couldn’t care.
The Demon arose from his wallow to laugh,
Brushing the dirt from his eye as he went;
And well I knew what the Demon meant.

I shall not forget how his laugh rang out.
I felt as a fool to have been so caught,
And checked my steps to make pretence
It was something among the leaves I sought
(Though doubtful whether he stayed to see).
Thereafter I sat me against a tree.

Примечание.

Среди переводов стихотворения «The Demiurge's Laugh» можно найти в Интернете работы Жанны Жаровой и Виктора Топорова.

Поход по воду

Иссяк колодец у ворот,
и мы, схватив бадью и банку,
идём сквозь сад и огород
к ручью, на поиск, спозаранку.

Поход лишь только в пользу нам:
осенние деньки погожи,
идём по собственным полям,
и лес вблизи ручья - наш тоже.

Бежали за луною вслед,
а солнце поднималось снизу.
В лесу на сучьях листьев нет.
Не слышно птиц. Не веют бризы.

Шутливо затеваем прятки:
нас гномы прячут от луны.
Нам эти игры просто сладки.
(А мы на все затеи падки).
Но вот опять мы ей видны.

Соединив пустые руки,
мы чутко слушали вдвоём
в надежде, что уловим звуки,
производимые ручьём.

Вдруг видим, за крутым подъёмом,
рой брызг, бегущих вскачь и вскок,
жемчужный дождь над водоёмом,
поток - как блещущий клинок.

Going for Water

The well was dry beside the door,
And so we went with pail and can
Across the fields behind the house
To seek the brook if still it ran;

Not loth to have excuse to go,
Because the autumn eve was fair
(Though chill), because the fields were ours,
And by the brook our woods were there.

We ran as if to meet the moon
That slowly dawned behind the trees,
The barren boughs without the leaves,
Without the birds, without the breeze.

But once within the wood, we paused
Like gnomes that hid us from the moon,
Ready to run to hiding new
With laughter when she found us soon.

Each laid on other a staying hand
To listen ere we dared to look,
And in the hush we joined to make
We heard, we knew we heard the brook.

A note as from a single place,
A slender tinkling fall that made
Now drops that floated on the pool
Like pearls, and now a silver blade.
1913 "A Boy's Will"

Примечание.

В Интернете можно найти разные переводы стихотворения «Going for Water», в том числе перевод Владимира Маркелова.

В лиственных лесах

Сверху листья опять и опять
облетают - тень наземь струится.
Будут бурою кожей лежать
на земле, будто та в рукавице.

(Сверху листья опять и опять
облетят, будто тень, что сбежала,
станут бурою тканью лежать,
и земля обретёт одеяло).

До поры возвращения вспять,
чтобы лес, как и раньше, был с тенью,
листьям прежде, чем снова восстать,
нужно выдержать ужас гниенья,

чтоб цветы, прорываясь сквозь прах,
в плясках мяли тот прах корнями.
Не скажу, как в ненаших мирах -
это в том, где живём мы сами.

In Hardwood Groves

The same leaves over and over again!
They fall from giving shade above
To make one texture of faded brown
And fit the earth like a leather glove.

Before the leaves can mount again
To fill the trees with another shade,
They must go down past things coming up.
They must go down into the dark decayed.

They must be pierced by flowers and put
Beneath the feet of dancing flowers.
However it is in some other world
I know that this is way in ours.

Примечание.

В Интернете можно отыскать стихотворение «In Hardwood Groves» в переводах Татьяны Стамовой и Вячеслава Толстова.

Октябрь

Нежный и тихий октябрьский восход.
Листья созрели, пора опасть.
Завтрашний ветер, если рванёт
выкажет власть.
Стаи ворон раскаркались всласть.
Завтра сберутся - и прочь.
Нежный и тихий октябрьский восход!
Будь неторопким, сменяя ночь.

Лучше весь день нам продли на часок.
Сердце не против: пусть утро солжёт,
силясь в печали помочь.
Как первый листок коснётся земли,
пусть лишь в полдень - другой листок.
Первый пусть ляжет у ног,
а другой - пусть вдали.
Солнце замедли, чтоб свет был лучист
и рассыпал колдовской аметист.
Холод резвиться охоч.
В гонки с губителем не угораздь.
Листья на лозах сжигает мороз.
Грозди ссыпаются с лоз.
Оставь на стене хоть часть!

October

O hushed October morning mild,
Thy leaves have ripened to the fall;
Tomorrow's wind, if it be wild,
Should waste them all.
The crows above the forest call;
Tomorrow they may form and go.
O hushed October morning mild,
Begin the hours of this day slow.
Make the day seem to us less brief.
Hearts not averse to being beguiled,
Beguile us in the way you know.
Release one leaf at break of day;
At noon release another leaf;

One from our trees, one far away.
Retard the sun with gentle mist;
Enchant the land with amethyst.
Slow, slow!
For the grapes' sake, if they were all,
Whose leaves already are burnt with frost,
Whose clustered fruit must else be lost —
For the grapes' sake along the wall.

Примечание.

Стихотворение Роберта Фроста "Октябрь" переведено на русский язык неоднократно. Помимо классического перевода М.Зенкевича, в Интернете можно обнаружить переводы Алёны Алексеевой, Василия Бетаки, Рустама Галанина, Владимира Маркелова, Владимира О., Александра Шапиро и др.

Ропот

В полях, в лесах, среди болот
бродил, куда носили ноги.
Смотрел везде с крутых высот
на мир вокруг, и сыт в итоге.
А дома, завершив поход,
промолвил: "Стоп! Конец дороге".

На грунте бурая листва
и лишь на дубе уцелела.
Он сбросит то листок, то два,
и те слетают то и дело
на наст, как зыбкая канва,
к другим, лежащим омертвело.

Отжившая листва - в пластах,
часть ветер треплет для потехи.
Завяли астры на кустах.
Сник цвет на ведьмином орехе.
Тоскую о других местах.
Увы! Порастерял все вехи.

Ах, если бы сердца людей
умели вытерпеть без стона
коловращение вещей
и не страдали убиённо
в трагедиях последних дней
своей любви или сезона!

Reluctance

Out through the fields and the woods
And over the walls I have wended;
I have climbed the hills of view
And looked at the world, and descended;
I have come by the highway home,
And lo, it is ended.

The leaves are all dead on the ground,
Save those that the oak is keeping
To ravel them one by one
And let them go scraping and creeping
Out over the crusted snow,
When others are sleeping.

And the dead leaves lie huddled and still,
No longer blown hither and thither;
The last lone aster is gone;
The flowers of the witch hazel wither;
The heart is still aching to seek,
But the feet question 'Whither?'

Ah, when to the heart of man
Was it ever less than a treason
To go with the drift of things,
To yield with a grace to reason,
And bow and accept the end
Of a love or a season?

Примечание.

Стихотворение «Reluctance» встречается в Интернете в русских переводах под разными названиями: "Нежелание", "Противление", "Ропот". В числе прочих известны переводы Вячеслава Толстова и Виктора Топорова.

Закроем окна

Закроем окна от шумов и стыли.
Деревья пусть, качаясь, не скрипят.
Нет певчих птиц, а если б были,
так невпопад.

Как долго ждать до утренней капели,
как долго ждать прилёта первых стай!
Закройте окна от вытья метели.
Глядите, что там за раздрай.

Now Close The Windows

Now close the windows and hush all the fields:
If the trees must, let them silently toss;
No bird is singing now, and if there is,
Be it my loss.

It will be long ere the marshes resume,
I will be long ere the earliest bird:
So close the windows and not hear the wind,
But see all wind-stirred.
1913 "A Boy's Will".

Примечание.
Стихотворение «Now Close the Windows» можно найти в Интернете в русских переводах, например, Алёны Алексеевой и Вячеслава Чистякова.

Время для веселья

Бродя под вечер по округе,
я мог лишь помечтать о друге.
В любом коттедже по дорожке
снег стлался вровень под окошки.

Из одного, хотя и хлипко,
доподлинно звучала скрипка.

Я даже увидал сквозь шторы
там лица, полные задора.

И я, хотя я был снаружи,
почувствовал себя не хуже.
Прошёл вдоль улицы немножко -
вернулся к тёмному окошку.

Затопал, под ноги не глядя,
по сонной улице в досаде:
лишь десять - время для веселья,
а тут монашеские кельи.

Good Hours

I had for my winter evening walk—
No one at all with whom to talk,
But I had the cottages in a row
Up to their shining eyes in snow.

And I thought I had the folk within:
I had the sound of a violin;
I had a glimpse through curtain laces
Of youthful forms and youthful faces.

I had such company outward bound.
I went till there were no cottages found.
I turned and repented, but coming back
I saw no window but that was black.

Over the snow my creaking feet
Disturbed the slumbering village street
Like profanation, by your leave,
At ten o’clock of a winter eve.
1914 "North of Boston".

Примечание.

В Интернете можно найти переводы стихотворения «Good Hours» под разными названиями: "Лучшие часы", "Блаженные часы", "Добрые часы", в том числе перевод Е.Лобановой "Праведное время".

Открытое гнездо

Ты в играх был любителем новинок.
Я глянул - ты на корточках стоишь
на скошенном лугу с пучком травинок,
как показалось, пробуя воткнуть,
не то плетёшь узор из тех былинок,
не то забор от бризов городишь.
Затеи были странными чуть-чуть.
Траве не в мочь укорениться снова.
Но понял: то не с бризом поединок
и неспроста чудачит голова,
ни клевер, ни июньская трава,
ни папоротник не были причиной:
гнездо с птенцами было на земле,
случайно обойдённое машиной
(хоть было расположено рисково).
Теперь ему грозят жара и свет.
Тебе хотелось отвести тот вред,

хоть чем-нибудь укрыть птенцов от бед.
Мы стали осторожно суетиться,
чтоб не спугнуть кормящую их птицу.
Но мать и не спешила появиться.
Я всё гадал, а мыслим ли возврат
мамаши в этой сложной обстановке
и стоило ли нам её пугать.
Невольно поступали наугад.
Стремясь достигнуть нашей доброй цели,
мы действовали так, как мы умели,
и наш заслон прикрыл птенцам головки.
Мы дали то, что в силах были дать.
Устроили им тень. Но почему же
теперь молчу? Всё былью поросло.
Ты помнишь ли, какими мы делами
с тобою занялись потом, не тужа?
Не ведаю, что сделалось с птенцами,
как жили, поднялись ли на крыло.

The Exposed Nest

You were forever finding some new play.
So when I saw you down on hands and knees
In the meadow, busy with the new-cut hay,
Trying, I thought, to set it up on end,
I went to show you how to make it stay,
If that was your idea, against the breeze,
And, if you asked me, even help pretend
To make it root again and grow afresh.
But ’twas no make-believe with you to-day,

Nor was the grass itself your real concern,
Though I found your hand full of wilted fern,
Steel-bright June-grass, and blackening heads of clover.
’Twas a nest full of young birds on the ground
The cutter-bar had just gone champing over
(Miraculously without tasting flesh)
And left defenseless to the heat and light.
You wanted to restore them to their right
Of something interposed between their sight
And too much world at once—could means be found.
The way the nest-full every time we stirred
Stood up to us as to a mother-bird
Whose coming home has been too long deferred,
Made me ask would the mother-bird return
And care for them in such a change of scene
And might our meddling make her more afraid.
That was a thing we could not wait to learn.
We saw the risk we took in doing good,
But dared not spare to do the best we could
Though harm should come of it; so built the screen
You had begun, and gave them back their shade.
All this to prove we cared. Why is there then
No more to tell? We turned to other things.
I haven’t any memory—have you? —
Of ever coming to the place again
To see if the birds lived the first night through,
And so at last to learn to use their wings.
1916 "Mountain Interval"

Примечание.

Стихотворение «The Exposed Nest» можно найти в Интернете в переводах Г.Кружкова и Вадима Белякова.

Неизбранная дорога

В осеннем лесу раздвоился путь.
Две тропки легли под ноги.
Стал размышлять, на какую свернуть.
Первая, вторгшись в какую-то муть,
вильнула - как нет дороги.

Выбрал другую - приятнее той.
Не уже, не хуже нимало.
Хотелось примять на ней травостой.
Прежде ходивших в той травке густой
тропка, должно быть, сама помяла.

Возможно, те тропки сходились вдали.
Которая лучше, не стоило спорить.
Сквозь листья нога не касалась земли,
и обе дороги меня влекли -
но я не вернулся туда вдругорядь.

Потом мне придётся не раз вздохнуть...
Тропинка вдруг на две распалась.
Будь там хоть кто, не помог бы ничуть -
я выбрал не многими хоженый путь.
Той разницей всё и решалось.

The Road Not Taken

Two roads diverged in a yellow wood,
And sorry I could not travel both
And be one traveler, long I stood
And looked down one as far as I could
To where it bent in the undergrowth;

Then took the other, as just as fair,
And having perhaps the better claim
Because it was grassy and wanted wear,
Though as for that the passing there
Had worn them really about the same,

And both that morning equally lay
In leaves no step had trodden black.
Oh, I kept the first for another day!
Yet knowing how way leads on to way
I doubted if I should ever come back.

I shall be telling this with a sigh
Somewhere ages and ages hence:
Two roads diverged in a wood, and I,
I took the one less traveled by,
And that has made all the difference.
1916 "Mountain Interval".

Примечание.

Стихотворение «The Road Not Taken» переведено на русский язык многими авторами. В Интернете можно найти тексты переводов, сделанных под разными заглавиями: "Другая дорога", "Дорога, которую я не избрал", "Неизбранная дорога", "Невыбранный путь", "Неизбранный путь" и др. Никитой Винокуровым, Анной Герман, Маратом Джумагазиевым, А.Коневым, А.Коряковцевым, Григорием Кружковым, Валерием Савиным, Виктором Тороповым, Валерием Черешней, Александром Шаракшанэ и др.

"I took the road less trav
and that has made

veled by
e all the difference"
- Robert Frost

Лягушачий ручей

Ручья в июне - будто не бывало.
Всё пел, журчал, а нынче вдруг сбежал -
ушёл под камни, в землю, как в подвал.
(И племя квакш, с ним вместе, запропало.
А в мае выдавали звон и трель,
как бубенцы под дугами в метель).
И недотрога, что цвела завяла.
Пожухший лист истрёпан, скручен, свит
и поперёк течения лежит,
прикрывши русло ворохом мочала.
Жара склеила листья в одеяло.
Исчез ручей, но вспомнится нам впредь.
Он всюду с нами, и сейчас, и присно.
Он, где бы ни был, продолжает петь.
Любимое мы любим бескорыстно.

Hyla Brook

By June our brook's run out of song and speed.
Sought for much after that, it will be found
Either to have gone groping underground
(And taken with it all the Hyla breed
That shouted in the mist a month ago,
Like ghost of sleigh bells in a ghost of snow) –
Or flourished and come up in jewelweed,

Weak foliage that is blown upon and bent,
Even against the way its waters went.
Its bed is left a faded paper sheet
Of dead leaves stuck together by the heat –
A brook to none but who remember long.
This as it will be seen is other far
Than with brooks taken otherwhere in song.
We love the things we love for what they are.
1916 "Mountain Interval"

Примечание.

В Интернете можно найти ряд переводов стихотворения «Hyla Brook» на русский язык, в том числе переводы Алёны Алексеевой, И.Кашкина, Григория Кружкова, Владимира Маркелова.

Мимолётная встреча

Я шёл с холма вдоль длинной загородки
и у калитки, в самый первый раз,
взглянув перед собой, увидел вас.
Я был пленён изяществом походки.

Мой шаг был длинный, ваш - короткий.
Мой чуть ли не двукратным был на глаз.
В пыли был виден след обеих трасс.
У вас был глазомер особо чёткий:

ваш зонтик нацарапал на дороге
сначала единицу с запятой.

Когда мы дружно подвели итоги -
вы улыбнулись с милой теплотой.
Я вниз пошёл по следу ваших ног.
Вы - кверху по следам моих сапог.

Meeting and Passing

As I went down the hill along the wall
There was a gate I had leaned at for the view
And had just turned from when I first saw you
As you came up the hill. We met. But all
We did that day was mingle great and small
Footprints in summer dust as if we drew
The figure of our being less than two
But more than one as yet. Your parasol
Pointed the decimal off with one deep thrust.
And all the time we talked you seemed to see
Something down there to smile at in the dust.
(Oh, it was without prejudice to me!)
Afterward I went past what you had passed
Before we met, and you what I had passed.
1916 "Mountain Interval".

Примечание.

Стихотворение «Meeting and Passing» можно найти в Интернете в переводах на русский язык Григория Кружкова и Максима Советова.

Птица-гончар

Речь про певца, знакомого всем нам.
Он летом громко свищет по лесам,
и крепкие деревья шумно вторят,
что цвета стало меньше в десять раз,
что тусклый лист души не раззадорит,
что лепестков на ветках больше нет,
и груша с вишней летом без прикрас,
что пасмурен теперь сам свет,
что грянет листопадное засилье
и всё покроется дорожной пылью,
что смолкнет сам он, видя, как всё сиро,
хотя ему молчанье не к лицу.
И есть вопрос, что он бросает миру:
что делать, если всё идёт к концу?

The Oven Bird*

There is a singer everyone has heard,
Loud, a mid-summer and a mid-wood bird,
Who makes the solid tree trunks sound again.
He says that leaves are old and that for flowers
Mid-summer is to spring as one to ten.
He says the early petal-fall is past
When pear and cherry bloom went down in showers
On sunny days a moment overcast;
And comes that other fall we name the fall.
He says the highway dust is over all.
The bird would cease and be as other birds

But that he knows in singing not to sing.
The question that he frames in all but words
Is what to make of a diminished thing.
1916 "Mountain Interval"

Примечания.

Стихотворение «The Oven Bird» можно найти в Интернете в русском переводе Таджимана Керымлы, Вячеслава Толстова, Александра Шаракшанэ.

***Oven Bird** - птица-гончар, птица-горшечник, птица-печник - название нескольких видов певчих американских птиц рода Furmarius, строящих себе прочные гнёзда из глины. Эти птицы славятся своим приятным пением, причём могут петь дуэтом, и самец и самка вместе.

Заложенное в семени

Ты к ужину зовёшь и с нетерпеньем
меня уводишь от моих трудов,
когда в саду я занят погребеньем
летящих с яблонь белых лепестков.
Тот нежный дождь бежит с благословеньем.
(Прибавит сбор гороха и бобов).
Иду с тобой, но прежде умным зреньем
пойми, как я, значенье тех даров.
Я рад служить земле с весенней страстью.
Вся будущая жизнь заложена в зерне.
В земле родится счастье и несчастье,
и плевелы вокруг терзают душу мне.
Отрадно видеть, как полезные ростки,
напрягшись в почве, всходят сквозь комки.

Putting in the Seed

You come to fetch me from my work to-night
When supper's on the table, and we'll see
If I can leave off burying the white
Soft petals fallen from the apple tree
(Soft petals, yes, but not so barren quite,
Mingled with these, smooth bean and wrinkled pea);
And go along with you ere you lose sight
Of what you came for and become like me,
Slave to a Springtime passion for the earth.
How Love burns through the Putting in the Seed
On through the watching for that early birth
When, just as the soil tarnishes with weed,
The sturdy seedling with arched body comes
Shouldering its way and shedding the earth crumbs.
1916 "Mountain Interval"

Примечание.

Стихотворение «Putting in the Seed» можно найти в Интернете в русских переводах Вадима Белякова, Галины Девяткиной, Бориса Зверева.

Подпорки для гороха

С обедни в праздник я прошёл вдоль лога.
На вырубке чуть было не оглох.
Мне Джон сказал о хворосте, что много,
и можно брать, чтоб подпереть горох.

В тот день, вполне подстать для Первомая,
лучистый свет над просекою тёк,
а жизнь кровоточила, убегая, -
то бил из пней берёз их буйный сок.

Лягушки, вслед моим телодвиженьям,
по всем углам, где влажен был подзол,
скакали с хоровым сопровожденьем,
смотря во все глаза, зачем пришёл.

Весь свежий хворост свален был повсюду,
любые ветки, сучья и хвосты,
народ с тележками растаскивал те груды.
Под ними мялись дикие цветы.

Подобно детским нитяным узорам,
потом из веток стоек наплели -
на пользу хоть бобам, хоть помидорам,
чтоб их ростки поднялись от земли.

А вид цветов в том месте был печален.
И триллиум не приняли в расчёт.
Едва расцвёл - был хворостом завален.
Гадай да жди, как снова расцветёт.

Pea Brush

I walked down alone Sunday after church
To the place where John has been cutting trees
To see for myself about the birch
He said I could have to bush my peas.

The sun in the new-cut narrow gap
Was hot enough for the first of May,
And stifling hot with the odor of sap
From stumps still bleeding their life away.

The frogs that were peeping a thousand shrill
Wherever the ground was low and wet,
The minute they heard my step went still
To watch me and see what I came to get.

Birch boughs enough piled everywhere!—
All fresh and sound from the recent axe.
Time someone came with cart and pair
And got them off the wild flower's backs.

They might be good for garden things
To curl a little finger round,
The same as you seize cat's-cradle strings,
And lift themselves up off the ground.

Small good to anything growing wild,
They were crooking many a trillium
That had budded before the boughs were piled
And since it was coming up had to come.
1916 "Moutain Interval".

Примечание.

Стихотворение «Pea Brosh» можно найти в Интернете в русских переводах Вадима Белякова, Василия Бетаки, Лидии Иотковской, Вячеслава Толстова.

Корова в яблочную пору

Корову обуял задор.
Взамен ворот, всё лезет сквозь забор.
На городивших смотрит гордо,
и у неё стекает с морды
слюна и сусло вроде сидра.
Травой питаться ей обрыдло.
Лишь к падалице мчит резвей -
съедает с нею и червей.
Куснёт и, очумев с глотка,
взревёт, уставясь в облака.
С такой не спросишь молока.

The Cow in Apple-Time

Something inspires the only cow of late
To make no more of a wall than an open gate,
And think no more of wall-builders than fools.
Her face is flecked with pomace and she drools
A cider syrup. Having tasted fruit,
She scorns a pasture withering to the root.
She runs from tree to tree where lie and sweeten.
The windfalls spiked with stubble and worm-eaten.
She leaves them bitten when she has to fly.
She bellows on a knoll against the sky.
Her udder shrivels and the milk goes dry.
1916 "Mountain Interval"

Примечание.

Стихотворение «The Cow in Apple-Time» можно найти в Интернете в нескольких переводах, в том числе С.Степанова, Вячеслава Толстова, Алексея Горшкова. Наиболее известен и удачен перевод Григория Кружкова.

Случайная встреча

Погода в этот день была надёжных лапах.
Жара - в пределах. Солнце не пекло
и дымкою само себя заволокло.
Я шёл болотами. То еле вылезал,
то вновь тонул. Меня душил кедровый запах.
Терзали грязь, усталость, полумрак.
Я, к сожаленью, и пути совсем не знал.
Присел в лесу, дойдя до буерака.
Чтоб отдохнуть там, подстелил пиджак.
Нигде не видел ни тропы, ни знака.
Взглянул в лазурь небес, глаза в неё вонзал.
Вдруг ствол воскрес, лежавший тут же рядом.
Сперва лежал и приподнялся ввысь.
Бескорый призрак. Встал, но не дерзал
задеть меня корнями или взглядом.
Я поражён был странным видом рук.
От каждого плеча тянулся жёлтый пук -
то к людям провода какие-то вились...
"Здорово! - говорю. - О чём несёте весть?
Какими истинами разум ваш проникся?
Откуда и куда бредёте? - В Монреаль?"
"Я - ниоткуда, - говорит он, - как ни жаль.
Иду дорогами, какие ни на есть.
Ищу цветок по имени Калипсо"

An Encounter

Once on the kind of day called “weather breeder,”
When the heat slowly hazes and the sun
By its own power seems to be undone,
I was half boring through, half climbing through
A swamp of cedar. Choked with oil of cedar
And scurf of plants, and weary and over-heated,
And sorry I ever left the road I knew,
I paused and rested on a sort of hook
That had me by the coat as good as seated,
And since there was no other way to look,
Looked up toward heaven, and there against the blue,
Stood over me a resurrected tree,
A tree that had been down and raised again—
A barkless spectre. He had halted too,
As if for fear of treading upon me.
I saw the strange position of his hands—
Up at his shoulders, dragging yellow strands
Of wire with something in it from men to men.
“You here?” I said. “Where aren’t you nowadays
And what’s the news you carry—if you know?
And tell me where you’re off for—Montreal?
Me? I’m not off for anywhere at all.
Sometimes I wander out of beaten ways
Half looking for the orchid Calypso.”
1920 "Mountain Interval"

Примечание.

Стихотворение «An Encounter» можно отыскать в Интернете в переводе Вячеслава Толстова.

Диапазон прицела

Отверстие в алмазной паутине.
Над гнёздышком - простреленный цветок.
А выстрел метил в грудь, не то в висок.
Цветок повис, сломившись в середине.

Но птица-мать к птенцам вернулась ныне.
А над цветком кружится мотылёк
и ищет, где б он прицепиться мог,
затем садится, ножками пружиня.

На пастбище стараньем паука
за ночь, среди стеблей коровяка
возникла чудо-сеть из тонких кружев.
Внезапно пуля поразила слух.
Бежит ловец, большой любитель мух,
и мрачно пятится, не обнаружив.

Range Finding

The battle rent a cobweb diamond-strung
And cut a flower beside a ground bird's nest
Before it stained a single human breast.
The stricken flower bent double and so hung.

And still the bird revisited her young.
A butterfly its fall had dispossessed

A moment sought in air his flower of rest,
Then lightly stooped to it and fluttering clung.

On the bare upland pasture there had spread
O'ernight 'twixt mullein stalks a wheel of thread
And straining cables wet with silver dew.

A sudden passing bullet shook it dry.
The indwelling spider ran to greet the fly,
But finding nothing, sullenly withdrew.
1916 "Mountain Interval"

Примечание.

Стихотворение «Range Finding» можно найти в Интернете в переводах Григория Кружкова и других.

Взаперти

Как это было рассказано ребёнку

Мы дома ночью спали взаперти.
Цветы отдельно запирали на террасе,
куда и свет не проникал почти.
И ночью спал я, будто на фугасе.
Казалось, воры пуговкой скребут:
явились за цветами и крадут.
Но Бог хранил цветы от всяких зол.
Я лишь одну настурцию нашёл
с помятым стебельком, взглянув на пол.
Я, верно, сам расправился с цветком
и честно признаю свою вину.
Вчера он в играх был моим дружком.
Мы вместе любовались на луну.

Locked Out
As told to a child

When we locked up the house at night,
We always locked the flowers outside
And cut them off from window light.
The time I dreamed the door was tried
And brushed with buttons upon sleeves,
The flowers were out there with the thieves.
Yet nobody molested them!
We did find one nasturtium
Upon the steps with bitten stem.
I may have been to blame for that:
I always thought it must have been
Some flower I played with as I sat
At dusk to watch the moon down early.

Прощальное слово Лазурной Птицы
Как это было рассказано ребёнку

Вышел я, а мне Ворона
громко крикнула с кола,
вроде дьякона с амвона:
"Эй! Здорово. Как дела?
Благодарна буду, если
передашь, увидев Лесли,
извиненье неспроста -

от не смогшей с ним проститься
маленькой Лазурной Птицы.
Хмурый ветер в свой наскок
звёзды яркие зажёг;
наморозил лёд повсюду;
нашу птичку ввёл в простуду,
вырвал перья из хвоста...
Птичка просит на прощанье
молвить Лесли: "До свиданья!"
Пусть до ласковых времён
носит красный капюшон.
Пусть, как выследит Вонючку,
даст ему большую взбучку.
Пусть надеется и ждёт.
А весной, как стает лёд,
птичка вновь ему споёт".

The Last Word of a Blue Bird
As told to a child

As I went out a Crow
In a low voice said, "Oh,
I was looking for you.
How do you do?
I just came to tell you
To tell Lesley (will you?)
That her little Bluebird
Wanted me to bring word
That the north wind last night
That made the stars bright

And made ice on the trough
Almost made him cough
His tail feathers off.
He just had to fly!
But he sent her Good-by,
And said to be good,
And wear her red hood,
And look for the skunk tracks
In the snow with an ax-
And do everything!
And perhaps in the spring
He would come back and sing."

Примечание.

Стихотворение «The Last Word of a Bluebird» отыскалось в Интернете в переводе на русский язык Захара Гинзбурга.

Девочкин сад

Подчас, в приятную погоду,
соседка говорила мне,
как раз в свои девчачьи годы
она блажила по весне.

Ей захотелось взять делянку
в своём саду, затем, чтоб там
самой трудиться спозаранку.
Отец сказал: "Конечно, дам!"

Вблизи ограды был кусочек,
определённый под лабаз,

забитый грудой старых бочек.
Отец сказал: "Вот, в самый раз.

Задумано умно и мило,
затея лучше всех затей:
пусть руки наберутся силы,
помимо кожи да костей".

Сказал: садовая работа -
совсем не отдых, а страда,
что нужно не бояться пота ...
Она была не враг труда.

Навоз возила то и дело
и не гнушалась грубых блуз,
но всякий раз в пути краснела
за грязный неприятный груз,

когда хоть кто-то шёл дорогой...
Семян, где можно, набрала -
была к их выбору нестрогой -
и насажала без числа

всё, вплоть до косточек плодовых,
латук, горох, бобы, редис,
картофель, много трав столовых,
томаты, свёклу и маис.

Она сама подозревала,
что много яблонь на гряде,
но нужных знаний было мало,
чтоб разобраться что и где.

Осенний сбор был очень пёстрый:
по малой горсточке всего,
чего ведро, чего с напёрсток,
а в общей сумме - ничего.

Теперь, увидев, как в селенье
в делах подводится итог
и все в хорошем настроенье,
она твердит нам: "Я - знаток!

Когда-то фермершей бывала"...
Но без советов! - Бог упас.
И никогда не привирала,
ведя повторно свой рассказ.

A Girl's Garden

A neighbor of mine in the village
Likes to tell how one spring
When she was a girl on the farm, she did
A childlike thing.

One day she asked her father
To give her a garden plot
To plant and tend and reap herself,
And he said, "Why not?"

In casting about for a corner
He thought of an idle bit
Of walled-off ground where a shop had stood,
And he said, "Just it."

And he said, "That ought to make you
An ideal one-girl farm,
And give you a chance to put some strength
On your slim-jim arm."

It was not enough of a garden
Her father said, to plow;
So she had to work it all by hand,
But she don't mind now.

She wheeled the dung in a wheelbarrow
Along a stretch of road;
But she always ran away and left
Her not-nice load,

And hid from anyone passing.
And then she begged the seed.
She says she thinks she planted one
Of all things but weed.

A hill each of potatoes,
Radishes, lettuce, peas,
Tomatoes, beets, beans, pumpkins, corn,
And even fruit trees.

And yes, she has long mistrusted
That a cider-apple
In bearing there today is hers,
Or at least may be.

Her crop was a miscellany
When all was said and done,
A little bit of everything,
A great deal of none.

Now when she sees in the village
How village things go,
Just when it seems to come in right,
She says, "I know!

"It's as when I was a farmer..."
Oh never by way of advice!
And she never sins by telling the tale
To the same person twice.
1916 "Mountain Interval"

Примечание.

В Интернете можно найти перевод стихотворения «A Girl's Garden» на русский язык, сделанный Маратом Джумагазиевым.

Спуск Брауна
или Скольжение волей-неволей

Так высоко жил фермер Браун,
что виден был его фонарь
за много миль, когда шабашил
и складывал свой инвентарь.

Однажды многие смотрели,
как он летел, чин-чинарём,
сквозь все поля и загородки,
рисуя кольца фонарём.

Меж домом и сараем буря
его, схвативши, понесла

на гладь сплошной ледовой корки.
А мир вокруг накрыла мгла.

Под снегом - стенки, ряд деревьев.
Не смог схватиться ни за сук,
как ни старался уцепиться,
лишь в ямах застревал каблук.

Невольно, в нос бурча про что-то -
бежал за кем-то по пятам,
а сам не мог остановиться,
всё нёсся с горки по полям.

Всё мчался вниз. Расставил длани,
как неземное существо.
Раскинул руки, вроде крыльев.
В лице мелькнуло торжество.

Быстрее, тише - как случалось;
то прямо встав, то сев потом.
Летел, и в страхе, и рискуя
своей одеждой и хребтом.

Он пёкся, чтоб фонарь не гаснул,
и раздразнил внизу зевак.
Те, глядя на огонь, кричали:
"Смотрите, что ещё за знак!?

К чему нам Браун светит ночью?
С чего распраздновался он?
Не то удачно продал ферму,
не то почётно награждён".

Он мчал опасно, кувыркался.
Упал и грохнул свой фонарь
(и всё-таки не дал потухнуть -
крутил фитиль, сбивая гарь).

Ещё не веря в неудачу,
не тратя силы и ума,
он подчинился лютой буре
и, как пацан, съезжал с холма.

"Ох, я..." Вот всё, что мог он крикнуть,
попавши, как в речной поток,
и проскочил две мили склона.
Дом стал - аж страшно - как далёк.

Я ж думал (Всё же я - водитель!),
как быть, когда надежды нет
и мощь машины на исходе?
Так вот мой собственный ответ:

мы, янки, - вечно неизменны!
Навряд ли Браун был смущён
и совершенно растерялся,
попав на слишком скользкий склон.

Он, будто, вздумал задержаться
до оттепели в январе,
которая покончит с настом,
и покорился злой поре,

как вдруг, съезжая, развернулся,
манером восхитившим глаз.
Неужто позабыл, к кому он
спешил добраться в этот час?

Он явно выбрал направленье
не к цели, а в чужой квартал,
чему, однако, вне сомненья,
значенья он не придавал.

С сочувствием, как было должно,
вполне тактично, как сумел,
я подбежал к нему с вопросом.
Был очень рад, что Браун цел.

Он трижды поморгал глазами.
Встряхнул фонарь. Убрал фитиль
и двинулся в своё жилище -
дорогой в много-много миль.

Brown's Descent
or Willy-Nilly Slide

Brown lived at such a lofty farm
That everyone for miles could see
His lantern when he did his chores
In winter after half-past three.

And many must have seen him make
His wild descent from there one night,
'Cross lots, 'cross walls, 'cross everything,
Describing rings of lantern light.

Between the house and barn the gale
Got him by something he had on

And blew him out on the icy crust
That cased the world, and he was gone!

Walls were all buried, trees were few:
He saw no stay unless he stove
A hole in somewhere with his heel.
But though repeatedly he strove

And stamped and said things to himself,
And sometimes something seemed to yield,
He gained no foothold, but pursued
His journey down from field to field.

Sometimes he came with arms outspread
Like wings, revolving in the scene
Upon his longer axis, and
With no small dignity of mien.

Faster or slower as he chanced,
Sitting or standing as he chose,
According as he feared to risk
His neck, or thought to spare his clothes,

He never let the lantern drop.
And some exclaimed who saw afar
The figures he described with it,
"I wonder what those signals are

Brown makes at such an hour of night!
He's celebrating something strange.
I wonder if he's sold his farm,
Or been made Master of the Grange."

He reeled, he lurched, he bobbed, he checked;
He fell and made the lantern rattle
(But saved the light from going out.)
So half-way down he fought the battle

Incredulous of his own bad luck.
And then becoming reconciled
To everything, he gave it up
And came down like a coasting child.

"Well--I--be--" that was all he said,
As standing in the river road,
He looked back up the slippery slope
(Two miles it was) to his abode.

Sometimes as an authority
On motor-cars, I'm asked if I
Should say our stock was petered out,
And this is my sincere reply:

Yankees are what they always were.
Don't think Brown ever gave up hope
Of getting home again because
He couldn't climb that slippery slope;

Or, even thought of standing there
Until the January thaw
Should take the polish off the crust.
He bowed with grace to natural law,

And then went round it on his feet,
After the manner of our stock;
Not much concerned for those to whom,
At that particular time o'clock,

It must have looked as if the course
He steered was really straight away
From that which he was headed for--
Not much concerned for them, I say:

No more so than became a man--
And politician at odd seasons.
I've kept Brown standing in the cold
while I invested him with reasons;

But now he snapped his eyes three times;
Then shook his lantern, saying, "He's
'Bout out!" and took the long way home
By road, a matter of several miles.
1920 "Mountain Interval"

Шум деревьев

Деревья так шумят что чудо!
Нам отчего-то мил их шум,
звучащий вечно и повсюду.
Он нам милей других шумов,
витающих у нас в отчизне.
Пытаюсь внять, о чём поют:
они диктуют ритмы жизни,
и с ними радости полней,
но, сотрясая атмосферу,
их шум твердит про наш уход,
хоть сами с места не сойдут.

Они, чем старше, тем мудрее
и явно знают, что нас ждёт,
но сберегают свой уют.
Порой своим ногам не верю
и головы не держит шея,
деревья тоже кроны гнут,
а я с тоской гляжу на двери.
Я, всё-таки, решусь в сердцах.
Когда деревья расшумятся,
меня подгонит всё их братство,
Вот взвоют, нагоняя страх,
так я не стану, к их стыду,
терпеть свой временный статут.
Я, всё-таки уйду.

The Sound of Trees

I wonder about the trees.
Why do we wish to bear
Forever the noise of these
More than another noise
So close to our dwelling place?
We suffer them by the day
Till we lose all measure of pace,
And fixity in our joys,
And acquire a listening air.
They are that that talks of going
But never gets away;
And that talks no less for knowing,
As it grows wiser and older,

That now it means to stay.
My feet tug at the floor
And my head sways to my shoulder
Sometimes when I watch trees sway,
From the window or the door.
I shall set forth for somewhere,
I shall make the reckless choice
Some day when they are in voice
And tossing so as to scare
The white clouds over them on.
I shall have less to say,
But I shall be gone.
1916 "Mountain Interval"

Примечания.

Стихотворение «The Sound of Trees» можно отыскать в Интернете в разных переводах на русский язык. Среди них переводы Лидии Иотковской, Григория Кружкова, Лилии Мальцевой, Б.Хлебникова.

Собиратель хвойной смолки

Он перегнал и взял меня с собой,
чтоб вниз сойти решительно и резко.
Я с ним прошёл пять миль, не чуя ног,
но это было лучше, чем поездка.
На парне был объёмистый мешок,
и он ему давил на руки и на плечи.
Мы говорили с ним, крича наперебой.
Ступали над потоком, полным плеска.
Я объяснил ему, кто я такой,

что родом с гор, куда и мечу:
лишь надобно пройти за перевал.
И он мне о себе сказал немного,
мол, был сейчас в ущелье, полном скал,
вверху, где зарождаются потоки,
и блоки камня рушатся вповал,
а семена в тоске мечтают выждать сроки,
чтоб камень, выветрясь, в грядущем почвой стал.
(Не только для травы, но и для мхов).

Там он построил скрытую лачугу.
В ином жилье ему пришлось бы туго:
пожары там страшны, акциз всегда суров.
Спокойно спать не позволяют углежоги.
Полмира не в покое с перепугу,
и солнце, в дымном облаке, - в тревоге.

Мы знаем, кто привозит в города
корзины с яйцами, поставив под сиденья,
и ягоды - для морса и варенья.
У спутника в мешке топорщились упруго
пахучие куски ценнейшего сырья.
Он нёс с собой немало хвойной смолки,
добычу в виде грубых тусклых глыб.
На рынке ж зелье станет хоть куда:
коричневато-золотистой серой.
На дёснах будет ярко розоветь.
Я спутника поздравил с тем, как чудно,
вдыхая свежий воздух полной мерой,
искать на дереве целебную камедь
и знать, что будет польза от труда.
Такой товар на рынке сбыть не трудно.

The Gum-Gatherer

There overtook me and drew me in
To his down-hill, early-morning stride,
And set me five miles on my road
Better than if he had had me ride,
A man with a swinging bag for'load
And half the bag wound round his hand.
We talked like barking above the din
Of water we walked along beside.
And for my telling him where I'd been
And where I lived in mountain land
To be coming home the way I was,
He told me a little about himself.
He came from higher up in the pass
Where the grist of the new-beginning brooks
Is blocks split off the mountain mass -
And hopeless grist enough it looks
Ever to grind to soil for grass.
(The way it is will do for moss.)
There he had built his stolen shack.
It had to be a stolen shack
Because of the fears of fire and logs
That trouble the sleep of lumber folk:
Visions of half the world burned black
And the sun shrunken yellow in smoke.
We know who when they come to town
Bring berries under the wagon seat,
Or a basket of eggs between their feet;
What this man brought in a cotton sack

Was gum, the gum of the mountain spruce.
He showed me lumps of the scented stuff
Like uncut jewels, dull and rough
It comes to market golden brown;
But turns to pink between the teeth.
I told him this is a pleasant life
To set your breast to the bark of trees
That all your days are dim beneath,
And reaching up with a little knife,
To loose the resin and take it down
And bring it to market when you please
1916 "Mountain Interval"

Примечание.

В Интернете можно найти стихотворение «The Gum-Gatherer» в переводе на русский язык Вячеслава Толстова.

Пастбище

Иду на выгон - вычистить родник,
чтоб был от старых листьев пролопачен.
(Да погляжу, чтоб стал опять прозрачен).
Я - ненадолго. Приходи и ты.

Иду, чтобы забрать телёнка.
Он - мал и еле держится стойком,
покуда мать оближет языком.
Ты тоже приходи. Я - ненадолго.

The Pasture

I'm going out to clean the pasture spring;
I'll only stop to rake the leaves away.
(And wait to watch the water clear, I may):
I shan't be gone long. - You come too.

I'm going out to fetch the little calf.
That's standing by the mother. It's so young,
It totters when she licks it with her tongue.
I shan't be gone long. - You come too.
1914 "North of Boston"

Примечание.
Стихотворение «The Pasture» можно найти в Интернете в разных переводах, в том числе Петра Долголенко, И.Кашкина, Сергея Куликова, Ольги Курицыной.

Жена с лесного холма

1.Одиночество
(Её слова)

Другие не внимают зовам
летящих к югу птичьих стай,
а те всё кружатся над кровом -
как говорят: "Прощай!"

Иной не ждёт их возвращенья
и глух, как снова запоют,

а нам лишь птицы утешенье.
Глядим, как строят свой уют.

Нам часто грустно, даже слишком,
а птицы рвения полны,
чтоб завестись своим домишком,
и рады шествию весны.

The Hill Wife

1.Loneliness
(Her Word)

One ought not to have to care
So much as you and I
Care when the birds come round the house
To seem to say good-bye;

Or care so much when they come back
With whatever it is they sing;
The truth being we are as much
Too glad for the one thing

As we are too sad for the other here —
With birds that fill their breasts
But with each other and themselves
And their built or driven nests.

2.Домашние страхи

Когда б те ни вернулись ночью
в дома - синичьи да сорочьи -
из стран, где побыли они,
на месте не горят огни -
там страхи драки и грызни.
И птицы всех, кто влез на отдых,
расположась в их утлых гнёздах,
с прегромким шумом гонят прочь -
из тьмы убежищ просто в ночь.
Селясь, не закрывают входы.
Они ревнители свободы.

2.House fear

Always — I tell you this they learned —

Always at night when they returned

To the lonely house from far away,

To lamps unlighted and fire gone gray,

They learned to rattle the lock and key

To give whatever might chance to be

Warning and time to be off in flight:

And preferring the out- to the in-door night,

They learned to leave the house-door wide

Until they had lit the lamp inside.

3.Улыбка
(Её слова)

Как скверно попрощался тот бедняк.
Осклабился, но он не весельчак.
Ты видел? - Не улыбка, а издёвка.
Не рад, что слишком мало получил?
Но видел, как бедна здесь обстановка.
Могли б сказать, что выбились из сил.
Возможно сам взял что-нибудь украдкой.
Не то ему наш ранний брак не мил
и наша юность показалась гадкой?
Он любит вид болезней и могил.
Далёко ли его умчали ноги?
Небось, ещё глядит на нас с дороги.

3.The Smile
(Her Word)

I didn't like the way he went away.
That smile! It never came of being gay.
Still he smiled--did you see him? -I was sure!
Perhaps because we gave him only bread
And the wretch knew from that that we were poor.
Perhaps because he let us give instead
Of seizing from us as he might have seized.
Perhaps he mocked at us for being wed,
Or being very young (and he was pleased
To have a vision of us old and dead).
I wonder how far down the road he's got.
He's watching from the woods as like as not.

4.Часто повторяющийся сон

Ей было трудно что-то отвечать
на зов сосны печальной,
что тщетно всё пыталась постучать
в окно их спальной.

Неистовость сухих сосновых рук
при каждом бесполезном взмахе
перед загадкой стёкол и фрамуг
была как трепыханье птахи.

Сосна осталась за окном.
А из двоих - одна лишь в спальной,
томимая столь частым сном,
постигла зов тот инфернальный.

4.The oft-repeated dream

She had no saying dark enough
For the dark pine that kept
Forever trying the window-latch
Of the room where they slept.

The tireless but ineffectual hands
That with every futile pass
Made the great tree seem as a little bird
Before the mystery of glass!

It never had been inside the room,
And only one of the two
Was afraid in an oft-repeated dream
Of what the tree might do.

5.Порыв

Судьба казалась ей всё хуже
и всё лютей.
Жила в чащобе возле мужа,
но без детей.

Работы в доме было мало.
Блюла красу.
Супруг то брался за орало,
то был в лесу.

Она ж, порой, набьёт на рубке
подол щепой
да песенки поёт сквозь губки,
идя тропой.

В ольшаник раз зашла поглубже -
набрать ветвей.
Супруг ей в спину крикнул тут же,
пошёл за ней.

Кричал и звал её всё пуще -
ответа нет.
Её скрыл папоротник в гуще.
Пропал и след.

Искал её по всей округе,
по всем местам.

Явился к матери супруги -
нашёл лишь там.

Под ним пошла круженьем шалым
земная твердь.
Постиг, что может стать финалом
не только смерть.

5.The impulse

It was too lonely for her there,
And too wild,
And since there were but two of them,
And no child,

And work was little in the house,
She was free,
And followed where he furrowed field,
Or felled tree.

She rested on a log and tossed
The fresh chips,
With a song only to herself
On her lips.

And once she went to break a bough
Of black alder.
She strayed so far she scarcely heard
When he called her —

And didn’t answer — didn’t speak —
Or return.
She stood, and then she ran and hid
In the fern.

He never found her, though he looked
Everywhere,
And he asked at her mother’s house
Was she there.

Sudden and swift and light as that
The ties gave,
And he learned of finalities
Besides the grave.
1916 "Mountain Interval"

Примечание.

Переводы стихотворения «The Hill Wife» на русский язык можно найти в Интернете (переводы Вадима Белякова и Вячеслава Толстова).

Линейная бригада

Сюда сейчас идут первопроходцы
и пилят лес, а более крушат.
Взамен живых деревьев ставят брёвна
и прочный провод вешают любовно.
По жилкам шквал известий понесётся -
слова и застучат и зазвучат:
пойдут надёжно, в темпе нашей мысли.
На трассе шум - дела идут на лад.

Следят за тем, чтоб нити не провисли.
Натягивают туго, как канат.
В бригаде бойкий опытный состав.
Чтоб связи с городом у сёл не кисли,
в глушь тянут телефон и телеграф.

The Line-Gang

Here come the line-gang pioneering by,
They throw a forest down less cut than broken.
They plant dead trees for living, and the dead
They string together with a living thread.
They string an instrument against the sky
Wherein words whether beaten out or spoken
Will run as hushed as when they were a thought
But in no hush they string it: they go past
With shouts afar to pull the cable taught,
To hold it hard until they make it fast,
To ease away -- they have it. With a laugh,
An oath of towns that set the wild at naught
They bring the telephone and telegraph.
1916 "Mountain Interval"

В лощине

При свете звёзд, в игре зарниц,
среди туманной топи рядом,
я видел, как во сне, девиц
и, сквозь туман, окинув взглядом,
всегда дивился их нарядам.

Там было множество цветов,
у всех особенные лица.
И много разных голосов
текли из тьмы под утлый кров,
во всю звуча в моей светлице.

А я был юн и одинок
и долго слушал их ночами,
впускал к себе на огонёк,
стремясь запомнить всё, что мог,
покуда звёзды были с нами.

А с выпадением росы
все звуки молкли, звёзды гасли.
Цветы и птицы в те часы
для обновления красы
скрывались в собственные ясли.

Так я стал знанием богат:
где птицы взяли их уменье,
зачем цветам их аромат.
Теперь всегда поведать рад,
как слушал птиц среди цветенья.

In a Vale

When I was young, we dwelt in a vale
By a misty fen that rang all night,
And thus it was the maidens pale
I knew so well, whose garments trail
Across the reeds to a window light.

The fen had every kind of bloom,
And for every kind there was a face,
And a voice that has sounded in my room
Across the sill from the outer gloom.
Each came singly unto her place,

But all came every night with the mist;
And often they brought so much to say
Of things of moment to which, they wist,
One so lonely was fain to list,
That the stars were almost faded away

Before the last went, heavy with dew,
Back to the place from which she came —
Where the bird was before it flew,
Where the flower was before it grew,
Where bird and flower were one and the same.

And thus it is I know so well
Why the flower has odor, the bird has song.
You have only to ask me, and I can tell.
No, not vainly there did I dwell,
Nor vainly listen all the night long.
1913 "A Boy's Will"

Примечание.

Стихотворение «In a Vale» можно найти в Интернете в разных переводах на русский, под разными названиями, в том числе в переводах Вячеслава Толстова и Виктора Топорова.

Откровение

Нам хочется держаться в стороне,
за ироничными словами,
когда ж нас разглядят извне,
мы рады и спокойней сами.

Нам жаль, когда мы - не случайно -
(так сами говорим) потом
должны раскрыть все наши тайны
в беседах с вдумчивым дружком.

Всё ищем для себя укромный путь,
играем с Богом в прятки, будто дети,
но всё ж в итоге сыщут, где мы суть,
куда б ни скрылись в целом свете.

Revelation

We make ourselves a place apart
Behind light words that tease and flout,
But oh, the agitated heart
Till someone find us really out.

'Tis pity if the case require
(Or so we say) that in the end
We speak the literal to inspire
The understanding of a friend.

But so with all, from babes that play
At hide-and-seek to God afar,

So all who hide too well away
Must speak and tell us where they are.
1913 "A Boy's Will"

Примечание.

Стихотворение «Revelaton» можно найти в Интернете во многих русских переводах, в их числе переводы Алёны Алексеевой, Василия Бетаки, Николая Кружкова, Виктора Топорова, Б.Хлебникова.

Телефон

Сегодня я слонялся по леску.
Успел зайти куда подальше
и радовался славному деньку.
Но что-то дивное причудилось там мне:
вдруг речь твою услышал в тишине.
Лишь голову пригнул к цветку -
в нём чистый голос твой - без фальши.
Я излагаю всё точь-в-точь.
Ты выбрала цветок в окне
и, будто в трубку, зашептала.
Припомни всё сама сначала.

"Тебе мерещилось! Признайся сам сперва!"

Ну, что ж! Возможно ты права.
Но, знаешь, я не глух.
Я выгнал пчёлку прочь
и наклонился к стебельку.
Подумалось, что слышатся слова:

звучало: "Приходи!" Ты имя назвала.

"Не спорю. Только в мыслях, а не вслух".

Так вот я тут - и все дела!

The Telephone

"When I was just as far as I could walk
From here today,
There was an hour
All still
When leaning with my head against a flower
I heard you talk.
Don't say I didn't, for I heard you say -
You spoke from that flower on the windowsill -
Do you remember what it was you said?"

"First tell me what it was you thought you heard."

"Having found the flower and driven a bee away,
I leaned my head,
And holding by the stalk,
I listened and I thought I caught the word -
What was it? Did you call me by my name?
Or did you say -
Someone said 'Come' - I heard it as I bowed."

"I may have thought as much, but not aloud."

"Well, so I came."
1916 "Mountain Interval"

Примечание.

Наиболее известный перевод стихотворения «Telephone» а русский язык сделан Григорием Кружковым.

Испытание жизнью

Герои лютой передряги,
погибшие в лихом бою,
найдут приют в стране отваги,
в дивящем взор земном раю.
Они меж вечных асфоделей,
оставшись без мечей и лат
дождутся воплощенья целей
и вожделеннейших наград.

Над дивом пастбищных нагорий
заблещет чистый белый свет
без пестроты фантасмагорий,
свет ясных зорь и цельный цвет.
Там ангелы, навеяв свежесть
и снег стеля среди полей,
у всех, кто там пребудет, нежась,
с улыбкой спросят: "Кто смелей?"

И прогремит с высот воззванье,
чтоб все вершили, как могли,
подробнейшее испытанье
для помрачившейся Земли.
Вслед толпы мудрецов сберутся,
затеяв трудный разговор

для вынесенья резолюций
по всем делам, где будет спор.

Пока любуются бродяги,
как люди гибнут то и знай,
другие, думая о благе,
взамен готовы бросить рай.
Их вывод прост, итог извечен:
кто больше жертвует собой,
тот зорче Господом замечен,
и Бог следит за их судьбой.

Но видят знак благоволенья
немногие - кому везло, -
из тех, что гонят тень сомненья
и видят, где добро и зло,
кто чтит Господни сотворенья
и нежный тон Его мечты
без всяких пятен замутненья
и в высшем блеске красоты.

И сущность всякого геройства -
не только боевая стать:
необходимейшее свойство -
в любой борьбе не унывать.
Рассказ о бедствиях былого
гораздо меньше ранит слух,
как вставят шутку острослова
и песню, что подъемлет дух.

Бог молвил слово в завершенье:
"Когда сражаешься, держись!
Как скажет друг в пылу сраженья,

спасай, когда есть выбор, жизнь.
Но, как судьба ни героична,
не важно, что ты сам избрал,
твоя трагедия - вторична.
Всегда есть высший идеал".

Хоть можно выбирать и снова,
конечный выбор - навсегда.
Он - завершающее слово.
Иное стёрто без следа.
И, сотворяя знак смиренья,
Бог выбрал золотой цветок,
сломал искусное плетенье
и сделал крепкий узелок.

Суть жизни - вся в таком комочке -
одна сквозная пустота.
Мы помним всё до краткой строчки.
В итоге - праздная мечта.
От гордых дел, что мы избрали, -
обрывки старого рванья
и в возмещение печали -
лишь прах и вороха вранья.

The Trial by Existence

Even the bravest that are slain
Shall not dissemble their surprise
On waking to find valor reign,
Even as on earth, in paradise;

And where they sought without the sword
Wide fields of asphodel fore'er,
To find that the utmost reward
Of daring should be still to dare.

The light of heaven falls whole and white
And is not shattered into dyes,
The light forever is morning light;
The hills are verdured pasture-wise;
The angle hosts with freshness go,
And seek with laughter what to brave;--
And binding all is the hushed snow
Of the far-distant breaking wave.

And from a cliff-top is proclaimed
The gathering of the souls for birth,
The trial by existence named,
The obscuration upon earth.
And the slant spirits trooping by
In streams and cross- and counter-streams
Can but give ear to that sweet cry
For its suggestion of what dreams!

And the more loitering are turned
To view once more the sacrifice
Of those who for some good discerned
Will gladly give up paradise.
And a white shimmering concourse rolls
Toward the throne to witness there
The speeding of devoted souls
Which God makes his especial care.

And none are taken but who will,
Having first heard the life read out

That opens earthward, good and ill,
Beyond the shadow of a doubt;
And very beautifully God limns,
And tenderly, life's little dream,
But naught extenuates or dims,
Setting the thing that is supreme.

Nor is there wanting in the press
Some spirit to stand simply forth,
Heroic in it nakedness,
Against the uttermost of earth.
The tale of earth's unhonored things
Sounds nobler there than 'neath the sun;
And the mind whirls and the heart sings,
And a shout greets the daring one.

But always God speaks at the end:
'One thought in agony of strife
The bravest would have by for friend,
The memory that he chose the life;
But the pure fate to which you go
Admits no memory of choice,
Or the woe were not earthly woe
To which you give the assenting voice.'

And so the choice must be again,
But the last choice is still the same;
And the awe passes wonder then,
And a hush falls for all acclaim.
And God has taken a flower of gold
And broken it, and used therefrom
The mystic link to bind and hold
Spirit to matter till death come.

'Tis of the essence of life here,
Though we choose greatly, still to lack
The lasting memory at all clear,
That life has for us on the wrack
Nothing but what we somehow chose;
Thus are we wholly stipped of pride
In the pain that has but one close,
Bearing it crushed and mystified.
1913 "A Boy's Will".

Примечания.

При поисках в Интернете отыскался один полный перевод стихотворения «The Trial by Existence» на русский язык (на сайте Stihi.Ru) и ещё перевод 2-й и третьей октав.

Цветочный островок

Косарь с утра косил лесной лужок.
Я вышел ворошить спустя часок.

Коса была жадна и весела.
Трава сдалась и сразу полегла.

Но и роса с утра была едка.
Мне слышалось жужжанье оселка.

Но всё ж я не увидел косаря.
Поглядывал вперёд - и всё зазря.

"Не странно ли, - подумал - как сошлось:
работаем вдвоём, а всё же врозь".

Едва подумал, в тот же самый миг
вдруг мотылёк тихонечко возник.

Он, видимо, разыскивал с утра
сплошной цветник, что стлался здесь вчера.

Летит - глядит, в тоске от перемен -
в траве лишь только вялый мёртвый тлен.

Немного полетает в стороне,
и снова возвращается ко мне.

А я был занят сушкою травы.
Для дум не доставало головы.

Я разрешал вопросы бытия,
а мотылёк взметнулся у ручья.

Там уцелел цветочный островок.
Коса минула малый уголок.

Косарь его оставил не для нас:
там было восхищение для глаз,

сиянье ярче искорок в костре.
Он там увидел чудо на заре.

Обрадовались я и мотылёк -
и нам сверкнул тот утренний часок.

Тут я услышал пенье птиц вокруг.
Вдали коса докашивала луг.

Я ощутил, что рядом - здесь со мной -
есть славный друг, по духу мне родной.

Он был мне в помощь в этот жаркий день.
Устав, хотел бы разделить с ним тень.

Догнать? Мне не хватало куражу.
Всё думалось, о чём ему скажу:

"Мы порознь или вместе - всё равно:
работаем вдвоём и заодно!

The Tuft of Flowers

I went to turn the grass once after one
Who mowed it in the dew before the sun.

The dew was gone that made his blade so keen
Before I came to view the leveled scene.

I looked for him behind an isle of trees;
I listened for his whetstone on the breeze.

But he had gone his way, the grass all mown,
And I must be, as he had been—alone,

“As all must be,” I said within my heart,
“Whether they work together or apart.”

But as I said it, swift there passed me by
On noiseless wing a bewildered butterfly,

Seeking with memories grown dim o'er night
Some resting flower of yesterday's delight.

And once I marked his flight go round and round,
As where some flower lay withering on the ground.

And then he flew as far as eye could see,
And then on tremulous wing came back to me.

I thought of questions that have no reply,
And would have turned to toss the grass to dry;

But he turned first, and led my eye to look
At a tall tuft of flowers beside a brook,

A leaping tongue of bloom the scythe had spared
Beside a reedy brook the scythe had bared.

The mower in the dew had loved them thus,
By leaving them to flourish, not for us,

Nor yet to draw one though of ours to him,
But from sheer morning gladness at the brim.

The butterfly and I had lit upon,
Nevertheless, a message from the dawn,

That made me hear the wakening birds around,
And hear his long scythe whispering to the ground,

And feel a spirit kindred to my own;
So that henceforth I worked no more alone;

But glad with him, I worked as with his aid,
And weary, sought at noon with him the shade;

And dreaming, as it were, held brotherly speech
With one whose thought I had not hoped to reach.

“Men work together,” I told him from the heart,
“Whether they work together or apart.”
1913 "A Boy's Will"

Примечание.

Стихотворение "A Tuft of Flowers" - одно из ранних у Роберта Фроста. Оно очень популярно в Америке. На русском языке есть в нескольких переводах: Василия Бетаки, Максима Егорова, Михаила Зенкевича, Б.Хлебникова.

Ожидание

Вдали, в сумерках

Мне вдруг привиделся какой-то призрак,
мелькнувший меж стеснившихся стогов,
когда я шёл там по жнивью один,
и где уж смолкли голоса трудяг.
Там в антифонии послесвеченья
явилась полная луна - и усадила
меня на светлой стороне под первый стог.
Я затерялся в множестве копён
и задремал там под лучистым лунным светом
до той поры, пока его не скроют тени.

Мне снились ястребы в ночном полёте.
Они кружились в небе с тусклым криком,
потом пикировали яростно вдали.
А наяву летали только мыши.
Они следили, где я укрываюсь.
Сыскав, теряли место в пируэтах,
чтоб вновь найти в своей незрячей спешке.
Неслись сквозь прорву запахов стрижами -
то с хрипом, то шурша неподалёку.
Найдя меня, притихнут, чуть помедлят,
затем скорей концерт заводят снова.
Раз, два и три проверят, где я есть...
Я взял с собою сборник старых песен,
но не для чтения - чтоб освежить
в сухой и сладкой здешней атмосфере.
А в памяти моей всё больше Та,
что ценит эти золотые строчки.

Waiting
Afield at dusk

What things for dream there are when specter-like,
Moving amond tall haycocks lightly piled,
I enter alone upon the stubbled filed,
From which the laborers' voices late have died,
And in the antiphony of afterglow
And rising full moon, sit me down
Upon the full moon's side of the first haycock
And lose myself amid so many alike.

I dream upon the opposing lights of the hour,
Preventing shadow until the moon prevail;
I dream upon the nighthawks peopling heaven,
Or plunging headlong with fierce twang afar;
And on the bat's mute antics, who would seem
Dimly to have made out my secret place,
Only to lose it when he pirouettes,
On the last swallow's sweep; and on the rasp
In the abyss of odor and rustle at my back,
That, silenced by my advent, finds once more,
After an interval, his instrument,
And tries once--twice--and thrice if I be there;
And on the worn book of old-golden song
I brought not here to read, it seems, but hold
And freshen in this air of withering sweetness;
But on the memor of one absent, most,
For whom these lines when they shall greet her eye.
1913 "A Boy's Will"

Примечание.

В Интернете можно найти стихотворение «Waiting» в переводах на русский язык Вадима Белякова и Вячеслава Толстова.

Моя бабочка

Твои любимые цветы погибли
и глупо атакующее солнце,
мучитель твой, ушло или мертво.
Не будь меня
(Не грустно ли тебе?)

не будь меня,
здесь некому в полях тебя оплакать.
Ещё не выпал снег, трава сера.
Не запорошены два берега реки,
но это уж не тёплая пора,
не летние деньки.
Тогда любою ясной ранью
всех приводило в обаянье
твоё игривое порханье.
Тебя несли порыв и страсть,
и ты кружилась и взметалась,
ты мчалась, не страшась упасть,
в волшебном танце, в дивном одеянье.
Тогда я часто унывал в заботе,
почти весь мир жалея и любя,
но увидав, что ты опять в полёте,
был рад и за тебя, и за себя.
Летя неровно, ярко полыхая,
ты и не думала, что создана
судьбою ветру на забаву, для игры.
И я не думал - нынче знаю.
Веселье - до поры.
Бог на тебя не надевал оковы,
но справиться с тобою нелегко.
Тебя тянул слишком далеко -
и он тебя схватил покрепче и сурово.
Своё припомню:
был комплот - лишали жизни.
Ещё недолго - быть бы тризне.
Расстройство; тщетные мечты;
трава, грозившая мигренью;
трёх разных запахов смешенье
и символичные цветы.

Я был в безумном ослепленье.
Я совершенно онемел.
И кто-то в щёку мне влетел:

её как резким ветром обожгло
твоё цветной пыльцой покрытое крыло...
Я нынче отыскал его лоскут.
"Ты умерла!" - проговорил.
"Мертва!" - сказал сорокопут.
Кусок крыло нашёлся под карнизом -
наверно, занесён был бризом.

My Butterfly

Thine emulous fond flowers are dead, too,
And the daft sun-assaulter, he
That frighted thee so oft, is fled or dead:
Save only me
(Nor is it sad to thee!)
Save only me
There is none left to mourn thee in the fields.
The gray grass is not dappled with the snow;

Its two banks have not shut upon the river;
But it is long ago -
It seems forever -
Since first I saw thee glance,
With all the dazzling other ones,
In airy dalliance,
Precipitate in love,
Tossed, tangled, whirled and whirled above,
Like a limp rose-wreath in a fairy dance.
When that was, the soft mist
Of my regret hung not on all the land,
And I was glad for thee,
And glad for me, I wist.
Thou didst not know, who tottered, wandering on high,
That fate had made thee for the pleasure of the wind,
With those great careless wings,
Nor yet did I.
And there were other things:
It seemed God let thee flutter from his gentle clasp:
Then fearful he had let thee win
Too far beyond him to be gathered in,
Snatched thee, o'er eager, with ungentle grasp.
Ah! I remember me
How once conspiracy was rife
Against my life -
The languor of it and the dreaming fond;
Surging, the grasses dizzied me of thought,
The breeze three odors brought,
And a gem-flower waved in a wand!
Then when I was distraught
And could not speak,
Sidelong, full on my cheek,
What should that reckless zephyr fling

But the wild touch of thy dye-dusty wing!
I found that wing broken to-day!
For thou are dead, I said,
And the strange birds say.
I found it with the withered leaves
Under the eaves.
1897 (1913 "A Boy's Will")

Примечание.

В Интернете можно найти переводы стихотворения «My Butterfly» на русский язык, сделанные Вадимом Беляковым и Вячеславом Толстовым.

Звезда на волокуше

Посвящено Линкольну MacVeagh*

Не говори мне, что никто не брал
для строек неземной материал,
который к нам, бывало, прилетал.

Какой-то пахарь камень здесь нашёл.
Тот был почти как золото тяжёл.
Уже остывший, чёрен был и гол.

Бесформенный объёмистый предмет,
безжизненый, без пямятных примет.
В нём был непроницаемый секрет.

Крестьянин к звёздам с неба не привык,
и разумом - ни где тот гость возник,
ни что с ним делать - сразу не постиг.

Я сам не видел ночью, как во мгле
тот камень придавил мурашек на земле.
Не видел, на каком летел крыле.

Хвост был, должно быть, как у Райской птицы.
(Пускай тот для полётов не годится -
про пышность сочиняют небылицы).

Но пахарю то было знать не впрок.
Он камень с места просто уволок -
а тот успел: там всё, что смог, прожёг.

Хлеба сгорели, выжили цветы,
а после разрослись без суеты.
Дождь, расщедрясь, поил их с высоты.

Крестьянин взял канат и гибкий прут,
оплёл звезду узлом железных пут
и резво впрягся в свой нелёгкий труд.

Пегаса предпочли б иные души,
но двигать тяжеленный груз по суше
практичней на нехитрой волокуше.

Пришлось потеть и не жалеть силёнки.
Езда по борозде да по щебёнке -
конечно, не космические гонки.

Простак сыскал для камня примененье.
Хоть то ошибка, даже преступленье,
тот весь пошёл на стройку огражденья.

Как нужно было б поступить по чести?
Не знаю сам. Обдумывал раз двести:
не трогал бы. Оставил бы на месте.

Теперь, близ стен, я не свожу с них глаз.
Лишь если звёздный дождь летит на нас,
так на небо смотрю в вечерний час.

Другие сами знают, что искать.
В церквах и школах ищут благодать.
Мне ж в той стене важна любая пядь.

Не со Звезды Судьбы упал, пыля,
тот камень в наши местные поля,
но почему ж его влекла Земля?

Не со Звезды же он Греха и Смерти?
Он, как весь мир, вращался в круговерти,
и вот теперь в стене он, как в конверте.

Боюсь коснуться камня-недотроги
и пальцы убираю прочь в итоге.
Так рыбы резбегаются в тревоге.

Тот пришлый камень - не простой огарок.
Он - вещь из мира, что велик и ярок.
Мне хочется потрогать тот подарок.

Кто ж я, глупец или мудрец?

A Star in a Stoneboat
For Lincoln MacVeagh*

Never tell me that not one star of all
That slip from heaven at night and softly fall
Has been picked up with stones to build a wall.

Some laborer found one faded and stone-cold,
And saving that its weight suggested gold
And tugged it from his first too certain hold,

He noticed nothing in it to remark.
He was not used to handling stars thrown dark
And lifeless from an interrupted arc.

He did not recognize in that smooth coal
The one thing palpable besides the soul
To penetrate the air in which we roll.

He did not see how like a flying thing
It brooded ant eggs, and bad one large wing,
One not so large for flying in a ring,

And a long Bird of Paradise's tail
(Though these when not in use to fly and trail
It drew back in its body like a snail);

Nor know that be might move it from the spot —
The harm was done: from having been star-shot
The very nature of the soil was hot

And burning to yield flowers instead of grain,
Flowers fanned and not put out by all the rain

Poured on them by his prayers prayed in vain.

He moved it roughly with an iron bar,
He loaded an old stoneboat with the star
And not, as you might think, a flying car,

Such as even poets would admit perforce
More practical than Pegasus the horse
If it could put a star back in its course.

He dragged it through the plowed ground at a pace
But faintly reminiscent of the race
Of jostling rock in interstellar space.

It went for building stone, and I, as though
Commanded in a dream, forever go
To right the wrong that this should have been so.

Yet ask where else it could have gone as well,
I do not know—I cannot stop to tell:
He might have left it lying where it fell.

From following walls I never lift my eye,
Except at night to places in the sky
Where showers of charted meteors let fly.

Some may know what they seek in school and church,
And why they seek it there; for what I search
I must go measuring stone walls, perch on perch;

Sure that though not a star of death and birth,
So not to be compared, perhaps, in worth
To such resorts of life as Mars and Earth —

Though not, I say, a star of death and sin,
It yet has poles, and only needs a spin
To show its worldly nature and begin

To chafe and shuffle in my calloused palm
And run off in strange tangents with my arm,
As fish do with the line in first alarm.

Such as it is, it promises the prize
Of the one world complete in any size
That I am like to compass, fool or wise.
1923 "New Hempshire"

Примечание.

***Lincoln MacVeagh** (1890-1872) - видный американский дипломат, бизнесмен, археолог. Учился в Гарварде и Сорбонне. Принял участие в Первой Мировой войне, воевал во Франции, дослужился до майора. Был американским послом в Греции, Исландии, Южной Африке, Португалии, Испании. Один из разработчиков "Доктрины Трумэна".
Стихотворение «A Star in Stoneboat» известно в переводе на русский язык, сделанном Л.Ситником.

Во время ливня

Лей, ливень! Поливай, как надо!
Хоть есть и вред от этой жижи,
когда смывает почву сада
со склона вниз да к морю ближе.

Буйна и своевольна влага,

верна лишь собственной манере:
сегодня от неё лишь благо,
а в близком будущем - потери.

Но, может быть, жалеть не стоит.
Ведь всё, что с пользой перегнило,
шальной поток в долину смоет
уже без плодородной силы.

Стихии, чувствуя свободу,
меняют лик планеты в споре:
то горы погружают в воду,
то осушают бездны моря.

Мне нужно просто по уклонцам
искать участки понадёжней
и без ошибки стать под солнцем
с моею пашнею и пожней.

Мне снова надобно умело
воткнуть мою соху в землицу.
В ней дерево закаменело,
но в борозде она сгодится.

Я не боюсь начать сначала.
Я не бегу от обязательств
Не злюсь, и сердце не устало
под гнётом скверных обстоятельств.

In Time of Cloudburst

Let the downpour roil and toil!
The worst it can do to me
Is carry some garden soil
A little nearer the sea.

'Tis the world old way of the rain
When it comes to a mountain farm
To exact for a present gain
A little of future harm.

And the harm is none too sure.
For when all that was rotted rich
Shall be in the end scoured poor,
When my garden has gone down ditch,

Some force has but to apply,
And summits shall be immersed,
The bottom of seas raised dry,
The slope of the earth reversed.

Then all I need do is run
To the other end of the slope
And on tracts laid new to the sun
Begin all over to hope.

Some worn old tool of my own
Will be turned up by the plow,
The wood of it changed to stone,
But as ready to wield as now.

May my application so close

To the endless repetition
Never make me tired and morose
And resentful of man’s condition.
1936 "A Further Range"

Примечание.

Стихотворение «In Time of Cloudburst» известно в блестящем переводе на русский язык Николая Михайловича Голя.

Не наступи !

Мотыга, выбрав грядку,
вздремнула сладко.
Тут я ей стал на пятку.
Та, вспрыгнув в знак протеста,
ударила меня прегадко -
нашла чувствительное место!
Я опрометчиво ступил,
но, рассердясь, её честил,
как будто пострадал
от злого, как кинжал,
задуманного жеста.
Мой крик был неумён,
но есть такой закон,
что всякий меч в орало
быть должен обращён,
а тут иначе стало:
оралу вздумалось прилечь -
как превратилось в меч.

The Objection To Being Stepped On

At the end of the row
I stepped on the toe
Of an unemployed hoe.
It rose in offense
And struck me a blow
In the seat of my sense.
It wasn't to blame
But I called it a name.
And I must say it dealt
Me a blow that I felt
Like a malice prepense.
You may call me a fool,
But was there a rule
The weapon should be
Turned into a tool?
And what do we see?
The first tool I step on
Turned into a weapon.
1962 "In The Clearing"

Учись всему...*

Штудии:

Учись всему, что нужно, час за часом,
и привыкай к моим досужим выкрутасам.

Мне удалось пройти немало школ,
где множество чудачеств приобрёл.

Ты должен выработать навык
не злить меня среди моих забавок.

Тебе не повредит искусство
терпеть мой гнев и безрассудство.

Пусть станет для тебя девизом -
не возражать моим капризам.

Учись в учебных учрежденьях,
как помогать мне в развлеченьях.

Блюди как воинский устав -
терпи и уважай мой нрав.

It takes all sorts...*

It takes all sorts of in- and outdoor schooling
To get adopted to my kind of fooling.
1962 "In the Clearing".

Примечание.

*Расшифровать две приведённые строчки сложно.
Приводятся разные разгадки - на выбор.

Мечи и орала - из железа*
Посвящено Ахмеду С.Бокхари**

Штудии:

Кругом различные когорты и мундиры,
чтоб их понять нужны ориентиры.

В реальности так много группировок -
и преизбыток пушек и винтовок.

Реальность до того разделена,
что не ясна любая сторона.

Объекты могут так сгруппироваться,
что в спешке в них не разобраться.

Намерения могут разделиться -
рецепт - в согласовании позиций.

Действительность склонна к дробленью,
и очень сложно принимать решенья.

From Iron Tools and Weapons*
To Ahmed S. Bokhari**

Nature within her inmost self divides
To trouble men with having to take sides.
1962 "In the Clearing"

Примечания.

*Авторитет и известность Роберта Фроста были настолько велики, что многие влиятельные лица стремились заручиться с ним дружбой и получить его моральную поддержку: и Джон Кеннеди, и Никита Хрущёв, и, в данном случае, пакистанский идеолог и дипломат. Р.Фрост умел сохранить независимую ни от кого принципиальную позицию. Встретившись в Сочи с Н.Хрущёвым он заявил ему, что считает Б.Пастернака одним из самых значительных русских поэтов. Н.Хрущёв смолчал и ушёл от этого разговора. А в беседе с пакистанцем сдержанность проявил сам Р.Фрост. Для дипломата был крайне важен сам факт состоявшегося знакомства.

****Ахмед С.Бокхари**, иначе Патрас - (1898-1958). Родился в Пешаваре, умер в Нью-Йорке. Филолог, философ, публицист, профессор, затем руководитель Лахорского Правительственного колледжа. С 1939 г. по 1947 г. руководил индийским радио в Дели. В 1951-1954 гг. - представитель Пакистана в ООН. В 1954-1958 гг. заместитель генерального секретаря ООН. Как литератор и учёный был последователем Алламы Икбала (1877-1938), поэта, философа, общественного деятеля, провозвестника независимости Пакистана.

В четыре комнатки весь дом...

В четыре комнатки весь дом,
зато с большущею антенной -
затем, чтоб принимались в нём
видения из всей Вселенной,
всё то, что позвучней и краше.
Что Вы купили - то и Ваше.
Надеюсь, результат отменный.
(Вы овладели Ипокреной).

Foor-Room Shack...

Four-room shack aspiring high
With an arm of scrawny mast
For the visions in the sky
That go blindly pouring past.
In the ear and in the eye
What you get is what to buy.
Hope you're satisfied to last.
1962 "In the Clearing"

Среди зимы...

Среди зимы, вооружён,
я в одиночку в лес сходил.
Облюбовал хороший клён
и сам его срубил.

В четыре опустил топор -
он даже не остыл.
Мой след выписывал узор
в снегу и без чернил.

Ущерб природе - небольшой:
один лишь ствол сгубил.
Иду с весёлою душой
и не растратив пыл.

In Winter in the Woods Alone

In winter in the woods alone
Against the trees I go.
I mark a maple for my own
And lay the maple low.

At four o'clock I shoulder axe
And in the afterglow
I link a line of shadowy tracks
Across the tinted snow.

I see for Nature no defeat
In one tree's overthrow
Or for myself in my retreat
For yet another blow.
1962 "In the Clearing".

Будучи избран поэтом Вермонта...

Вновь дышит бард, не бросивший отчизны,
когда его стихов не понимали.
А нынче - почесть, вместо укоризны
и в целом штате, и в своём квартале.

On Being Chosen Poet of Vermont

Breathes there a bard who isn’t moved
When he finds his verse is understood
And not entirely disapproved
By his country and his neighborhood?
1962 "In the Clearing".

Мы зря воюем...

Мы зря воюем с упованьем,
которым нужно дорожить,
при встрече с роковым страданьем
той вере и самой не жить.

We Vainly Wrestle...

We vainly wrestle with the blind belief
That aught we cherish
Can ever quite pass out of utter grief
And wholly perish.
1962 "In the Clearing".

В стакане сидра

Мне показалось, будто я жучок.
Меня процесс брожения завлёк.
Я ухватился за воздушный пузырёк.
Он вверх меня понёс, пока был цел.
Как лопнул - я на дно слетел.
Беды при том не претерпел.
Мог, подождав, вцепиться во второй.
При том во мне был радостный настрой.

In a Glass of Cider

It seemed I was a mite of sediment
That waited for the bottom to ferment
So I could catch a bubble in ascent.
I rode up on one till the bubble burst,
And when that left me to sink back reversed
I was no worse off than I was at first.
I'd catch another bubble if I waited.
The thing was to get now and then elated.
1962 "In the Clearing"

Рефлекс

Смешной контекст:
в одном из мест
воткнули шест -
то был научный тест.
Оттуда вдруг клешня.

Наука роет грунт -
оттуда бунт.
Хватают за прибор.
Кричат: "Qui vive?
Дошли до наших нор.
Реальность, а не миф!
Там жизнь, а не брехня".

A Reflex

Hear my rigmarole.
Science stuck a pole
Down a likely hole
And he got it bit.
Science gave a stab
And he got a grab
That was what he got.
“Ah,” he said, “Qui vive,
Who goes there, and what
ARE we to believe?
That there is an It?”
1962 "In the Clearing"

Недоразумение*

Я не грущу, не веселюсь,
но этим вовсе не горжусь.
Для разных чувств нужна причина:
и для веселья и кручины.
Контраст между добром и злом

мы все в сравненье познаём.
Чтоб не было недоуменья,
необходимо размышленье.
Нам нужно твёрже знать, как быть,
что ненавидеть, что любить:
вслед за оракулом Дельфийским
пылать душою чувством к близким,
равно - то искренне любя,
то ненавидя, как себя.
С тех пор, как Ева согрешила,
ничто мозгов не заменило!..
"А тимус?" - заявляешь ты.
Народ сидит, разинув рты.
Ты хочешь, чтобы я признался,
что совершенно помешался
и спутал тимус и мозги
под смех неумной мелюзги.
Хохочут повар и мясник
с горою кулинарных книг.
Так я ж на кухне сам, бывало,
слыл вроде интеллектуала!**

Quandary*

Never have I been glad or sad
That there was such a thing as bad.
There had to be, I understood,
For there to have been any good.
It was by having been contrasted
That good and bad so long had lasted.

That's why discrimination reigns.
That's why we need a lot of brains
If only to discriminate
'Twixt what to love and what to hate.
To quote the oracle at Delphi,
Love thy neighbor as thyself, aye,
And hate him as thyself thou hatest.
There quandary is at its greatest.
We learned from the forbidden fruit
For brains there is no substitute.
'Unless it's sweetbreads, ' you suggest
With innuendo I detest.
You drive me to confess in ink:
Once I was fool enough to think
That brains and sweetbreads were the same,
Till I was caught and put to shame,
First by a butcher, then a cook,
Then by a scientific book.
But ' twas by making sweetbreads do
I passed with such a high I.Q.**
1962 "In the Clearing"

Примечание.

*Стихотворение «Quandary» привлекло внимание нескольких переводчиков. В Интернете помещены переводы этого стихотворения на русский язык Вадима Белякова, Галины Девяткиной и Романа Дубровкина.

**Юмор этой шутки в стихах заключается в том, что некто превозносит мыслительные способности человеческого мозга, а повар и мясник и иже с ними хвалят и сравнивают гастрономическую ценность телячьих мозгов и телячьей поджелудочной железы (тимуса) - именуемых в поваренных книгах телячьими молоками и сладким мясом. (Впрочем, мозги и железы могут быть и ягнячьими и другими).

Немного научной фантастики

Уже никак не скрыть
что я утратил удалую прыть
и в скорости передвиженья
давно отстал от поколенья,

и многие решат
что я как ретроград
лишь только трачу порох
в досужих разговорах.

Всё чаще слышу только смех,
когда я в гонках сзади всех,
и упрекнёт иной забавник:
"Не староват ли ты, наставник?"

Теперь яви им всем подряд
изрядный ядерный заряд.
Все фанатично - книги в руки -
глядят в евангелья науки.

Мой бег на дальность и вокруг
намного медленней, чем звук,
а им подайте скорость света.
Не еретично ли всё это?

Вот-вот, как думается мне,
откроют лагерь на Луне,

потом сошлют без промедленья
меня туда для исправленья.

Спокойно выберут момент
и проведут эксперимент:
законсервируют мне воздух
и вышлют танцевать при звёздах.

Сперва отправят как шута
обжить проклятые места.
Посмотрят на мои мытарства
и оснуют там государство.

Послание Хайду* - жителю спасительного
Вороньего острова.

Шлю поздравленье к Рождеству
на остров твой за перешейком
и свежий опус к торжеству:
к речам, напиткам и индейкам.

Some Science Fiction

The chance is the remotest
Of its going much longer unnoticed
That I'm not keeping pace
With the headlong human race.

And some of them may mind
My staying back behind

To take life at a walk
In philosophic talk;

Though as yet they only smile
At how slow I do a mile,
With tolerant reproach
For me as an Old Slow Coach.

But I know them what they are:
As they get more nuclear
And more bigoted in reliance
On the gospel of mode science.

For them my loitering around
At less than the speed of sound
Or even the speed of light
Won't seem unheretical quite.

They may end by banishing me
To the penal colony
They are thinking of pretty soon
Establishing on the moon.

With a can of condensed air
I could go almost anywhere,
Or rather submit to be sent
As a noble experiment.

They should try one wastrel first
On a landscape so accursed
To see how long they should wait
Before they make it a state.

* * *

Envoi to Hyde* the castaway
of Crow Island

I made this you to beguile
With some optimism for Christmas
On your isle that would be an isle
But isn’t because of an isthmus.
1962 "In the Clearing".

Примечание.

*Стихотворение посвящено другу Роберта Фроста Эдуарду Хайду Коксу (Edward Hyde Cox), одному из его издателей. Хайд жил на Вороньем острове (Crow Island) - острове на реке Ассабет, расположенном в двух десятках миль к западу от Бостона. Фрост с юмором отмечает тот факт, что остров - не остров, так как связан с ближайшими дорогами широким перешейком.

Млечный Путь - коровья тропа

Нам не взлететь в азарте
без крыльев за спиной.
Взамен следим по карте
за трассой неземной.

В мечтах о дальних звёздах,
как дети, хоть сейчас,
мы б рады прянуть в воздух
со всем, что есть у нас.

Не просто ротозеи -
сквозь тучи, сквозь туман,
готовы мчаться, сея
там взрывчатый уран.

Потом, когда всё дрызнет,
придётся нам вздохнуть.
Каким примером жизни
служил нам Млечный Путь!

Супруга вставит слово,
когда прильнёт к окну,
мол, это след коровы,
что шла через Луну.

Парабола маршрута,
где той пришлось шагать,
сворачивает круто
и не приводит вспять.

Та нянька, что старалась
поить людей Земли,
навечно потерялась
в космической пыли.

Корова тащит ноги,
поход отнюдь не прост.
Теряет нить дороги
и кормится меж звёзд.

Там яркий луг отменный,
и травы там цветут,
но на краю Вселенной
их бритвою стригут.

Пойдёшь жевать в охотку -
в опасность попадёшь.
Вот-вот вопьётся в глотку
неумолимый нож.

Я был всегда при стаде
беспечен, как на зло.
При этаком догляде
скотине не везло.

The Milky Way Is a Cowpath

On wings too stiff to flap
We started to exult
In having left the map
On journey the penult.

But since we got nowhere,
Like small boys we got mad
And let go at the air
With everything we had.

Incorrigible Quidnuncs,
We would see what would come
Of pelting heaven with chunks
Of crude uranium.

At last in self collapse
We owned up to our wife
The Milky Way perhaps
Was woman's way of life.

Our un-outwitted spouse
Replied she had as soon
Believe it was the cow's
That overshot the moon.

The parabolic curve
Of her celestial track,
As any might observe,
Might never bring her back.

The famous foster nurse
Of man and womankind
Had for the universe
Left trivia behind.

And gone right on astray
Through let-down pasture bars
Along the Milky Way
A-foraging on stars.

Perennial as flowers,
To where some allege
This universe of ours
Has got a razor edge.

And if she don't take care
She'll get her gullet cut,
But that is no affair
Of anybody's but —

The author of these words
Whose lifelong unconcern
Has been with flocks and herds
For what they didn't earn.
1962 "In the Clearing".

Строки, написанные в унынии, накануне большого успеха

Моя корова вдруг взбрыкнула до небес.
Сказать, что до Луны, - так мало.
Заколобродила, как лунатичный бес.
Как будто клевера не стало.

Мы у Гусыни, крестной матери моей,
перепились и были нездоровы:
набрались всякой минералки до бровей
и не смогли догнать коровы.

Постскриптум.

А будь я трезв и так же сильно раздражён,
беглянку бы призвал к порядку,
бьюсь об заклад, она б сменила тон.
Скрутил бы хвост и сунул ногу в кадку.

Позорней этакой у нас обиды нет.
Раз, было, дояра корова доконала.
Батрак отбросил свой доильный табурет,
вскричал и выдал ей урок вокала.

В сердцах за вилы ухватиться он не мог.
Не помогла бы хворостина или розга.
Он быстро вспрыгнув ей на волосатый бок,
куснул зубами до спинного мозга.

Когда б у них тогда зашёл об этом торг,
корова предпочла бы вилы.
Ужасный вой услышал весь Нью-Йорк.
Об этом пресса громогласно возвестила.

Батрак спросил её: "Зачинщица не ты ли?
Чего ещё ждала ты от войны?"
Так вечно спрашивают те, что победили,
и кто бы ни смотрел со стороны.

Line Written in Dejection on the Eve of Great Success

I once had a cow that jumped over the moon,
Not onto the moon but over.
I don't know what made her so loonar a loon;
All she'd been having was clover.

That was back in the day of my godmother Goose.
But though we are goosier now,
And all tanked up with mineral juice
We haven't caught up with my cow.

Postscript.

But if over the moon I had wanted to go
And had caught my cow by the tail,
I'll bet she'd have a melodious low
and put her foot in the pail;

Than which there is no indignity worse,
A cow did that once to a fellow
Who rose from the milking stool with a curse
And cried, "I'll larn you to bellow".

He couldn't lay hands on a pitchfork to hit her
Or give her a stab of the tine,
So he leapt on her hairy back and bit her
Clear into her marrow spine.

No doubt she would have preferred the fork
She let out a howl of rage
That was heard as far away as New York
And made the papers' front page.

He answered her back, "Well, who begun it?"
That's what at the end of a war
We always say - not who won it,
Or what it was faughten for.
1962 "In the Clearing"

Гибель после расцвета

Скажи, Сивилла, дивная огресса,
какие мне пути прогресса
полезней выбрать для опоры,
ведя о том переговоры?
Та мне в ответ: "Вернись-ка в Рим.
Скажи напарникам своим,

что всё равно, какие мненья
берутся для распространенья -
нарядов, взглядов и интриг.
По смыслу всех волшебных книг
что либерал, что консерватор
глядят в один иллюминатор.
Как требует суровый рок,
цветам дарован краткий срок.
Одни до осени завянут,
другие в одночасье канут.

Our Doom to Bloom

Cumaean Sibyl, charming Ogress,
What are the simple facts of Progress
That I may trade on with reliance
In consultation with my clients?
The Sibyl said, “Go back to Rome
And tell your clientele at home
That if it’s not a mere illusion
All there is to it is diffusion —
Of coats, oats, votes, to all mankind.
In the Surviving Book we find
That liberal, or conservative,
The state’s one function is to give.
The bud must bloom till blowsy blown
Its petals loosen and are strown;
And that’s a fate it can’t evade
Unless ‘twould rather wilt than fade.”
1962 "In the Clearing".

Вопрошающие лица

Сова вдруг, на лету, свернула тяжело -
спаслась, чуть не разбив оконное стекло.
А крылья напряглись и стали розоваты:
окрасились в цвета предзимнего заката.
И пух и всё перо явила ребятне,
увидевшей, страшась, ту невидаль в окне.

Questioning Faces

The winter owl banked just in time to pass
And save herself from breaking window glass.
And her wings straining suddenly aspread
Caught color from the last of evening red
In a display of underdown and quill
To glassed-in children at the window sill.
1962 "In the Clearing".

Примечание.

Стихотворение «Questioning Faces» было неоднократно переведено на русский язык. В Интернете можно найти переводы Вадима Белякова, Романа Дубровкина, Максима Егорова-Советова (два варианта), Бориса Старосельского и др.

Опасная надежда

Взбодрит надежда,
да невпопад.
Всё смотрят вежды:
каков твой сад?

Весною праздник.
Там всё в цветах -
в сплошных да разных -
а в сердце страх.

Капризный климат
взыграть готов -
вдруг всё отнимет
в лихую ночь.

Peril of Hope

It is right in there
Betwixt and between
The orchard bare
And the orchard green,

When the boughs are right
In a flowery burst
Of pink and white,
That we fear the worst.

For there's not a clime
But at any cost
Will take that time
For a night of frost.
1962 "In the Clearing".

Тягловая лошадь

Мы в нашу хрупкую коляску
впрягли громадного коня
и вдоль бескрайней чащи тряско
катили ночью без огня.

Вдруг вышел из лесу детина,
схватил поводья, придержал
и так коня ударил в спину,
что тот сражён был наповал.

Как будто что-то в ней сломалось,
вся туша повалилась вмиг.
И ночь над сценой рисовалась
как дикий мрачный черновик.

Мы были парой бессловесной
и не способною к борьбе,
однако тот разбой бесчестный
не ставили в упрёк судьбе.

Должно быть, тот злодей с дороги
был подчинён кому-нибудь,
и тот хотел, чтоб мы в итоге
пешком закончили свой путь.

The Draft Horse

With a lantern that wouldn’t burn
In too frail a buggy we drove
Behind too heavy a horse
Through a pitch-dark limitless grove.

And a man came out of the trees
And took our horse by the head
And reaching back to his ribs
Deliberately stabbed him dead.

The ponderous beast went down
With a crack of a broken shaft.
And the night drew through the trees
In one long invidious draft.

The most unquestioning pair
That ever accepted fate
And the least disposed to ascribe
Any more than we had to to hate,

We assumed that the man himself
Or someone he had to obey
Wanted us to get down
And walk the rest of the way.
1962 "In the Clearing"

Примечание.

Пользуется широкой известностью перевод стихотворения «The Draft Horse», сделанный Романом Дубровкиным.

Финал

Громкие речи при ярких свечах.
Много различных бредней
в память о прежних, первых ночах.
Нынче дошло до последней.

Мало ли что говорил он всегда,
если в душе накипело,
лишь не о том, что не так молода
или уже надоела.

Многие, прочно забыв, смолчат
и о перчёном и кислом.
Кто-то заврётся во всём подряд.
Кто-нибудь скажет со смыслом.

Ends

Loud talk in the overlighted house
That made us stumble past.
Oh, there had once been night the first,
But this was night the last.

Of all the things he might have said,
Sincere or insincere,
He never said she wasn't young,
And hadn't been his dear.

Oh, some as soon would throw it all
As throw a part away.
And some will say all sorts of things
But some mean what they say.
1963 "In the Clearing"

Ауспик

Однажды в Калифорнии, в горах,
я атакован был огромной птицей,
но был мальцом невыгодных кондиций,
и взмыл орёл, нагнав лишь только страх.

Царь птиц плохой добычей пренебрёг.
Отец потом сказал мне за обедом,
что мне не суждено стать Ганимедом,
и от пустых надежд предостерёг.

Не ставши виночерпием богов,
с тех пор я постоянно негодую,
как только обо мне вдруг скажут всуе,
что где-то не гожусь и не казов.

Auspex

Once in a California Sierra
I was swooped down upon when I was small,
And measured, but not taken after all,
By a great eagle bird in all its terror.

Such auspices are very hard to read.
My parents when I ran to them averred
I was rejected by the royal bird
As one who would not make a Ganymede.

Not find a barkeep unto Jove in me?
I have remained resentful to this day
When any but myself presumed to say
That there was anything I couldn't be.
1962 "In the Clearing"

Примечание.
Стихотворение «Auspex» известно в переводе на русский язык, сделанном Романом Дубровкиным.

Прости, о Господи...
(Фантазии на тему фростовского афоризма)

Прости мне, Господи, невинные усмешки,
чтоб я забыл твои жестокие потешки.

Прости мне, Господи, ехидные стишки.
Невинные грешки, а кары так жутки!

Прости мне, Господи, весёлые забавки,
как я терплю твои калёные булавки.

Прости мне, Господи, фривольные уколы
среди жестокого и злого произвола.

Прости мне, Господи, трагичные улыбки,
когда меня терзают по ошибке.

Прости мне, Господи, мой горький смех,
при виде всех твоих космических потех.

Прости мне, Господи, невольные сарказмы,
когда кругом зловещие миазмы.

Robert Frost Forgive, O Lord...

Forgive, O Lord, my little jokes on Thee
And I'll forgive Thy great big one on me.
1962 "In the Clearing".

Примечания.

Афоризм Роберта Фроста "Forgive, O Lord..." перевели на русский язык многие поэты, в том числе Валерий Савин, Максим Егоров (Советов), Антон Ротов.

Афоризм Роберта Фроста перекликается с высказыванием Роберта Сервиса: «God's greatest joke is man» - и с другой лаконичной английской фразой: «Human being is just God's joke».

Концепция самозачатия

Нам всем внушают модные понятия
и даже детям их твердит учительство.
Толкуется процесс самозачатия,
хоть это старое и доброе язычество.

Вернулись к самой древней мифологии.
Мол, ни к чему ни споры, ни волнения.
Мол, будем славить Бога в апологии,
чтоб молодёжь не мучали сомнения.

A Concept Self-Conceved

The latest creed that has to be believed
And entered in our childish catechism
Is that the All's a concept self-conceived,
Which is no more than good old Pantheism.

Great is the reassurance of recall.
Why go on further with confusing voice
To say that God's either All or over all?
The rule is, never give a child a choice.
1962 "In the Clearing".

Проницательность

Сыскался лучник,
выдалась минута,
и выпустил он стрелы
в Новом Направленье.
Тогда он здорово смеялся.
Комедия была.
Стрелял нацелясь,

но мечтал о мираже
(таком же, как платоновский меон) -
о Фениксе,
но в возрасте цыплят.
И стрелы разлетелись
в напрасном кураже,
не натолкнувшись на заслон,
как разрывные пули,
как брызнувший томат.
Зато и мысли в голове блеснули.

Version

Once there was an Archer,
And there was a minute
When He shot a shaft
On a New Departure.
Then He must have laughed:
Comedy was in it.
For the game He hunted
Was the non-existence
Of the Phoenix pullet
(The Meon of Plato),
And the shaft got blunted
On her non-resistance,
Like a dum-dum bullet
Did in fact get splattered
Like a ripe tomato.
That's how matter mattered.
1962 "In the Clearing"

Примечание.

Роберт Фрост отталкивается в этом стихотворении от лонгфелловской строки "I shot an arrow in air". Послать стрелу в воздух наудачу - это риск. Неизвестно, каков будет результат. Комментаторы стихотворения Роберта Фроста "Version" считают, что это отзыв на эксперимент Резерфорда с бомбардировкой тонкой золотой фольги пучком направленных заряженных ядер. Проверялись две модели строения атома (the plum pudding model и планетарная модель). Большинство ядер в опыте Резерфорда проходили сквозь "тело" атома, не отклоняясь, как через пустоту, отдельные ядра отклонялись под резким углом, как бы наскакивая на твёрдое препятствие. Тем самым модель с плотной заполненностью атома отклонялась, подтверждалась планетарная модель и вместе с тем новое направление (New Departure) в физике.

Однако смысл стихотворения настолько завуалирован и непрозрачен, что о содержании высказываются и другие мнения. В стрелке узнают то Аполлона, то кентавра Хирона. Содержание стихотворения связывают со взглядами Платона на строение материи.

Песня о том, что извечно не нуль

Где мысль и чувство,
там не пусто.

И тишь, и тьму взмутив,
раздался взрыв
с огнём да громом
в весьма весомом
заряженном ядре,
вдруг лопнувшем в игре.
Среди эфира
возникла вещность мира.

Означился расклад -
где столкновения, где лад.

Начало мирозданья
тянулось в ожиданье:
смирился водород -
размножился народ,
и дерево возникло,
связавшее все циклы.
В нём корень, сучья и листва
модель и образ естества,
блестящая структура -
не глянешь без прищура,
чтоб не слепила глаз,
вводя людей в экстаз.

Была космическая пыль,
а вырос Иггдрасиль.

В себе Идею затая,
мир вышел из небытия.

Пусть где-то внешне пусто,
но в зеркале искусства
мы видим мысль и чувство.

A Never Naught Song

There was never naught,
There was always thought.
But when noticed first
It was fairly burst

Into having weight.
It was in a state
Of atomic One.
Matter was begun—
And in fact complete,
One and yet discreet
To conflict and pair.
Everything was there,
Every single thing
Waiting was to bring,
Clear from hydrogen
All the way to men.
It is all the tree
It will ever be,
Bole and Branch and root
Cunningly minute.
And this gist of all
Is so infra-small
As to blind our eyes
To its every guise
And so render nil
The whole Yggdrasill.
Out of coming-in
Into having been!
So the picture's caught
Almost next to naught
But the force of thought.
1962 "In the Clearing"

Примечание.

В стихотворении «A Never Naught Song» Роберт Фрост связывает научные гипотезы о большом космическом взрыве в начале возникновения Вселенной с древним скандинавским мифом, где

рассказывается об исполинском мировом дереве (ясене или тисе) Иггдрасиле. Это дерево, согласно старинным сагам, представляет собой фантастический образ всей необъятной Вселенной.

Вечный искатель

Он - вовсе не беглец, боящийся погони,
кто, спотыкаясь, в страхе смотрит вспять.
Весь страх его не позади, а рядом,
по обе стороны, и направляет бег,
не важно, будет курс кривым, не то прямым.
Он смотрит лишь вперёд, и сам искатель -
преследует того, кто гонится за ним.
Но тот, другой, пока потерян вдалеке.
Такие бегуны - в погоне друг за другом.
У них вся жизнь - извечная погоня,
и только в будущем им видится презент
за непрерывной цепью гонок и тоски.

Escapist - Never

He is no fugitive -- escaped, escaping,
No one has seen him stumble looking back,
His fear is not behind him but beside him
On either hand to make his course perhaps
A crooked straightness yet no less a straightness.
He runs face forward. He is a pursuer,

He seeks a seeker who in his turn seeks
Another still, lost far into the distance.
Any who seek him seek in him the seeker.
His life is a pursuit of a pursuit forever.
It is the future that creates his present.
He is an interminable chain of longing.
1962 "In the Clearing".

Скверный остров Пасхи

(Может быть, он так назван потому, что однажды может возродиться)

Кем сделана, бог весть,
дизайн настолько плох,
как будто рублена в азарте,
по голове легко прочесть
о горестях былых эпох,
как по больничной карте.
Лик был изображён
с усмешкой на губах,
подстать царям,
а камень привезён
на кораблях
по нескольким морям.

Материал был раскроён,
его рубили и таскали,
использовали тали.
Придали идолу оскал

под принятый шаблон,
и возвели на пьедестал -
на скальный трон.
А что ж оскал тот означал?
Презренье.
Уж не себя ли презирал
весь здешний люд уже с рожденья?
Народ тех пакостных времён
умаслен был и укрощён,
а здравый разум был утрачен.
Пока его увеселяли,
он стал циничною толпой,
освобождённой от морали.
Вожди твердили о свободе
и даровали нечто вроде,
но рад был разве что слепой.
Так жили, численно росли
под властью, что несла им вздор,
мошенничала и давила,
но лишь до некоторых пор,
покуда не изнемогли
и не потратили все силы,
все нервы, все свои леса,
ресурсы всех полей и гор.
В какой-то год
решили сделать смету,
что есть, чего не достаёт.
за оглушительный отчёт
призвали счётчиков к ответу.
Звучали голоса,
а где ж исход.
Верховный круг был сам не рад -
пошла дурная полоса.

Чуть-чуть поправили законы.
Произвели немало звона,
но не добрели небеса.
Ища целебную микстуру,
официальную культуру
выстраивали на парад.
Альтрурия* вмешалась сдуру,
но не свершились чудеса:
не прожила и года даже.
Чего-то ждали. Уж не чуда ль?
Со всех амвонов и эстрад
поддерживали дело веры -
и множили свои аферы.
Цинично продолжали кражи,
в чём демонстрировали удаль.

The Bad Island—Easter
(Perhaps so called because it may have risen once)

That primitive head
So ambitiously vast
Yet so rude to its art,
Is as easily read
For the woes of the past
As a clinical chart.
For one thing alone,
The success of the lip
So scornfully curled,
Has that tonnage of stone
Been brought in a ship
Halfway round the world.

They were days on that stone.
They gave it the wedge
Till it flaked from the ledge.
Then they gave it a face.
Then with tackle unknown
They stood it in place
On a cliff for a throne.
They gave it a face
Of what was it? Scorn
Of themselves as a race
For having been born?
And then having first
Been cajoled and coerced
Into being beruled?
By what stratagem
Was their cynical throng
So cozened and fooled
And jollied along?
Were they told they were free
And persuaded to see
Something in it for them?
Well they flourished and waxed
By executive guile,
By fraud and by force,
Or so for a while;
Until overtaxed
In nerve and resource
They started to wane.
They emptied the aisle
Except for a few
That can but be described
As a vile residue,
And a garrulous too.

They were punished and bribed.
All was in vain,
Nothing would do
Some mistake had been made
No book can explain,
Some change in the law
That nobody saw
Except as a gain.
But one thing is sure,
Whatever kultur
They were made to parade,
What heights of altrur -
ian thought to attain,
Not a trace of it's left
But the gospel of sharing.
And that has decayed
Into a belief
In being a thief
And persisting in theft
With cynical daring.
1962 "In the Clearing"

Примечание.

*Альтрурия - коммуна христианско-социалистического типа, организованная в Калифорнии в 1894 г. и вскоре распавшаяся, не выдержав экономической конкуренции и другим причинам, - одна из нескольких подобных.

По-видимому, Роберт Фрост описал в этой сатире не только и не столько остров Пасхи, а имел в виду всё современное ему буржуазное (и не только буржуазное) общество - с расхищением природных ресурсов, деспотией, коррупцией, лицемерием, с порабощением, ограблением и моральным развращением народных масс.

Краткий визит

Отвёл свой взгляд от книг, пошёл к дверям,
чтоб посмотреть, кто бродит по ночам,
и убедиться в сумрачном пейзаже
что, как всегда, там Сириус на страже
нацелил глаз вверху над головой
в точь так, как зоркий пёс сторожевой.

Но только стал у двери на пороге,
как тотчас мне метнулся там под ноги
но не мифический небесный пёс,
а наш земной измученный барбос.
Он был, должно быть, ездовой породы,
но явно потерявший резвость хода.
Понадобились пища и приют,
и он ко мне направил свой маршрут.

Он только выл да взвизгивал от злости.
Как в кожаном мешке, болтались кости.
В клубок свернулся, голова к хвосту,
и клял весь свет и всю его тщету.

Я дал ему воды, принёс и корма.
Он стал спокойней, возвращаясь в норму.
Хоть, думаю, приличия он знал,
но всё же даже морды не поднял.

Он лишь хвостом стучал в изнеможенье,
как бы прося: "Не требуй объясненья.

Не торопи. Хотя бы погоди".
Должно быть ждал несчастий впереди.
И я тогда, назвав его Трезором,
пообещал не мучать разговором
и, вообще, не заниматься вздором.
Мол, не пристану, душу теребя,
и ты, дружок, не удручай себя.
Послушайся хорошего совета:
не лучше ль подождать рассвета?
Ты у меня нисколько не в долгу.
Я требовать признаний не могу.

Я говорил. Пёс слушал, не мудруя.
Беседа шла, наверное, впустую,
и непонятно, с кем был разговор.
Он был лишь только для меня Трезор -
Далматский пёс, Трезор, Дружище.
Я собирался дать ему жилище,
планировал избавить от невзгод
и брать его с собой в любой поход.

Но утром пёс томился у дверей
и рвался вон из дома поскорей,
как будто заявляя: "Мы в расчёте.
Хоть я сейчас не рад твоей заботе,
могу вернуться волею небес".
Я дверь открыл, и мой Трезор исчез.
Тут я чуть-чуть расстроился сердечно,
что дружба с псом была недолговечна.
Я с разными поверьями знаком.
Пёс мог бы быть и призраком, и сном,
но стук хвоста была сама реальность
и отвергал безумную ментальность.

Случившимся я был весьма смущён.
Я мог бы даже молвить без препон,
что Сириус слетел ко мне с дозором.
Я ж, Боже Мой! - назвал его Трезором!
Не чудо ль, величайшая звезда,
преобразившись, ринулась сюда,
как некое живое воплощенье,
затем, чтоб упрекнуть без возмущенья,
что милостью её я жив и цел,
а гимна в честь и славу не пропел.

То было символическим сигналом,
намёком, излученьем небывалым.
Мне нужно было вникнуть и понять,
а, зная суть, я б мог и промолчать.

One More Brevity

(never published but privately printed in 1953 and included on the 1957 Caedmon recording of Mr. Frost reading his poetry)

I opened the door so my last look
Should be taken outside a house and book.
Before I gave up seeing and slept,
I said I would see how Sirius kept
His watchdog eye on what remained
To be gone into, if not explained.

But scarcely was my door ajar,
When, past the leg I thrust for bar,
Slipped in to be my problem guest,
Not a heavenly dog made manifest,

But an earthly dog of the carriage breed,
Who, having failed of the modern speed,
Now asked asylum, and I was stirred
To be the one so dog-preferred.

He dumped himself like a bag of bones.
He sighed himself a couple of groans,
And, head to tail, then firmly curled,
Like swearing off on the traffic world.

I set him water. I set him food.
He rolled an eye with gratitude,
Or merely manners, it may have been,
But never so much as lifted chin.
His hard tail loudly smacked the floor,
As if beseeching me, "Please, no more;
I can't explain, tonight at least."
His brow was perceptibly trouble-creased.

So I spoke in terms of adoption, thus:
"Gusty, old boy, Dalmatian Gus,
You're right, there's nothing to discuss.
Don't try to tell me what's on your mind,
The sorrow of having been left behind
Or the sorrow of having run away.
All that can wait for the light of day.
Meanwhile feel obligation-free;
Nobody has to confide in me."

'Twas too one-sided a dialogue,
And I wasn't sure I was talking Dog.
I broke off, baffled, but all the same,
In fancy, I ratified his name;
Gusty, Dalmatian Gus, that is,

And started shaping my life to his,
Finding him in his right supplies
And sharing his miles of exercise.

Next morning the minute I was about,
He was at the door to be let out.
As much as to say, “I have paid my call.
You mustn’t feel hurt if now I’m all
For getting back somewhere, or further on.”
I opened the door, and he was gone.
I was to taste in little the grief
That comes of dogs’ lives being so brief.
Only fraction of ours, at most,
He might have been the dream of a ghost,
In spite of the way his tail had smacked
My floor, so hard and matter-of-fact.

And things have been going so strangely since,
I wouldn’t be too hard to convince,
I might even claim he was Sirius.
Think of presuming to call him Gus!
The star itself, heaven’s greatest star,
Not a meteorite but an avatar,
Who had made this overnight descent
To show by deeds he didn’t resent
My having depended on him so long,
And yet done nothing about it in song.

A symbol was all he could hope to convey,
An intimation, a shot of ray,
A meaning I was supposed to seek,
And finding, not necessary speak.
(1953) 1962 "In the Clearing".

Замкнутый ради добра

За всё, чем я владею,
я должен многим старшим,
за чувства, за идеи,
за лирику и марши.
Мои года летят,
а долг растёт стократ.

Те, старшие, с упрёком
не мчат на колесницах,
хоть мне с их славным скоком
пожалуй, не сравниться.
Мне нужно на другом плацу
показывать рысцу.

Придя на их кочевья,
я странствую без шума,
и слышат лишь деревья
мои мечты и думы...
"Твой след заметен лишь едва.
На нём ковром лежит листва.

Без солнца может скрыться
в снегу дорога эта.
Пусть ляжет половицей
насыщенного света.
Дождись, чтоб зимняя метла
дорогу замела"...

В походах против прозы
я сам свой шаг умерю,
когда придут морозы.
Пусть маленькие звери -
лисички и хорьки -
кладут на снег стежки.

Я помню, кто оставил
мне поприще и лиру,
кто в почести и в славе
достойно явлен миру.
За всё, что смог пропеть,
я должен им и впредь.

Closed For Good

Much as I own I owe
The passers of the past
Because their to and fro
Has cut this road to last,
I owe them more today
Because they've gone away

And not come back with steed
And chariot to chide
My slowness with their speed
And scare me to one side.
They have found other scenes
For haste and other means.

They leave the road to me
To walk in saying naught

Perhaps but to a tree
Inaudibly in thought,
"From you the road receives
 A priming coat of leaves.

"And soon for lack of sun
The prospects are in white
It will be further done,
But with a coat so light
The shape of leaves will show
Beneath the brush of snow."

And so on into winter
Till even I have ceased
To come as a foot printer,
And only some slight beast
So mousy or so foxy
Shall print there as my proxy.

How often is the case
I thus pay men a debt
For having left a place
And still do not forget
To pay them some sweet share
For having once been there.
(1948) 1962 "In the Clearing".

Примечание.

В стихотворении «Closed for Good» Роберт Фрост пытается разъяснить своим читателям некоторые особенности своего творчества. Стихотворение на протяжении многих лет неоднократно переделывалось, удлинялось и сокращалось. Предложенный русский текст - не перевод, а одна из возможных интерпретаций.

Доброе пожелание*

Поэт**, велевший жить в любви,
сказал: "Незлобивым слыви,
к тому ж ещё имей в придачу
и то, дающее удачу,
чего - увы! - на свете нет.
О! Как тогда мне б мил стал свет!"
Цитирую всё слово в слово.
Хоть жизнь была к нему сурова,
но я б хотел не забывать,
всё то, что мог он преподать.
Он научил меня такому,
что мне, плохому астроному,
дотоле было не знакомо.
Хоть не глубок мой интерес,
но мне мила краса небес.

Я - обожатель жарких плясок
фосфоресцирующих красок.
Мне б лун побольше для игры -
как в цирке, где, надув шары,
фурора ждут в воскресной прессе.
Но речь о большем интересе
притом доступном без затрат.
Я помню, как был в детстве рад,
когда планеты по четыре
парадом строились в эфире.
Вид многих лун подъемлет дух,

а мне хватило бы и двух.
Я б мог сказать, повелевая:
"Хочу - могу; могу - желаю.
Да явится Луна вторая!"
Душа тоскует и болит,
но где ж взять новый сателлит?
Когда иной разумник спросит,
откуда аист мне приносит
стихи, мне это не восторг.
В сердцах киваю на Нью-Йорк
и говорю, что аист вроде
берёт их в старом дымоходе.
Хоть верь аркадцам, хоть не верь,
всё это было не теперь.
Когда, от боли сатанея,
страдала в первых родах Гея
(Как Китс - быть может Мильтон? - пел.),
отец, огромный Каф***, узрел
раздел Земли на половины:
слились в один поток пучины,
где плещет Тихий океан, -
весь воздух ринулся в проран.

Хоть верь, не то не верь аркадцам,
им всем тогда пришлось спасаться,
вцепившись в прочный сильфион****,
что крепко был укоренён.
Он был утыкан, как флажками,
застрявшими везде телами,
там вроде крыльев и хвостов
торчали ноги из кустов.
Хоть перечень погибших скромен,
но был разительный феномен:

иной, легко разжав кулак,
ветвей не мог порвать никак.
Те, что не справились с силками,
навек остались костяками.
Учёные изумлены,
как были те оплетены.
В Антиохии есть музеи,
где в ужас входят ротозеи.
У океанов свой статут.
Их норов виден там и тут.
У Тихого он зол и лют,
и у Атлантики он крут.
В большом и в малом океане
бурление не как в стакане.
Где б ни был человечий род,
везде угроза предстаёт.
Создатель, нас трепля по холке,
готовит чистки и прополки.
Как часто нас пугает смерть,
колебля под ногами твердь!
Но я воскликну с убежденьем,
что зря грозят нам истребленьем.
В нас есть надежда и азарт
и воля выйти вновь на старт!
Как много тысяч лет назад,
мы вновь найдём свой Арарат,
и, чем бы ни был век чреват,
за сыном сын, за братом брат
построят новый вертоград.

A-Wishing Well

A poet would a-wishing go
And he wished love were thus and so.
"But if it were," he said, said he,
"And one thing more that may not be,
This world were good enough for me."
I quote him respect verbatim.
Some quaint dissatisfaction ate him.
I would give anything to learn
The one thing more of his concern.
But listen to me register
The one thing more I wish there were.
As a confirmed astronomer
I'm always for a better sky.
(I don't care how the world gets by.)
I'm tempted to let go restraint,
Like splashing phosphorescent paint,
And fill the sky as full of moons
As circus day of toy balloons.
That ought to make the Sunday Press.
But that's not like me. On much less
And much, much easier to get,
From childhood has my heart been set.
Some planets, the unblinking four,
Are seen to juggle moons galore.
A lot would be a lot of fun.
But all I ask's an extra one.
Let's get my incantation right:
"I wish I may, I wish I might"
Give earth another satellite.
Where would we get another? Come,
Don't you know where new moons are from?

When clever people ask me where
I get a poem, I despair.
I'm apt to tell them in New York
I think I get it via stork
From some extinct old chimney pot.
Believe the Arcadians or not,
They claim they recollect the morn
When unto Earth her first was born.
It cost the Earth as fierce a pang
As Keats (or was it Milton?) sang
It cost her for Enormous Caf.
It came near splitting her in half.
'Twas torn form her Pacific side.
All the sea water in one tide
And all the air rushed to the spot.
Believe the Arcadians or not,
They saved themselves by hanging on
To a plant called the silphion,
Which has for its great attribute
It can't be pulled up by the root.
Men's legs and bodies in the gale
Streamed out like pennants swallow-tail.
Most of them let go and were gone.
But there was this phenomenon:
Some of them gave way at the wrist
Before they gave way at the fist.
In branches of the siliphon
Is sometimes found a skeleton
Of desperately clutching hand
Science has failed to understand.
One has been lately all the talk
In the museum of Antioch.
That's how it was from the Pacific.

It needn’t be quite so terrific
To get another from the Atlantic.
It needn’t be quite so gigantic
As coming from a lesser ocean.
Good liberals will object my notion
Is too hard on the human race.
There’s something I’m prepared to face.
It merely would entail the purge
That the just-pausing Demiurge
Asks of himself once in so often
So the firm firmament won’t soften.
I am assured at any rate
Man’s practically inexterminate.
Someday I must go into that.
There’s always been an Ararat
Where someone someone else begat
To start the world all over at.
(1959) 1962 "In the Clearing".

Примечания.

*Стихотворение «A-Wishing Well» было написано к Рождеству. В нём Роберт Фрост говорит о своём праздничном пожелании, но здесь оно не банально, а довольно экстравагантно и расцвечено фантастикой.

**Комментаторы указывают, что Р.Фрост, ссылаясь на другого поэта, имел в виду Эдуарда Роулэнда Силла (Edward Rowland Sill, 1841-1887), американского поэта и прозаика, профессора-филолога и журналиста, чьими стихами зачитывался в детстве. Этот поэт рано умер и оставил небольшое литературное наследство, но стихи его отличались высоким совершенством. Самые известные его стихи "Opportunity", "The Venus of Milo", "The Fool's Prayer". Последнее неоднократно переведено на русский язык.

***Огромный Каф** - вымышленный персонаж, придуманный Джоном Китсом и названный отцом Азии в незаконченной поэме Китса "Гиперион". (Есть русский перевод этой поэмы, сделанный Сергеем

Александровским). Кроме Роберта Фроста, имя этого Кафа упоминали многие авторы: Герман Мелвилл, Эдвин Арнольд, Редьярд Киплинг, Назым Хикмет и другие.

****Сильфион (сильфий, лазер) - исчезшее ещё в античные времена из-за хищнического потребления дикорастущее зонтичное растение (родственное укропу), основной экспортный товар Кирены. Сильфион использовался как пряность, лекарственное средство, контрацептив. Ценился на вес серебра. Роберт Фрост использует дошедшие сведения об этом растении по-своему, в фантастическом преломлении.

Чуткому читателю

Вблизи Скалистых гор я знаю графство,
где местной школой не могу налюбоваться.
Мне очень нравится её расположенье.
До большей высоты могло б добраться
лишь редкостное учрежденье:
не менее двух тысяч футов выше моря!
Два входа, смешанное обученье,
но за дверьми там тщательный надзор
и наблюдается всё остекленье,
чтоб дьявол не проник туда на горе
и не обрёк ту школу на позор,
и лишь благочестивый путник мог
присесть вблизи у милосердных ног
и тихо погрузиться в размышленье.

To the Right Person

In the one state of ours that is a shire,
There is a District Schoolhouse I admire
As much as anything for situation.
There are few institutions standing higher
This side the Rockies in my estimation—
Two thousand feet above the ocean level.
It has two entries for coeducation.
But there's a tight-shut look to either door
And to the windows of its fenestration,
As if to say mere learning was the devil
And this school wasn't keeping anymore,
Unless for penitents who took their seat
Upon its doorsteps as at mercy's feet
To make up for a lack of meditation.
1947 "Steeple Bush"

Примечание.

Со стихотворением «To the Right Person» русские читатели могут познакомиться также по переводу Александра Кушнера.

Америку постичь не просто

Колумб задумал ловкий финт,
ища короткий путь на Инд.
Представил Землю в форме шара,
обосновал свой тезис яро
и смог, войдя в ажиотаж
добиться денег на вояж.

При неудаче королева
была бы вне себя от гнева.
Он вздумал ехать на закат
и, не свернув, прибыть назад.
Прошло ли дело без конфуза?
Он так и не сыскал Ормуза,

и, где б ни вёл он корабли,
был странен вид любой земли.
Все рты кривились от зевоты -
не те широты и долготы.
Он курс прокладывал, а зря:
не те края, не те моря.

И тем грустней казалась драма,
когда другой моряк да Гама,
свершив на Индию наезд,
вернулся из заветных мест
с добычей, не тая от мира,
что он сумел достичь Офира.

Притом Колумб осознавал,
что сам изрядно блефовал,
а золото да Гамы - звонкий
призыв к ожесточённой гонке,
что несомненно завлечёт
включиться не один народ.

Юнцом я сам, влюбившись в румбы,
пел славу подвигам Колумба.
Он свёл с ума Вальядолид.
Он был велик и знаменит.
Я посчитал его затею
важней Исхода Моисея.

Но он на самом деле смог
поняв, чем угрожает рок,
расширить узкие пределы,
где человечество терпело
трагическую тесноту,
разброд, вражду и нищету.

Он славен важными делами,
но познакомился с цепями.
Сыскали, что вменить в вину.
Лишь после город и страну
да праздник в честь его назвали,
а умирал почти в опале.

Твердят про призрак корабля,
который, до сих пор руля,
ведёт Колумб с заходом в устья
и тычется о скалы с грустью
вдоль атлантических широт,
но где б ни бился - не пройдёт.

Надежда связана с Панамой.
Пусть призрачный корабль упрямый
там по каналу проведёт
наш доблестный военный флот.
Пусть смотрят, выходя на шканцы,
на что годны американцы!

Америка ясна не всем:
и что к чему, и что зачем.
Со стороны не много видно,
а промолчать всегда обидно.
Читаю книжицы, кляня:
там часто только болтовня.

Колумб не вникнет, без сомненья,
в новейшие изобретенья.
Не пресс заметит, не мотор,
а тот же прежний - свой - задор;
увидит всплески экстремизма
и внутренние катаклизмы.

Преследуя большую цель,
колосс не тянет канитель.
Стремясь добраться до Катая,
он ломит, всё с пути сметая,
и всем, не надобным ему,
покажет гордую корму.

Наметив в Азии державу,
он тут же обоснует право
войти с грабительской войной,
круша там и закон, и строй.
Но азиаты в нашем веке
дерутся крепче, чем ацтеки.

America is Hard to See

Columbus may have worked the wind
A new and better way to Ind
And also proved the world a ball,
But how about the wherewithall?
Not just for scientific news
Had the Queen backed him to a cruise.

Remember he had made the test
Finding the East by sailing West.
But had he found it? Here he was
Without one trinket from Ormuz
To save the Queen from family censure
For her investment in his venture.

There had been something strangely wrong
With every coast he tried along.
He could imagine nothing barrener.
The trouble was with him the mariner.
He wasn't off a mere degree;
His reckoning was off a sea.

And to intensify the drama
Another mariner Da Gama,
Came just then sailing into port
From the same general resort,
And with the gold in hand to show for
His claim it was another Ophir.

Had but Columbus known enough
He might have boldly made the bluff
That better than Da Gama's gold
He had been given to behold
The race's future trial place,
A fresh start for the human race.

He might have fooled Valladolid.
I was deceived by what he did.
If I had had my chance when young
I should have had Columbus sung
As a god who had given us
A more than Moses' exodus.

But all he did was spread the room
Of our enacting out the doom
Of being in each other's way,
And so put off the weary day
When we would have to put our mind
On how to crowd and still be kind.

For these none-too-apparent gains
He got no more than dungeon chains
And such posthumous renown
(A country named for him, a town,
A holiday) as, where he is,
He may not recognize for his.

They say his flagship's unlaid ghost
Still probes and dents our rocky coast
With animus approaching hate,
And for not turning out a strait,
He has cursed every river mouth
From fifty North to fifty South.

Someday our navy, I predict,
Will take in tow this derelict
And lock him through Culebra Cut,
His eyes as good (or bad) as shut
To all the modern works of man
And all we call American.

America is hard to see.
Less partial witnesses than he
In book on book have testified
They could not see it from outside —

Or inside either for that matter.
We know the literary chatter.
Columbus, as I say, will miss
All he owes to the artifice
Of tractor-plow and motor-drill.
To naught but his own force of will,
Or at most some Andean quake,
Will he ascribe this lucky break.

High purpose makes the hero rude;
He will not stop for gratitude.
But let him show his haughty stern
To what was never his concern
Except as it denied him way
To fortune hunting in Cathay.

He will be starting pretty late.
He'll find that Asiatic state
Is about tired of being looted
While having its beliefs disputed.
His can be no such easy raid
As Cortez on the Aztecs made.
(1951) 1962 "In the Clearing"

Примечание.

Год написания стихотворения "America is Hard to See" (1951-й) не случаен, это время корейской войны и открытого противостояния США с Китаем, время обострения отношений с советским блоком.

Случайно, но к цели

Вселенная для всех, кто б ни смотрел, -
коловращение округлых тел.
На небесах, что вроде транспарантов,
и карликов - без счёта, и гигантов.

Твердят, что всё идёт само собой -
случайны и прогресс, и каждый сбой.
Ещё никто не разрешил вопроса,
с чего пошли макаки-альбиносы.

В природе, говорят, все поезда
идут без цели и неведомо куда,
но Дарвин загорелся интересом
к иным - целенаправленным процессам.

Хороший слесарь ход своих работ
к достойной кульминации ведёт.
Не верьте россказням, что изначала
природа нам упадок назначала.

Пусть скептики заводят канитель
и отвергают всяческую цель.
По мне путь эволюции - не тайна:
он образец небесного дизайна.

Нам в жизни помогает голова,
но и у случая - свои права.
И вся судьба, и счастье сплошь да рядом
определяются случайным взглядом.

Accidentally on Purpose

The Universe is but the Thing of things,
The things but balls all going round in rings.
Some mighty huge, some mighty tiny,
All of them radiant and mighty shiny.

They mean to tell us all was rolling blind
Till accidentally it hit on mind
In an albino monkey in the jungle,
And even then it had to grope and bungle,

Till Darwin came to earth upon a year
To show the evolution how to steer.
They mean to tell us, though, the Omnibus
Had no real purpose until it got to us.

Never believe it. At the very worst
It must have had the purpose from the first
To produce purpose as the fitter bred:
We were just purpose coming to a head.

Whose purpose was it, His or Hers or Its?
Let's leave that to the scientific wits.
Grant me intention, purpose and design -
That's near enough for me to the devine.

And yet with all this help of head and brain,
How happily instinctive we remain.
Our best guide upward farther to the light:
Passionate preference such as love at sight.
(1960) 1962 "In the Clearing"

Примечание.

В стихотворении "Accidentally on Purpose" Роберт Фрост откликается на дискуссии современных ему пост-дарвинистов по поводу случайны ли

или целенаправлены процессы биологической эволюции, включая эволюцию приматов и человека.

Выбрав для себя звезду...

О благородный огонёк!
Хотим, чтоб ты нас ввысь увлёк,
рассеяв облачные орды.
Не ночь виним, не ей упрёк,
что ты закрыт и одинок,
держась таинственно и гордо.
Ты молчалив, а я смотрю,
пытаясь вникнуть в подоплёку.
Скажи хоть что-то, говорю.
Мы ждём полезного урока.
Мы ждём! Ты молвишь: "Я горю!" -
В таком ответе мало прока.
Ответь, каков в тебе накал
по точным градусам и баллам,
и по каким измерен шкалам,
и что за топливо ты взял,
чтоб мог гореть с твоим накалом.
Ты твёрд ли, как отшельник Китса*,
горя и освещая тьму?
Он просит верящих ему
не изменять своих позиций.
Пока толпа галдит вся разом,
за кем пойти на поводу,
мы, выбрав для себя звезду,
спокойно сберегаем разум.

Choose Something Like a Star

O Star (the fairest one in sight),
We grant your loftiness the right
To some obscurity of cloud—
It will not do to say of night,
Since dark is what brings out your light.
Some mystery becomes the proud.
But to be wholly taciturn
In your reserve is not allowed.
Say something to us we can learn
By heart and when alone repeat.
Say something! And it says, 'I burn.'
But say with what degree of heat.
Talk Fahrenheit, talk Centigrade.
Use language we can comprehend.
Tell us what elements you blend.
It gives us strangely little aid,
But does tell something in the end.
And steadfast as Keats' Eremite*,
Not even stooping from its sphere,
It asks a little of us here.
It asks of us a certain height,
So when at times the mob is swayed
To carry praise or blame too far,
We may choose something like a star
To stay our minds on and be staid.
(1943) 1949"Complete Poems"

Примечание.

*Отшельник Китса. В своё время Джон Китс совершил пешее путешествие по Шотландии и написал сонет "To Aisla Rock" (1816), в котором упомянул скалу Эйлса, маленький островок в заливе Ферт-оф-Клайд.

В середине XIX-го века на нем жил всего лишь один человек, которого так и называли - Отшельник с Эйлсы. Его однажды спросили, одиноко ли ему на острове. "Нет, - сказал он. - Мне одиноко только когда перестают тикать часы".

Прочь!

И вот я в дороге.
Бреду по пустыне,
и обувь мне ноги
не мучит отныне.

Друзья остаются
в унынье от тягот.
Пусть сладко напьются
и мирно прилягут.

Не в темень по ямам,
не так я шагаю,
как Ева с Адамом
когда-то из Рая.

Прочь сказки пустые.
Забудьте о вздоре.
За мной и другие
отправятся вскоре.

Хоть бейся, хоть тресни,
но даже и святцы
толкуют, как в песне:
"Пора убираться!"

Но если там худо,
темно и отвратно,
я скоро прибуду
оттуда обратно.

Away!

Now I out walking
The world desert,
And my shoe and my stocking
Do me no hurt.

I leave behind
Good friends in town.
Let them get well-wined
And go lie down.

Don't think I leave
For the outer dark
Like Adam and Eve
Put out of the Park

Forget the myth
There is no one I
Am put out with
Or put out by.

Unless I'm wrong
I but obey
The urge of a song:
“I'm-bound-away!"

And I may return
If dissatisfied
With what I learn
From having died.
(1958) 1962 "In the Clearing".

Примечание.
Стихотворение "Away!" можно найти в Интернете в переводах на русский язык Вадима Белякова и Марата Джумагазиева.

Неотъемлемый дар

Страна принадлежала нам сто лет,
хотя мы там считались чужаками,
пришельцами. Но вот возникли
Вирджиния и Массачусеттс.
Мы жили здесь как колонисты,
владея тем, что предстояло нам освоить
под властью, ставшей нам совсем чужой.
Нас ослабляли тяжкие поборы,
покуда мы себя не осознали
народом обретённой здесь земли
и, ей отдавшись, не нашли спасенье.
Теперь навек принадлежим лишь ей.
(Мы отстояли эту сделку в войнах).

Стране открылся дальний путь на Запад,
бесхитростный, прямой и небывалый,
достойный путь - подстать самой стране.

The Gift Outright

The land was ours before we were the land's.
She was our land more than a hundred years
Before we were her people. She was ours
In Massachusetts, in Virginia,
But we were England's, still colonials,
Possessing what we still were unpossessed by,
Possessed by what we now no more possessed.
Something we were withholding made us weak
Until we found out that it was ourselves
We were withholding from our land of living,
And forthwith found salvation in surrender.
Such as we were we gave ourselves outright
(The deed of gift was many deeds of war)
To the land vaguely realizing westward,
But still unstoried, artless, unenhanced,
Such as she was, such as she would become.
(1936-1941) 1943 "A Witness Tree"

Примечание.

Стихотворение "The Gift Outright" известно в русских переводах М.Зенкевича и Алекса Грибанова. 20 января 1961 г. Роберт Фрост прочёл это стихотворение по памяти на торжественной инаугурации американского президента Джона Кеннеди, так как слепящее солнце помешало 87-летнему поэту прочесть по бумаге текст стихотворения, специально написанного к этому случаю. По отношению к коренному населению Америки это стихотворение считается некорректным.

К инаугурации Джона Ф.Кеннеди

Художники лишь праздновать должны,
когда в торжественные дни страны
бывают и они приглашены.
Сегодня лучший день для поздравленья
с зачиткой моего стихотворенья
на старый лад; где можно развернуть
весь пройденный предшествующий путь
со всею пестротою направлений,
вобравший жизни многих поколений.
История пестрит от важных дат.
Сперва был век воинственных армад.
Колонии делились нарасхват.
Державы разъярились в жарком споре,
кто крепче духом на земле и в море.
Британией в борьбе за Новый Свет
одержано всех более побед.
С почтением следила вся планета,
как всех превозмогла Елизавета.
С тех самых пор, трубя во все концы,
что поддержали наши мудрецы,
начался "Novus ordo seculorum"
и прогремел на целый свет с фурором.
Ту громкую латынь легко прочесть. -
Залезь в кошель, когда там доллар есть.
А мудрецы тогда глядели зорко.
Вожди-герои, это Вашингтон,
Джон Адамс, Джефферсон и Мэдисон. -

Наукой просвещённые провидцы
постигли то, что впредь должно случиться,
что рухнут деспотии и темницы,
что кончится правление вельмож,
и вон их выставят, везде и сплошь,
что прозвучат немало деклараций
о пробуждении всё новых наций.
Теперь они, в теченье сотен лет
отстаивают суверенитет,
ведут себя по нашему примеру,
перенимают принципы и веру,
крепят демократическую сферу.
Но там и тут всё смуты и разлад.
Где ж "Новый вековой уклад"?
Пора понять, что это лишь начало.
Лишь нужно, чтобы храбрости хватало.
Кому по нраву будет генерал,
что, видя в войске всяческий развал,
своих служак к порядку не призвал?
Все знают двух творцов аэропланов,
что смело умудрились, в небо прянув,
лететь среди штормов и ураганов.
Нам скажут, будто слава не нужна, -
такая мысль безумна и вредна.
Свершённым в революции по праву
гордится наша мощная держава,
и всё растёт заслуженная слава.
Та слава совершает чудеса,
слив в унисон людские голоса
во время сложных выборных волнений
и после самых острых столкновений.
Она внушает бодрость и задор,
сметая все сомнения и вздор.

Есть притчи, где немало поучений,
как избегать неправедных решений,
как не сбиваться с правильной тропы
и не поддаться прихотям толпы.
Демократизм - не ложь и не уловка.
В нём наша цель и Божья установка.
В нём есть призыв, чтоб жили поскромней, -
для всех трудяг и всех, кто победней.
Пусть не бранятся, если жизнь ни к чёрту,
пусть щедро уделяют время спорту.
И пусть мечтает каждый человек,
что вновь нагрянет к нам блаженный век,
цветущий в славной гордости и силе;
где б люди все способности развили,
живя на прочной почве без тревог;
где б каждый демонстрировал, что мог;
и где б поэзия дружила с властью,
как нынче утром, как сейчас, - на счастье.

For John F. Kennedy's Inauguration

Gift outright of "The Gift Outright"
(With some preliminary history in rhyme)

Summoning artists to participate
In the august occasions of the state
Seems something artists ought to celebrate.
Today is for my cause a day of days.
And his be poetry's old-fashioned praise
Who was the first to think of such a thing.

This verse that in acknowledgment I bring
Goes back to the beginning of the end
Of what had been for centuries the trend;
A turning point in modern history.
Colonial had been the thing to be
As long as the great issue was to see
What country'd be the one to dominate
By character, by tongue, by native trait,
The new world Christopher Columbus found.
The French, the Spanish, and the Dutch were downed
And counted out. Heroic deeds were done.
Elizabeth the First and England won.
Now came on a new order of the ages
That in the Latin of our founding sages
(Is it not written on the dollar bill
We carry in our purse and pocket still?)
God nodded His approval of as good.
So much those heroes knew and understood -
I mean the great four, Washington,
John Adams, Jefferson, and Madison -
So much they knew as consecrated seers
They must have seen ahead what now appears
They would bring empires down about our ears
And by the example of our Declaration
Make everybody want to be a nation.
And this is no aristocratic joke
At the expense of negligible folk.
We see how seriously the races swarm
In their attempts at sovereignty and form.
They are our wards we think to some extent
For the time being and with their consent,
To teach them how Democracy is meant.
"New order of the ages" did we say?

If it looks none too orderly today,
'Tis a confusion it was ours to start
So in it have to take courageous part.
No one of honest feeling would approve
A ruler who pretended not to love
A turbulence he had the better of.
Everyone knows the glory of the twain
Who gave America the aeroplane
To ride the whirlwind and the hurricane.
Some poor fool has been saying in his heart
Glory is out of date in life and art.
Our venture in revolution and outlawry
Has justified itself in freedom's story
Right down to now in glory upon glory.
Come fresh from an election like the last,
The greatest vote a people ever cast,
So close yet sure to be abided by,
It is no miracle our mood is high.
Courage is in the air in bracing whiffs
Better than all the stalemate an's and ifs.
There was the book of profile tales declaring
For the emboldened politicians daring
To break with followers when in the wrong,
A healthy independence of the throng,
A democratic form of right divine
To rule first answerable to high design.
There is a call to life a little sterner,
And braver for the earner, learner, yearner.
Less criticism of the field and court
And more preoccupation with the sport.
It makes the prophet in us all presage
The glory of a next Augustan age
Of a power leading from its strength and pride,

Of young ambition eager to be tried,
Firm in our free beliefs without dismay,
In any game the nations want to play.
A golden age of poetry and power
Of which this noonday's the beginning hour.
1962 "In the Clearing"

Примечание.

Это пространное ура-патриотическое стихотворение Роберта Фроста было специально им написано для торжественной зачитки на инаугурации нового президента 20 января 1961 г. Но день был солнечный, свет слепил глаза, текст был неразборчиво напечатан на пишущей машинке, и престарелому Р.Фросту пришлось чётко по памяти зачитать другое, намного более короткое стихотворение "The Gift Outright".

Хижина на вырубке

Туман.
Не верится, что кто-то спит здесь в доме.
Так где ж они?

Дым.
Они здесь были долго.
Бродили по лесу, что сзади дома и вокруг,
потом назад вернулись по тропе.

Туман.
Я сомневаюсь, знают ли они, куда попали.
Теперь боюсь, что не узнают никогда.

Сперва они искали путь, что поудобней,
и с равным изумленьем узнали,
что здесь, вблизи, ещё мрачней, чем дальше.

Дым.
Я - дух, хранитель звёздного дымка,
что в стороны течёт у них из дымохода.
Мне б не хотелось их обескуражить.

Туман.
Никто не хочет, чтоб они страдали
из-за того, что заблудились.
Я - вроде вьюшки, я - заслонка от паров,
которые в саду идут ночами из земли,
но поднимаются не выше сада.
В пейзаже я как вата.
Я чуток к их судьбе не менее, чем ты.

Дым.
Они уже, должно быть, изучили язык аборигенов.
Так почему б им не спросить у краснокожих, куда
попали.

Туман.
Они не раз спросили - никто не знал.
А также и философов спросили -
из тех, что приходили взглянуть на них с амвона,
и будут спрашивать любого, кого сумеют.
В основе веры концентрируются факты.
В них кроется огонь и освещает мир.
В вероученье входит как составная часть учёность.

Дым.
Возможно, будет день, когда они поймут,
откуда вышли, и лучше осознают, куда попали.

Но кто они такие, в немалой мере, придётся брать на веру -
не им самим, так наблюдающему миру.
Особенно когда прозреют слишком быстро.

Туман.
Послушай, что они там шепчут в темноте,
за целый день не исчерпав всей темы.
Хоть лампу потушили, а мысли не угасли.
Давай повиснем на карнизе, как капельки росы.
Давай подслушаем, о чём их беспокойство.
Подслушивая, вникнем в их волненье.
Попробуем, как сможем разобрать сопрано с басом.

Туману с дымом не задача постиженье
родного им душевного смятенья.

A Cabin in the Clearing*

For Alfred Edwards**

MIST.
I don’t believe the sleepers in this house
Know where they are.

SMOKE.
They’ve been here long enough
To push the woods back from around the house
And part them in the middle with a path.

MIST.
And I still doubt if they know where they are.

And I begin to fear they never will.
All they maintain the path for is the comfort
Of visiting with the equally bewildered.
Nearer in plight their neighbors are than distance.

SMOKE.
I am the guardian wraith of starlit smoke
That leans out this and that way from their chimney.
I will not have their happiness despaired of.

MIST.
No one – not I – would give them up for lost
Simply because they don't know where they are.
I am the damper counterpart of smoke,
That gives off from a garden ground at night
But lifts no higher than a garden grows.
I cotton to their landscape. That's who I am.
I am no further from their fate than you are.

SMOKE.
They must by now have learned the native tongue.
Why don't they ask the Red Man where they are?

MIST.
They often do, and none the wiser for it.
So do they also ask philosophers
Who come to look in on them from the pulpit.
They will ask anyone there is to ask –
In the fond faith accumulated fact
Will of itself take fire and light the world up.
Learning has been a part of their religion.

SMOKE.
If the day ever comes when they know who
They are, they may know better where they are.
But who they are is too much to believe –
Either for them or the onlooking world.
They are too sudden to be credible.

MIST.
Listen, they murmur talking in the dark
On what should be their daylong theme continued.
Putting the lamp out has not put their thought out.
Let us pretend the dewdrops from the eaves
Are you and I eavesdropping on their unrest –
A mist and smoke eavesdropping on a haze –
And see if we can tell the bass from the soprano.

Than smoke and mist who better could appraise
The kindred spirit of an inner haze?
(1951) 1962 "In The Clearing"

Примечания.

*Название стихотворения "A Cabin in the Clearing" перекликается с названием сборника, в который оно включено ("In the Clearing"). В этом стихотворении Роберт Фрост продолжает развивать тему ранее написанного им стихотворения "Neither Out Far in Deep" из сборника "A Further Range". В новом рождественском стихотворении печной дым и садовый туман беседуют друг с другом о временных заблудившихся жильцах лесной хижины, размышляющих о том, кто они, откуда - и пытающихся прояснить для себя, куда они попали.

**Стихотворение посвящено другу и издателю Р.Фроста Альфреду Эдвардсу.

Прерванная засуха

Пророк несчастья прикусил язык:
вещал о засухе - вдруг стало сыро.
Капель звала сменить ориентиры.
Конфликт науки с практикой возник.

Внезапно дождь и сушь столкнулись встык.
Зааплодировали дебоширы.
Оратор тут же сплюнул - по Шекспиру,
как должен был, зайдя в речах в тупик.

Он оставался в твёрдом убежденье,
что мелкий дождь в пустыне - не спасенье,
и в скорости земля была должна,
иссохнув, стать бесплодной, как Луна.
Он думал, зорко вгдядываясь в лица,
кто ж всех зазвал на горе здесь селиться?

The Broken Drought*

The prophet of disaster ceased to shout
Something was going right outside the hall.
A rain, though stingy, had begun to fall
That rather hurt his theory of the drought
And all the great convention was about.
A cheer went up that shook the mottoed wall.
He did as Shakespeare says**, you may recall,
Good orators will do when they are out.
Yet in his heart he was unshaken sure

The drought was one no spit of rain could cure.
It was the drought of deserts. Earth would soon
Be uninhabitable as the moon.
What for that matter had it ever been?
Who advised man to come and live therein?
1947 "Steeple Bush".

Примечания.

*В Интернете стихотворение "The Broken Drought" можно найти в переводах на русский язык Вячеслава Толстова и raf sh.

**Ссылка на Шекспира относится к словам Розалинды из комедии "As You Like It", акт IV, сцена первая: "Very good orators, when they are out, they will spit; and for lovers lacking - God warn us! - matter, the cleaniest shift is yo kiss".

Провозглашённая необходимость

Они принципиально и упрямо
на вечном камне высекли программу -
как будто лоб, нахмурившись, смекал:
"ПРОДАЙ КОНЯ, ПОКА ЕЩЁ НЕ ПАЛ".
"СМЕТЛИВЫЕ НЕ ВЕДАЮТ УРОНА" -
считали заправилы Ктесифона,
хитро сбывая горы барахла;
за всё про всё, - воюя и торгуя,
выгадывая цену дорогую.
Но жадность до добра не довела.
Понятная плутам необходимость
наткнулась на чужую нетерпимость...

В разбитом зале мозаичный пол,
и ветер в дверь песка туда намёл.
На нём змея с удобством и в прохладе
лежит, покоясь и в раздумье глядя
на всё вокруг в застывшей тишине,
а сзади - изреченье на стене.

The Ingenuities of Debt

These I assume were words so deeply meant
They cut themselves in stone for permanent
Like trouble in the brow above the eyes:
TAKE CARE TO SELL YOUR HORSE BEFORE HE DIES
THE ART OF LIFE IS PASSING LOSSES ON.
The city saying it was Cteisiphon,
Which may a little while by war and trade
Have kept from being caught with the decayed,
Infirm, worn-out, and broken on its hands;
But judging by what little of it stands,
Not even the ingenuities of debt
Could save it from its losses being met.
Sand has been thrusting in the square of door
Across the tessellation of the floor,
And only rests, a serpent on its chin,
Content with contemplating, taking in,
Till it can muster breath inside a hall
To rear against the inscription on the wall.
1947 "Steeple Bush".

Примечание.

Стихотворение "The Ingenuities of Debt" можно найти в Интернете в переводах на русский язык Алекаандра Кушнера и Аллы Шараповой.

Баста! - по-американски

Внедрили новый метод Всесожженья,
метнули атомные бомбы в города.
Вопят, скрестивши пальцы в подтвержденье.
Клянутся: "Баста! Больше - никогда!"

U.S.1946 King's X

Having invented a new Holocaust,
And been the first with it to win a war,
How they make haste to cry with fingers crossed,
King's X - no fairs to use it any more!
1947 "Steeple Bush"

Примечание.

В декабре 1946 года американский физик, президент Массачусеттского Технологического Института (MIT) Карл Т.Комптон выступил в журнале "Atlantic Monthly" с полемической статьёй "Если бы атомная бомба не была применена?" Роберт Фрост откликнулся на проблему применения ядерного оружия в нескольких стихотворениях. "U.S. 1946 King's" - одно из них. Роберт Фрост - зачинатель нуклеарной темы в американской поэзии.

Святые войны не про них

Не все из стран великие державы.
Быть может, трём подходит тот статут,
и лишь они вполне достойны славы.
Другие страны попросту живут,
но могут стать доверенным соседом,
вступить в союз с великою страной
и приобщиться к мировым победам,
платя за то посильною ценой.
Но знаешь, Боже, мелкие эсминцы
не обеспечат на море покой,
и не суметь швейцарцу и кубинцу
исполнить с честью мировую роль.
Раздор меж малых стран бывает лих.
Святые войны - явно не про них.

No Holy Wars for Them

States strong enough to do good are but few,
Their number would seem limited to three,
Good is a thing that they, the great, can do,
But puny little states can only be.
And being good for these means standing by
To watch a war in nominal alliance,
And when it's over watch the worlds supply
Get parceled out among the winning giants.

God, have You taken cognizance of this?
And what on this is Your divine position?
That nations like the Cuban and the Swiss
Can never hope to wage a Global Mission.
No Holy Wars for them. The most the small
Can ever give us is a nuisance brawl.
1947 "Steeple Bush"

Аннотация.

Судя по содержанию стихотворения "No Holy Wars for Them" роль США в качестве мирового жандарма в 1947 году Роберту Фросту не претила. Это были настроения, вызванные итогами Второй Мировой войны и начинавшейся Холодной войной.

Гильдия социальных планировщиков

Когда бы эти взрывы прекратились,
так поняли б и те, что не родились,
какого счастия лишились.
Включите ядерный феномен,
и норов плебса будет скромен -
сгорит, как кокс в утробе домен.
Немногие из выживших людей
предъявят иск со строгостью судей:
кто разработчики убийственных идей?
Наверное, уже не тайна,
над чем прилежны чрезвычайно
творцы новейшего дизайна.
Их цель - историю Земли подсократить.
Пора бы им умерить эту прыть.

The Planners

If anything should put an end to This,
I'm thinking the unborn would never miss
What they had never had of vital bliss.
No burst of nuclear phenomenon
That put an end to what was going on
Could make much difference to the dead and gone.
Only a few of those even in whose day
It happened would have very much to say.
And anyone might ask them who were they.
Who would they be? The guild of social planners
With the intention blazoned on their banners
Of getting one more chance to change our manners?
These anyway might think it was important
That human history should not be shortened.
1947 "Steeple Bush"

Аннотация.

Стихотворение "The Planners" впервые было напечатано в журнале "Atlantic Monthly" в ходе дискуссии по ядерной проблеме. Фрост изложил свои соображения в нескольких стихотворениях. Адекватно перевести содержание стихотворения по техническим причинам не удалось. Публикуется вольный пересказ.

Дама-импортёр

Некая миссис, пленённая Азией,
дивный товар привезла к нам с оказией:
лаки, петарды, нефриты и трости;
много вещиц из слоновой кости;

способ заварки восточного чая;
нудный обычай бубнить, причитая;
страсть к всевозможным вазам
к разным увёртливым фразам;
плюс надоевшие возражения
против чужого вторжения
ради внедрения
массового производства
как знаменателя уродства,
вроде гигантских зданий
и телефонных компаний,
лезвий "Жиллет" и воскресных газет.
Попросту дикий надуманный бред,
будто мы что-то должны азиатам!
Дама ведёт нас к своим экспонатам.
Вот, позабавится каждый эстет:
родина умной вертушки Тибет,
ставится в резвом ручье для вращения.
Крутится вечно и просит прощения,
без перерыва: "Пардон!" да "Пардон!"
Плещет вода и бренчит перезвон.
Как не дивиться другим чудесам -
древним весам и садовым часам.
Действуют вечно с большим превосходством
в соревнованье с любым производством.
Нужен ли наш образец для китайца?
Выучи кур, как высиживать яйца!
(Вариант:
Выучи бабку высасывать яйца!).

An Importer

Mrs. Someone's been to Asia,
What she brought back would amaze ye.
Bamboos, ivories, jades, and lacquers,
Devil-scaring firecrackers,
Recipes for tea with butter,
Sacred rigmaroles to mutter,
Subterfuge for saving faces,
A developed taste in vases,
Arguments too stale to mention
'Gainst American intervention;
Most of all the mass production
Destined to prove our destruction.
What are telephones, skyscrapers,
Safety razors, Sunday papers,
But the silliest evasion
Of the truths we owe an Asian?
But the best of her exhibit
Was a prayer machine from Tibet
That by brook power in the garden
Kept repeating Pardon, pardon;
And as picturesque machinery
Beat a sundial in the scenery –
The most primitive of engines
Mass producing with a vengeance.
Teach those Asians mass production?
Teach your grandmother egg suction.
1947 "Steeple Bush"

Аннотация.

Как подсказывают некоторые американские комментаторы в стихотворении "An Importer" Роберт Фрост сатирически изображает

туповатого ретрограда - американца, скептически отзывающегося об азиатских странах и восточной культуре в полной уверенности в превосходстве всего европейского и американского. Возможно, однако, что смысл этого грубовато написанного и не вполне политкорректного стихотворения гораздо сложнее и умнее, чем кажется на первый взгляд.

Нам по сердцу любая геометрия

Гипотезы ценнее, если дельно
дают понять фактический расклад.
Пример: забавясь на посту, солдат
вытягивает руки параллельно,
как два луча, свободно и прицельно.
Но дальше - космос. Сам тому не рад.
Там мрак и холод - настоящий ад,
особенно рукам, пока раздельны.
Будь эта даль хоть чуть искривлена,
так руки - вместе - грелись бы, как братья.
Упрямая теория вредна
и не велит схватить себя в объятья.
Он тронул грудь. Проверил, всё ли цело,
и крепче обнял собственное тело.

Any Size We Please

No one was looking at his lonely case,
So, like a half-made outpost sentinel,
Indulging in an absurd dramatic spell,
Albeit not without some shame of face,
He stretched his arms out to the dark of space

And held them absolutely parallel
In infinite appeal. Then saying “Hell”,
He drew them in for warmth of self-embrace
He thought if he could have his space all curved,
Wrapped in around itself and self-befriended,
His science needn’t get him so unnerved.
He had been too all out, too much extended.
He slapped his breast to verify his purse
And hugged himself for all his universe.
1947 "Steeple Bush".

Аннотация.

Стихотворение "Any Size We Please" посвящено проблемам научной революции середины XIX-го - начала XX-го века, когда возникла не-Эвклидова геометрия и на смену небесной механике Ньютона пришла теория относительности Эйнштейна.

Роберт Фрост освещает эти сложные философские проблемы в своей остроумной шутливой трактовке.

Чего ждать от науки

Наука саркастично узнаёт
в своём спокойном штабе устрашенья,
когда мы, под угрозой истребленья,
которое она уже ведёт,
решимся на сознательный исход.
Укажет ли она нам направленье
и даст ли нам ракет для достиженья
такой звезды, чтоб долететь за год?
За световой? При полном охлажденье?

Но ждать ли от науки одолженья?
Как прибыли неведомым путём,
невесть когда, вот так же и уйдём.
Быть может, кто-то помнит до сих пор.
Я знаю как, но способ тот хитёр.

Why Wait for Science

Sarcastic Science, she would like to know,
In her complacent ministry of fear,
How we propose to get away from here
When she has made things so we have to go
Or be wiped out. Will she be asked to show
Us how by rocket we may hope to steer
To some star off there, say, a half light-year
Through temperature of absolute zero?
Why wait for Science to supply the how
When any amateur can tell it now?
The way to go away should be the same
As fifty million years ago we came —
If anyone remembers how that was
I have a theory, but it hardly does.
(1946) 1947 "Steeple Bush".

Аннотация.

Сонет "Why Wait for Science" - едкая сатира. Объект сатиры - современная наука, создавшая гибельное ядерное оружие. Первоначальное название этого сонета "Our Getaway" - "Наш исход".

Слияние с эфиром

Теория, затравка всех дерзаний,
становится основой нашей веры.
Ум станет жить без плотских одеяний,
свободным свыше всякой здравой меры.
Лишь мозг возляжет посреди пленера,
уже без всяких ног и дланей,
на пляже меж морских произрастаний,
где волны будут наседать на шхеры.
Для предков не чужда была манера
плескаться наподобие медуз.
В итоге эволюции - конфуз:
пахнёт душок давно минувшей эры...
Прилив бежит ко мне и лижет мхи,
спешит обрызнуть скучные стихи.

Etherealizing

A theory if you hold it hard enough
And long enough gets rated as a creed:
Such as that flesh is something we can slough
So that the mind can be entirely freed.
Then when the arms and legs have atrophied,
And brain is all that's left of mortal stuff,
We can lie on the beach with the seaweed
And take our daily tide baths smooth and rough.

There once we lay as blobs of jellyfish
At evolution's opposite extreme.
But now as blobs of brain we'll lie and dream,
With only one vestigial creature wish:
Oh, may the tide be soon enough at high
To keep our abstract verse from being dry.
1947 "Steeple bush".

Аннотация.

Сонет Роберта Фроста "Etherealizing" - юмористический отклик поэта на то, как некоторые фантасты представляют себе перспективы человеческой эволюции: освобождение интеллекта от телесной оболочки.

Haec Fabula Docet

Похожий на героев Лафонтена,
слепец с клюкою шёл степенно -
топ-топ - шагая улицей села.
Его самонадеянность вела.
Но прямо перед ним была траншея
и трубы в ней лежали будто змеи.
Слепец и сам бы их нащупать мог,
но кто-то стал заслоном поперёк
и руку вытянул довольно властно,
крича слепцу, что тут ступать опасно.
Но тот, не разобравшись, был взбешён
и вздумал нанести заступнику урон.
Хотел его ударить палкой в шею,
но сам вниз головой слетел в траншею.

И смех, и горе - разобраться не могли.
Рабочие слепца на месте погребли.

Мораль.

Мораль: кто слишком горд и одинок,
кому сочувствие других невпрок,
кто вспыльчив из-за всякой ерунды, -
в конце концов не избежит беды.

Haec Fabula Docet

A Blindman by the name of La Fontaine,
Relying on himself and his cane,
Came tap-tap=tapping down the village street,
The apogee of human blind conceit.
Now just ahead of him was seen to yawn
A trench where water pipes were laying on.
The Blindman might have found it with his ferule,
But someone overanxious at his peril
Not only warned him with a loud command
But ran against him with a staying hand.
Enraged at what he could but think officious,
The Blindman missed him with a blow so vicious
He gave his own poor iliac a wrench
And plunged himself head foremost in the trench:
Where with a glee no less for being grim
The workmen all turned too and buried him

Moral

The moral is, it hardly need be shown,
All those who try to go it sole alone,

Too proud to be beholden for relief,
Are absolutely sure to come to grief.
(1946) 1947 "Steeple Bush".

Аннотация.

Стихотворение "Haec Fabula Docet" ("This Story teaches" - "Эта басня нас учит") является шутливой пародией басенного стиля. Здесь Роберт Фрост следует за Эзопом, Федром и Лафонтеном.

Известен перевод этой басни, сделанный Александром Кушнером.

Мнение Джефферсона

Я знаю, Харрисон и вправду патриот,
но дай ему - он всё перекуёт.
Он - ночью - венец и фрейдист,
а днём он - московит-марксист,
хотя и не еврей и не из тех широт,
а янки, не забывший свой приход.
Он по субботам ест свинину и бобы,
но ум и знания его слабы,
(У этаких людей тупые лбы),
и чувства к родине его грубы,
ему б дорваться только до пальбы,
(да развалить бы все опоры и столбы,
да довести хозяйство до трубы).
Он всё сломает и по-новому собьёт.

A Case for Jefferson

Harrison loves my country too,
But wants it all made over new.
He's Freudian Viennese by night.
By day he's Marxian Muscovite.
It isn't because he's Russian Jew.
He's Puritan Yankee through and through.
He dotes on Saturday pork and beans.
But his mind is hardly out of his teens:
With him the love of country means
Blowing it all to smithereens
And having it all made over new.
1947 "Steeple Bush"

Аннотация.

В стихотворении "A Case for Jefferson" Роберт Фрост неодобрительно высказался в адрес фрейдизма и "московского" марксизма. Имеется свидетельство, что уже через год, в одном из публичных выступлений поэт сожалел, что позволил себе сочинить это неудачное (bad) стихотворение. К реальным лицам (Джефферсону и Харрисону) стихотворение никакого прямого отношения не имеет.

Лукреций против озёрных поэтов

"Ценил искусство, обожал природу..." У.С.Лэндор

Декан! Для взрослых обучаться не умно.
Ну, что ж! А я учился всё равно,
за что благодарить вас не премину,
и постигал из ваших лекций и брошюр,

что, как Лукреций, так и Эпикур,
в природе видели чертовскую махину.
Не вы ль твердили много раз подряд,
что может быть один лишь верный взгляд
и Лэндоров катрен дал лучшую картину,
где меж природой и искусством нет контраста.
Спасибо вам за то, что так глазасты!
Благослови вас Бог за мудрую доктрину!

Lucretius Versus the Lake Poets

"Nature, I loved; and next to Nature, Art."*

Dean, adult education may seem silly.
What of it, though? I got some willy-nilly
The other evening at your college deanery.
And grateful for it (let's not be facetious!)
For I thought Epicurus and Lucretius
By Nature meant the Whole Goddam Machinery.
But you say that in college nomenclature
The only meaning possible for Nature
In Landor's quatrain would be Pretty Scenery.
Which makes opposing it to Art absurd
I grant you — if you're sure about the word.
God bless the Dean and make his deanship plenary.
1947 "Steeple Bush"

Примечания.

В подзаголовке эпиграммы "Lucretius Versus Lake Poets" Роберт Фрост использовал строчку из катрена Лэндора:

Уолтер Сэвидж Лэндор Исповедь старого философа.

Я не сражался - не было достойных.
Ценил искусство, обожал природу.
Согретый жизнью, не грустил о войнах.
Очаг потух! И я готов к уходу.

Walter Savage Landor "I Strove with None..."

I strove with none, for none was worth my strife.
Nature I loved and, next to Nature, Art:
I warm'd both hands before the fire of life;
It sinks, and I am ready to depart.
1853

Роберт Фрост подчёркивает в эпиграмме, что взгляды на природу у эпикурейцев и, в частности у Лукреция, не совпадают с взглядами английских поэтов "озёрной школы" - Вордсворта и Лэндора. Роберт Фрост вступает здесь в спор с американским учёным филологом (Howard Mumford Jones), помимо того, по вопросам организации университетского образования.

Роберт Фрост Сикомор*

В Закхее был задор.
Он влез на сикомор,
чтоб увидать в упор
Господень взор,
и, выслушав укор,
он смыл с себя позор.

Robert Frost Sycamore*

Zaccheus he
did climb the tree
our Lord to see.
1942 "A Witness Tree"

Примечание.
Роберт Фрост включил эти три строки в свой сборник стихотворений "A Witness Tree". Но комментатор Джеффри Крамер (Jeffrey Cramer) указал на то, что это не стихи самого Фроста, а цитата из рифмованной азбуки, впервые изданной в Новой Англии для детей в 1690 году ("New England Primer"). Рассказ о Закхее содержится в Евангелии от Луки.

Среди слов

Сосульки возле водостока
похожи на военный арсенал.
А вы, а вы... трещите, как сорока.
Ну, погодите! - Будет шквал.

Beyond Words

That row of icicles along the gutter
Feels like my armory of hate;
And you, you... you, you utter...
You wait!
1947 "Steeple Bush"

Вполне достойная игра

Спектакль длинён, в нём сцен и актов много.
Не слишком важные актёрские сраженья.
И лишь о солнце главная тревога.
Всё сладится - не подвело бы освещенье.

It Bids Pretty Fair

The play seems out for an almost infinite run.
Don't mind a little thing like the actors fighting.
The only I worry about is the sun.
We'll be all right if nothing goes wrong with the lighting.
1947 "Steeple Bush".

Аннотация.

На первом плане в этом стихотворении всё предельно ясно: театр, пьеса, артисты, сценическое освещение. Но не так всё просто. За первым планом скрывается второй. После предварительного прочтения возникают соображения, что за фигурами актёров скрывается всё человечество, а в образе солнца представляется могучая контролирующая не постигаемая разумом сила, от которой - в основном - всё зависит в окончательном итоге. Высказываются также мнения, что в этом стихотворении Р.Фрост отразил свои послевоенные раздумья.

Свергнутый кумир

Меня волна куда-то тащит хватко,
травой успела ноги обернуть,
в лицо бросает всяческую муть,
опору роет, и держусь я шатко.
Пора переступить, чтоб не упал,
как больше неугодный идеал.

On Being Idolized

The wave sucks back and with the last of water
It wraps a wisp of seaweed round my legs,
And with the swift rush of its sandy dregs
So undermines my barefoot stand I totter,
And did I not take steps would be tipped over
Like the ideal of some mistaken lover.
1947 "Steeple Bush".

Роджеровская скульптурная группа*

Они, с детьми в руках,
у линии трамвая,
поставили багаж,
где нужно сесть не зная.

Трамвай лишь дал сигнал.
Водитель, истый янки,

не видя их промчал:
там не было стоянки.

Никто не указал
им их ошибки глупой
и не был умилён
той Роджеровской группой*.

A Rogers Group*

How young and unassuming
They waited in the street
With babies in their arms
And baggage at their feet.

A trolley car they hailed
Went by with clanging gong
Before they guessed the corner
They waited on was wrong.

And no one told them so
By way of traveler's aid,
No one was so far touched
By the Rogers Group* they made.
1947 "Steeple Bush"

Примечание.

*Джон Роджерс (John Rogers, 1829-1904) - сын неудачливого бостонского купца, уроженец города Салема в Массачусетсе. Был популярным в США скульптором, буквально наводнившим страну своими сравнительно недорогими и чаще всего недолговечными скульптурными группами на различные темы. Эти талантливые изделия стали сейчас экспонатами художественных музеев. В своё время Джон Роджерс продал до 80 тысяч своих композиций из глины, гипса и бронзы.

Подстрочная Йота

Заглавным "I" я вовсе не польщён.
Мне зазнаваться нет охоты.
Всё время меж других письмён
меня заботит греческая Йота.

Возможно, углядит иной коллега
под чем я вывожу её тишком.
Нет! То не Альфа с Этой, не Омега,
а Эпсилон, который всем знаком.

Iota Subscript

Seek not in me the bit I capital,
Not yet the little dotted in me seek.
If I have in me any I at all,
'Tis the iota subscript of the Greek.

So small an I as an attention beggar.
The letter you will find me subscript to
Is neither alpha, eta, nor omega,
But upsilon which is the Greek for you
1947 "Steeple Bush"

Аннотация.

Американские комментаторы истолковывают смысл стихотворения Роберта Фроста "Iota subscript" с разных позиций. Привлекают и фонетику, и графику, и правописание как английского, так и греческого языка. Ссылаются даже на слова Иоанна Крестителя из Евангелия от Иоанна (3:30). Простейшее и наиболее логичное объяснение в том, что

местоимение "I" - "Я" в английском всегда изображается заглавной буквой, а местоимение "you" - "вы" всегда пишется с маленькой буквы. Фрост, по-видимому, полагает, что в обращениях к Богу нужно писать не "you", а "You". Комментаторы подсказывают, что греческая буква "Эпсилон" по написанию похожа на английскую букву "u", и это "u" с подстрочной йотой сливается в английскую букву "Y".

Решимость к обновлению

Нам слышатся заявления,
что дух человеческий гибок,
что в мире утихнут сражения,
что больше не будет ошибок.

Те, что в землю ушли по плечи,
те, что в отчаянье мечутся,
снова ведут фантастичные речи
о Федерации Человечества.

Приводятся соображения,
что нет рокового уродства,
которое прямо с рождения
нас заставляет бороться.

Всё скверное нужно вымести,
выбросить мусор амбиций -
лишь бы хватило решимости
подлинно обновиться.

"In three words I can
I've learned about

n sum up everything
t life: it goes on."
~ Robert Frost

The Courage to Be New

I hear the world reciting
The mistakes of ancient men,
The brutality and fighting
They will never have again.

Heartbroken and disabled
In body and in mind
They renew talk of the fabled
Federation of Mankind.

But they're blessed with the acumen
To suspect the human trait
Was not the basest human
That made them militate.

They will tell you more as soon as
You tell them what to do
With their ever breaking newness
And their courage to be new.
1947 "Steeple Bush"

Аннотация.

Комментаторы усматривают в стихотворении "The Courage to Be New" сатиру. Стихотворение написано во время, когда была основана Организация Объединённых Наций. Печальный опыт предыдущей Лиги Наций и весь ход истории подсказывали поэту, что чересчур светлые надежды на будущий мир и благоденствие человечества после создания таких объединений испытывать ещё рано.

Природный Гелий

Для нас религия - тончайший газ,
что нагнетён в нас ради высших целей,
что действует сильнее всяких зелий
и, будто крылья птиц, возносит нас,
с Земли в сады небесных асфоделий,
что в нас с рожденья есть - как некий гелий.

Innate Helium

Religious faith is a most filling vapor,
Its swirls occluded in us under tight
Compression to uplift us out of weight —
As in those buoyant bird bones thin as paper,
To give them still more buoyancy in flight.
Some gas like helium must be innate.
1947 "Steeple Bush".

Аннотация.

В стихотворении "Innate Helium", как указывают комментаторы, Роберт Фрост, возможно, преподносит своим читателям мысль, что вера не ниспосылается людям с небес, а есть нечто врождённое, что это естественное человеческое свойство, соответствующее нашей природе.

Шпиль над жилищем

Как быть, когда вдруг приключится,
что вырастет над нашим домом шпиль,
не станет ли тогда жилище храмом?
Мы больше жить не будем в доме днём,
мы там не станем больше спать ночами,
нам больше там не нужно станет жить?
Но шпиль и звонница над нашей кровлей -
лишь знак, что здесь едины душа и плоть.

A Steeple on a House

What if it should turn out eternity
Was but the steeple on our house of life
That made our house of life a house of worship?
We do not go up there to sleep at night.
We do not go up there to live by day.
Nor need we ever go up there to live.
A spire and belfry coming on the roof
Means that a soul is coming on the flesh.
1947 "Steeple Bush".

Испорченное настроение

Я в грядке рылся, ставши на колени,
при помощи ленивого совка.
Бубнил обрывки модной дребедени.
Вдруг вижу два знакомых паренька

за мной шпионят, стоя у забора.
Я смолк, и в сердце даже стука нет.
Решил, что не к добру чужие взоры -
и только настроению во вред.

A Mood Apart

Once down on my knees to growing plants
I prodded the earth with a lazy tool
In time with a medley of sotto chants;
But becoming aware of some boys from school
Who had stopped outside the fence to spy.
I stopped my song and almost heart,
For any eye is an evil eye
That looks in onto a mood apart.
1947 "Steeple Bush".

Примечание.
Стихотворение "A Mood Apart" можно найти в Интернете также в переводе Вячеслава Толстова (под названием "Настроение").

Страх божий

Как ниоткуда вырвешься куда-то
и быв никем вдруг станешь кем-то,
не забывай себе напоминать,
какому ты за всё обязан богу,

что милостив к тебе, а не к другим.
И в чём тут дело строго не копайся.
Не притязай на многое. Без права
носить надетый на тебя мундир
ты станешь чересчур стараться
сервильно потакать любому взгляду.
Остерегайся быть всё время на виду.
Имей такую внешность, чтоб скрывала,
как занавес, все тайники души.

The Fear of God

If you should rise from Nowhere up to Somewhere,
From being No one up to being Someone,
Be sure to keep repeating to yourself
You owe it to an arbitrary god
Whose mercy to you rather than to others
Won’t bear to critical examination.
Stay unassuming. If for lack of license
To wear the uniform of who you are,
You should be tempted to make up for it
In a subordinating look or toe,
Beware of coming too much to the surface
And using for apparel what was meant
To be the curtain of the inmost soul.
1947 "Steeple Bush"

Аннотация.

Выступая как-то перед молодыми писателями, собравшимися в Вермонте (Bread Leaf Mountains at Middlebury) Роберт Фрост сказал "Каждый художник должен испытывать два страха: Страх Божий и Страх

Человеческий - Страх Божий перед тем, что его творчество в конечном итоге будет признано не имеющим ценности, и Человеческий Страх перед тем, что художник будет плохо понят своими друзьями". Фрост неоднократно повторял эти мысли. Мудрое стихотворение Р. Фроста "Fear of God" в какой-то мере является его горькой насмешкой над самим собой. Р.Фрост признаётся, что в реальности поэт не вполне свободен в своём творчестве и всегда вынужден, против своего сердца, служить какому-то, возможно, даже языческому, божеству.

Человеческий Страх

Идёт девица ночью от подруги
без всякого эскорта, вся в испуге.
Идёт, стараясь даже не дышать.
Но ей страшны совсем не смерть, не тать,
не сдунутая с крыши черепица.
С ней нынче ночью это не случится.
(Всё ветхое давно уж снесено).
Ей скверно, что во всех углах темно.
Лишь возле банка светят лампионы.
(Ну, как не крикнуть: "Браво!" - в честь Мамоны?)
Ей нужно верить тусклым фонарям,
светящимся наперекор ветрам.
Ей боязно сказать про что-то внятно:
глухие всё равно поймут превратно.
И я боюсь, что сказанное тут
другие не поймут и переврут.

Fear of Man

As a girl no one gallantly attends
Sets forth for home at midnight from a friend's —
She tries to make it in one catch of breath,
And this is not because she thinks of death.
The city seems in-toppling from a height,
But she can trust it not to fall tonight.
(It will be taken down before it falls.)
There scarcely is a light in all its walls,
Except beside a safe inside a bank.
(For which assurance Mammon is to thank).
But there are little streetlights she should trust,
So jewel-steady in the wind and dust.
Her fear is being spoken by the rude
And having her exposure misconstrued.
May I in my brief bolt across the scene
Not be misunderstood in what I mean.
1947 "Steeple Bush"

Аннотация.

Комментаторы (в частности Jeffrey Cramer) считают, что всё стихотворение "Fear of Man" - это одна большая развёрнутая метафора, иносказание. В образе робкой пародийной девицы Роберт Фрост представляет свою поэзию, зависимую от щедрот толстосумов, постоянно боящуюся, что её не поймут и превратно истолкуют читатели.

Беспокойство о реках

Взгляни на длинную долину и на гору.
Как люди говорят, край света где-то там.
Но где ж тогда должна река, что здесь возникла,

в конце течения излиться в пустоту?
Я не видал ещё реки быстрей и больше.
Я очень часто беспокоился о том,
чтоб рекам из долин всегда был вольный выход.
Реально у реки есть собственный каньон.
Как выйдет из него - совсем не наше дело,
но где-нибудь она, конечно, истечёт -
не обязательно на дальнем расстоянье.
Счастливый выход может быть и возле нас
и вскоре сыщется в любом из направлений.
Как нам известно, мир - слоновое седло.
Сам этот слон стоит верхом на черепахе,
а черепаха - в океане на скале.
Весьма долга была история науки.
Она сегодня, в побасёнках для детей,
и вводит всех их в мир своих былых фантазий:
"Смотрите ж дальше сновидения и вы!".
Мы были некогда расплавом, были паром.
Что нас всех крутит, что ввергает нас в огонь -
подскажет Эпикур и разъяснит Лукреций.
Мы что-то знаем, как всё было до сих пор,
и нам не нужно жить в пространстве, как всевышний,
ища там подвига и опыта любви.

Too Anxious for Rivers

Look down the long valley and there stands a mountain
That someone has said is the end of the world.
Then what of this river that having arisen
Must find where to pour itself into and empty?

I never saw so much swift water run cloudless.
Oh, I have been often too anxious for rivers
To leave it to them to get out of their valleys.
The truth is the river flows into the canyon
Of Ceasing-to Question-What-Doesn't-Concern-Us,
As sooner of later we have to cease somewhere.
No place to get lost like too far in the distance.
It may be a mercy the dark closes round us
So broodingly soon in every direction.
The world as we know is an elephant's howdah;
The elephant stands on the back of a turtle;
The turtle in turn on a rock in the ocean.
And how much longer a story has science
Before she must put out the light on the children
And tell them the rest of the story is dreaming?
"You children may dream it and tell it tomorrow."
Time was we were molten, time was we were vapor.
What set us on fire and what set us revolving,
Lucretius the Epicurean might tell us
'Twas something we knew all about to begin with
And needn't have fared into space like his master
To find 'twas the effort, the essay of love.
1947 "Steeple Bush"

Аннотация.

В стихотворении "Too Anxious for Rivers" Роберт Фрост высказывает своё отношение к ряду естественно-научных и философских проблем и к постановке школьного образования. В история науки он наблюдает постоянное чередование разных сказочных измышлений и не видит конца этому длительному процессу.

Поэт отрицает какой-либо смысл в религиозных представлениях о загробной жизни.

Директива

Назад ото всего, что нас гнетёт,
назад к тому, что кажется лишь проще
с потерей позабытых мелочей,
как памятник, источенный годами,
назад туда, где дом уже не дом,
на ферму, что уж более не ферма,
под городок, что нынче опустел.
Путеводителям не доверяйте.
Они собьют вас с верного пути.
Въезд в прошлое здесь как каменоломня,
где валуны - колени городка,
который вздумал хвастать облицовкой.
А о дорогах в книжке есть рассказ,
что те хранят не только след фургонов, -
тут с севера на юг прополз ледник,
пробивший путь огромнейшим зубилом.
Ногами он до Полюса достал.
Он стужу гонит до горы Пантеры*
и до сих пор приносит холода.
Но не страшитесь грозных испытаний,
когда из сорока подвальных нор
на вас глазеть тут будут постоянно
и ваш приход взволнует здешний лес
да так, что в нём зашелестят все листья.
Здесь гости редки, лес уже не тот,
каким был прежде, лет на двадцать раньше.
Его деревья смотрят свысока
на яблони, поклёванные дятлом.
Насколько веселее вспоминать

про песни по пути домой с работы,
что кто-то пел, шагая впереди,
и вёз своё зерно в скрипучей тачке.
Вот верх холма - то памятная грань.
Там, встретившись, слились два сельских поля.
Там нынче тихо, и полей уж нет.
Здесь, потеряв себя и заблудившись,
вы можете поднять дорожный мост,
поставив знак: НЕТ ХОДА ПОСТОРОННИМ.
Стянув предохранительным ремнём,
устройте в поле для себя жилище,
припомнив детство и родной свой двор
с игрушками ребячьего театра,
с разбитою посудой под сосной.
Как дети были счастливы, играясь,
там, в прошлом, где и дом уже не дом!
Совсем заплыл, как вмятина в опаре,
укрывшийся в сирени лаз в подвал.
То был солидный дом, не игротека.
Начало вашей жизни и судьбы.
Ручей, который доставлял вам воду,
стремительный, любитель бушевать,
студёный, как родник вблизи истока.
(Не то, что все равнинные ручьи,
что любят вешать тину на колючках).
На берегу я в детстве схоронил
под старым кедром, в арке под корнями,
разбитый кубок - как Святой Грааль,
закляв, чтоб не попал к непосвящённым.
Им не спастись, сказал апостол Марк.
(Тот кубок был любимою игрушкой).
Там есть вода, из кубка можно пить.
Испейте и гоните все тревоги.

Directive

Back out of all this now too much for us,
Back in a time made simple by the loss
Of detail, burned, dissolved, and broken off
Like graveyard marble sculpture in the weather,
There is a house that is no more a house
Upon a farm that is no more a farm
And in a town that is no more a town.
The road there, if you'll let a guide direct you
Who only has at heart your getting lost,
May seem as if it should have been a quarry —
Great monolithic knees the former town
Long since gave up pretense of keeping covered.
And there's a story in a book about it:
Besides the wear of iron wagon wheels
The ledges show lines ruled southeast-northwest,
The chisel work of an enormous Glacier
That braced his feet against the Arctic Pole.
You must not mind a certain coolness from him
Still said to haunt this side of Panther Mountain.
Nor need you mind the serial ordeal
Of being watched from forty cellar holes
As if by eye pairs out of forty firkins.
As for the woods' excitement over you
That sends light rustle rushes to their leaves,
Charge that to upstart inexperience.
Where were they all not twenty years ago?
They think too much of having shaded out
A few old pecker-fretted apple trees.
Make yourself up a cheering song of how
Someone's road home from work this once was,

Who may be just ahead of you on foot
Or creaking with a buggy load of grain.
The height of the adventure is the height
Of country where two village cultures faded
Into each other. Both of them are lost.
And if you're lost enough to find yourself
By now, pull in your ladder road behind you
And put a sign up CLOSED to all but me.
Then make yourself at home. The only field
Now left's no bigger than a harness gall.
First there's the children's house of make-believe,
Some shattered dishes underneath a pine,
The playthings in the playhouse of the children.
Weep for what little things could make them glad.
Then for the house that is no more a house,
But only a belilaced cellar hole,
Now slowly closing like a dent in dough.
This was no playhouse but a house in earnest.
Your destination and your destiny's
A brook that was the water of the house,
Cold as a spring as yet so near its source,
Too lofty and original to rage.
(We know the valley streams that when aroused
Will leave their tatters hung on barb and thorn.)
I have kept hidden in the instep arch
Of an old cedar at the waterside
A broken drinking goblet like the Grail
Under a spell so the wrong ones can't find it,
So can't get saved, as Saint Mark says they mustn't.
(I stole the goblet from the children's playhouse.)
Here are your waters and your watering place.
Drink and be whole again beyond confusion.
1947 "Steeple Bush".

Примечания.

***Гора Пантера** - гора в штате Нью-Йорк.

Стихотворение "Directive" можно найти в Интернете под названием "Указание" в очень выразительном переводе на русский язык А.Сергеева.

23-е сентября

Слетевши, как с насеста,
примерно с пяток козодоев
уселись меня удостоив,
рядом, на видное место.

Их было двое в июне,
жили на круче скупой,
а нынче явились толпой.
Их лето прошло не втуне.

Мне нравилось их мельканье.
Не видел особых шуток,
но вот показали малюток
в забаву мне на прощанье.

Я день этот прожил не зря,
раз это семейство встретил,
и взяв календарь отметил
ту дату в конце сентября.

A Nature Note

Four or five whipporwills
Have come down from their native ledge
To the open country edge
To give us a piece of their bills.

Two in June were a pair –
You'd say sufficiently loud,
But this was a family crowd,
A full-fledged family affair.

All out of time pell-mell!
I wasn't in on the joke,
Unless it was coming to folk
To bid us a mock farewell.

I took note of when it occurred,
The twenty-third of September,
Their latest that I remember,
September the twenty-third.
1942 "A Witness Tree".

Полуреволюция

Я - адвокат частичных изменений.
Я - не сторонник полных потрясений.
(Как всякий розенкрейцер, без сомнений).
Поскольку прежний класс не клонит лоб,

искусный вождь народных возмущений
на полпути подаст команду "Стоп!"
Хоть в революциях есть смысл и есть причины,
их нужно свёртывать, дойдя до половины.

A Semi-Revolution

I advocate a semi-revolution.
The trouble with a total revolution
(Ask any reputable Rosicrucian)
Is that it brings the same class up on top.
Executives of skillful execution
Will therefore plan to go halfway and stop.
Yes, revolutions are the only salves,
But they're the one thing that should be done by halves.
1942 "A Witness Tree".

Ответ

Счастливый остров? - Счастлив будь, мой сын! -
Мне счастья не было сыскать хотя б один.

An Answer

But Islands of the blessed, bless you, son,
I never came upon a blessed one.
1942 "A Witness Tree"

Гарантия

Ура! Со всех сторон на пядь,
в плите, за смотровым стеклом
и плотным бронзовым кольцом,
могу опасности не ждать.

Assurance

The danger not an inch outside
Behind the porthole's slab of glass
and double ring of fitted brass
I trust feels properly defied.
1942 "A Witness Tree"

О местных валунах

На пастбище моём - лишь валуны.
Оно - как полная яиц корзинка.
Хоть эти камни - не товар для рынка,
но, думаю, на что-нибудь годны.

Пришлю вам, если жирный мягкий грунт
у вас уходит в глубь на тридцать футов,

хоть ешь его, на вид и ощупь спутав
с тончайшею мукой по квотеру за фунт.

Вы сможете валун отшлифовать.
Найду из всех получше и поглаже,
чтоб стал, как изваяние, на страже
у вас в подворье рыцарям под стать.

Он будет и без надписей хорош.
Вы скажете ехидному соседу,
что это памятник родному деду, -
и пусть ломает голову, в чём схож.

Of the Stones of the Place

I farm a pasture where the boulders lie
As touching as a basket full of eggs.
And though they're nothing anybody begs,
I wonder if it wouldn't signify

For me to send you one out where you live
In wind-soil to a depth of thirty feet,
And every acre good enough to eat,
As fine as flour put through a baker's sieve.

I'd ship a smooth one you could slap and chafe,
And set up like a statue in your yard,
An eolith palladium to guard
The West and keep the old tradition safe.

Carve nothing on it. You can simply say
In self-defense to quizzical inquiry:
"The portrait of the soul of my gransir Ira.
It came from where he came from anyway."
1942 "A Witness Tree"

Дошкольник

Шагаю в гости к другу,
в лесистую округу.
Ищу там нужный дом.
Попал в сплошную вьюгу.

Вдруг вижу, хоть и странно,
у двери мальчугана.
Он что-то мне велит
сквозь вихри урагана.

В лице его бравада,
на паре щёк - помада,
и вот кричит, как командир,
куда идти мне надо.

И мать следит за сыном,
дивясь словам и минам,
старается, чтоб не шалил
и вёл себя чин-чином.

А он твердит, тоскуя,
что я, мол, не рискуя,

сейчас могу пойти туда,
куда он - ни в какую.

Он видел флаг над школой,
привольный и весёлый.
Ему ж не больше четырёх,
с того-то он и квёлый.

Большущий красно-белый флаг.
Прекрасный синий звёздный стяг.
"Божусь, что убран он сегодня!"
Пойти, взглянуть. Неужто так?

Not of School Age

Around bend after bend,
It was blown woods and no end.
I came to but one house,
I made but the one friend.

At the one house a child was out
Who drew back at first in doubt,
But spoke to me in a gale
That blew so he had to shout.

His cheek smeared with apple sand,
A part apple in his hand,
He pointed on up the road
As one having war-command.

A parent, his gentler one,
Looked forth on her small son
And wondered with me there
What now was being done.

His accent was not good.
But I slowly understood.
Something where I could go -
He couldn't but I could.

He was too young to go,
Not over four or so.
Well, would I please go to school,
And the big flag they had - you know

The big flag: the red-white -
And blue flag, the great sight -
He bet it was out today,
would I see if he was right?
1942 "A Witness Tree".

Уравнитель

Мы слышим Цезарь, понимаем - Император,
не дока в экономике - куратор.
(Распоряжаясь государственной казной,
он никогда не трясся над мошной).
Считал, что от неравенства в богатстве
заразные поветрия родятся,

что в нём причина воровства и святотатства.
Нам надобен порой подобный реформатор.

Вариант 2.

Мы слышим Цезарь, понимаем - Повелитель,
не теоретик, а разумнейший рачитель,
(В одних глазах - безбожный расточитель,
в других - не скупердяй, а трезвый охранитель).
Он видел, что неравенство в богатстве
толкает бедных не зевать и не теряться,
в чём все зародыши погибели таятся.
Нам тоже нужен столь же мудрый уравнитель.

An Equiliser

It is as true as Caesar's name was Kaiser
That no economist was ever wiser
(Though prodigal himself and a despiser
Of capital and calling thrift a miser).
And when we get too far apart in wealth
‘Twas his idea that for the public health.
So that the poor don’t have to steal by stealth,
We now and then should take an equalizer.
1942 "A Witness Tree", Quantula.

Секрет сидит

Предположив, мы водим хоровод,
Секрет сидит в кругу и знает наперёд.

Вариант 2.

Мы входим в хоровод и полагаем,
Секрет сидит в кругу учёным попугаем.

The Secret Sits

We dance round in a ring and suppose,
But the Secret sits in the middle and knows.
1942 "A Witness Tree", Quantula.

Беотиец*

Я забавляюсь, рассуждая, как платоник,
но от афинян с их премудростью отличен,
я больше беотиец*, я - лаконик***,
не педантичен, не систематичен**.

Boeotian*

I love to toy with the Platonic notion
That wisdom need not be of Athens Attic,
But well may be Laonic**, even Boeotian*.
(Вариант: But well may be Laconic***, even Boeotian*)
At least I will not have it systematic****.
1942 "A Witness Tree", Quantula.

Примечания.

*Бытовало мнение, что жители древнегреческой области Беотия не отличались высокой интеллектуальностью.

**Laonic - ссылка на византийского историка Лаоника Халкокондила (1423?-1490).

***В другом варианте стихотворения употребляется слово Лаконик, то есть немногословный спартанец.

****Не систематичен. Роберт Фрост отстаивает здесь свою (и всеобщую) духовную свободу от предписанных и общепринятых философских схем и учений. Отстаивает свободу мысли.

Наше сочувствие к обездоленному

Он встанет, после снова упадёт,-
как в цирке пёс, забравшись на батут,-
и никакой сенатор их не пнёт,
не то куснут и тогу разорвут.

On Our Sympathy with the Under Dog

First under up and then again down under,
We watch a circus of revolving dogs
No senator dares in to kick asunder,
Lest both should bite him in the toga-togs.
1942 "A Witness Tree", Quantula.

Стихотворение

Стихи игриво совершают путь
по заданному им манеру,
блюдут рифмовку, ритм и меру,
неотвратимо донося их суть.

In A Poem

The sentencing goes blithely on its way
And takes the playfully objected rhyme
As surely as it takes the stroke and time
In having its undeviable say.
1942 "A Witness Tree", Quantula

Охотник на кроликов

Охотник беспечен.
Укрылся да свищет.
Ружьё висит.
Вокруг ольшаник
и топь в снегу -
ужасно белая.
Ищейка рыщет.
Она старается.
В восторге визжит -
как угорелая.
Заводит игры.
Несёт на бегу
серого зайца.
Вручает дичь,
чтобы прикончить.
Ей это жутко.
(И мне - не шутка).
Нас можно постичь...

The Rabbit-Hunter

Careless and still
The hunter lurks
With gun depressed
Facing alone
The alder swamps
Ghastly snow-white.
And his hound works

In the offing there
Like one possessed.
And yelps delight
And sings and romps,
Bringing him on
The shadowy hare
For him to rend
And deal a death
That he nor it
(Nor I) have wit
To comprehend
1942 "A Witness Tree".

Ноябрь

Листья в мечтах об овации,
но нынче не просто миграция.
Они летят чередом
к полной своей ликвидации.
Слипаются, падают в грязь
в промозглый день, под дождём.
"Конец нам!" - звучат моления.
Их пора унеслась.
И мы приступаем к спасению -
гордо берёмся сгребать
в полном недоумении,
что мрут, как начали спать,
что мрут, предпочтя рыдать.
А мы отрицаем в презрении,
что нации гибнут в сражении.

November

We saw leaves go to glory,
Then almost migratory
Go part way down the lane,
And then to end the story
Get beaten down and pasted
In one wild day of rain.

We heard " 'Tis Over" roaring.
A year of leaves was wasted.
Oh, we made a boast of storing,
Of saving and keeping,
But only by ignoring
The waste of moments sleeping,
The waste of pleasure weeping,
By denying and ignoring
The waste of nations warring.
(1938) 1942 "A Witness Tree".

Аннотация.

В стихотворении "November", написанном непосредственно перед началом Второй Мировой войны, звучит явная, хотя ещё очень смутная и не до конца осознанная тревога поэта, вызванная неэффективной и неверной позицией ведущих мировых демократических держав в опаснейший период, когда уже начиналась полномасштабная нацистская агрессия.

Пауза

Чтоб всё познать, есть смысл остановиться.
Высокий склон и крут и величав,
и взору открывается страница
с пространным текстом из кустов и трав.
Нам надобно читать, пока есть время,
смотря на дёрен, майник, змеевик,
прилежно изучать плоды и семя
и мозг включить, чтоб мыслить он привык.
Всегда при чтенье или размышленье
нам нужен пристальный и твёрдый взгляд,
и в час неумолимого сраженья,
и даже в час блаженства и услад.
Нас высмеют и пригрозят пинками,
но нужно, чтоб задумались мы сами.

Time Out

It took that pause to make him realize
The mountain he was climbing had the slant
As of a book held up before his eyes
(And was a text albeit done in plant.)
Dwarf cornel, gold-thread, and maianthemum,
He followingly fingered as he read,
The flowers fading on the seed to come;
But the thing was the slope it gave his head:
The same for reading as it was for thought,
So different from the hard and level stare
Of enemies defied and battles fought.

It was the obstinately gentle air
That may be clamored at by cause and sect
But it will have its moment to reflect.
1942 "A Witness Tree"

Аннотация.

Комментаторы считают, что в стихотворении "Time Out" Роберт Фрост высказывает своё убеждение в познаваемости природы, похожей на книгу, которую нужно суметь прочесть. Поэт уверен, что люди способны вести диалог с природой, задавать ей вопросы и читать её ответы.

Последний последователь

Он страстен был, отважен - был таков,
что на Земле не сыщешь двойников.
Он был как золото из родников,
но не из мрачных душных рудников.

Нам преподносят странные шарады:
богов полно, и угождать им надо.
Поэтам же - любого их разряда -
не слишком щедро выдают награды.

Поэты не особо преуспели,
любые восхитительные трели
частенько попадают мимо цели.
Нетрудно приуныть, подобно Шелли.

От Золотого Века до сих пор
по поводу поэзии - раздор.
Весь оголтелый социальный ор
всё чаще принимается за вздор.

Стезя поэта часто не легка.
Поэт, избравший участь бедняка,
не ставший золотить свои бока,
лишь многих отпугнёт наверняка.

У музы скорбь о том, кто брёл в каморку,
меся ногами мусор по Нью-Йорку,
кто даль мечты хотел увидеть зорко
и нёс на ужин для подруги корку.

С ним стало трудным всякое общенье.
В нём быстро изменялись настроенья:
тысячелетие при завершенье
не обещало никакого улучшенья. -

На то у государственной машины
шуруют гвельфы, бьются гибеллины.
О том вещают книжные лавины.
Так думаю я сам не без причины.

Мой друг не чувствовал нужды в словах.
Одна печаль была в его глазах.
Рай на Земле рассыпался во прах -
он помышлял о царстве в небесах.

The Lost Follower

As I have known them passionate and fine
The gold for which they leave the golden line
Of lyric is a golden light divine,
Never the gold of darkness from a mine.

The spirit plays us strange religious pranks
To whatsoever god we owe the thanks.
No one has ever failed the poet ranks
To link a chain of money-metal banks.

The loss to song, the danger of defection
Is always in the opposite direction.
Some turn in sheer, in Shelleyan dejection
To try if one more popular election

Will give us by short cut the final stage
That poetry with all its golden rage
For beauty on the illuminated page
Has failed to bring—I mean the Golden Age.

And if this may not be (and nothing's sure),
At least to live ungolden with the poor,
Enduring what the ungolden must endure.
This has been poetry's great anti-lure.

The muse mourns one who went to his retreat
Long since in some abysmal city street,
The bride who shared the crust he broke to eat
As grave as he about the world's defeat.

With such it has proved dangerous as friend
Even in a playful moment to contend
That the millennium to which you bend
In longing is not at a progress-end.

By grace of state-manipulated pelf,
Or politics of Ghibelline or Guelph,
But right beside you book-like on a shelf,
Or even better god-like in yourself.

He trusts my love too well to deign reply.
But there is in the sadness of his eye,
Something about a kingdom in the sky
(As yet unbrought to earth) he means to try.
1942 "A Witness Tree".

Аннотация.

Стихотворение "The Lost Follower" - траурное прощание с поэтом, до конца верившим в утопические учения о построении на земле справедливого общества всеобщего равенства и процветания. Роберт Фрост пишет о несбыточности таких социальных иллюзий.

Как удержаться на планете

Мы жаждали дождя, а не Содома.
Распорядитель показал свой нрав:
он, злое наводнение наслав,
был тороват на молнии и громы.
Когда мы умоляли о дожде,
ответ с крутых небес был полон гнева,
но сладкий душ пролился на посевы
и лился вновь, повсюду и везде.
И почва много влаги набрала.
Земля, напившись, к людям подобрела.
Соотношение добра и зла
меняется в природе то и дело.
Между природой и людьми - война,
но, может быть, не станет длиться вечно.
Природа стать любезнее должна -
хотя бы только на один процент,
не нужно лишь плодиться бесконечно,
чтоб выжил на Земле наш контингент.

Our Hold on the Planet

We asked for rain. It didn’t flash and roar.
It didn’t lose its temper at our demand
And blow a gale. It didn’t misunderstand
And give us more than our spokesman bargained for;
And just because we owned to a wish for rain,
Send us a flood and bid us be damned and drown.
It gently threw us a glittering shower down.
And when we had taken that into the roots of grain,
It threw us another and then another still,
Till the spongy soil again was natal wet.
We may doubt the just proportion of good to ill.
There is much in nature against us. But we forget;
Take nature altogether since time began,
Including human nature, in peace and war,
And it must be a little more in favor of man,
Say a fraction of one percent at the very least,
Or our number living wouldn’t be steadily more,
Our hold on the planet wouldn’t have so increased.
1942 "A Witness Tree".

Тройная броня

Я - в латах, трижды защищён,
я прячусь в свой надёжный схрон;
устроил внутренний заслон
и внешне тоже ограждён.

Я совершил нелёгкий труд -
мой дом построен как редут.
Ко мне злодеи не войдут
и брешей в стенах не пробьют.

К нам всякий сброд проникнуть тщится,
нездешний люд, чужие лица.
Мне служит, чтоб от них закрыться
национальная граница.

Triple Bronze

The Infinite's being so wide
Is th reason the Powers provide
For inner defense my hide.
For next defense outside

I make myself this time
Of wood or granite or lime
A will too hard for crime
Either to breach or climb.

Then a number of us agree
On a national boundary.
And that defense makes three
Between too much and me.
(1939) 1942 "A Witness Tree".

Аннотация.

Комментаторы отмечают, что стихотворение "Triple Bronze" звучит иронично и написано в эпиграммном стиле.

Поиск горечавки

Я шёл по лугу налегке и браво
скандировал и напевал.
Всё упражнял, оглядывая травы,
и память, и вокал.

Там всё цвело, от незабудок до купавок,
на много миль вокруг.
Я ж в поисках лиловых горечавок
обрыскивал весь луг.

Я должен был успеть до косовицы.
Трава успела подрасти.
Мелькнула на тропе пугливая лисица
и убралась с пути.

Я бросился за ней в лесную чащу,
и случай мне помог -
нашёл там пышный настоящий
желанный мне цветок.

Он кверху вскинул фиолетовые шпили.
Его ольха там сберегла,
и ветерки его в тени не теребили
и не тревожила пчела.

Я на коленях любовался им вначале,
убрал вокруг него сучки,

и около него, как призраки, стояли
другие нерасцветшие ростки.

Натешившись, смекаю по приметам,
что недалёк и листопад.
Прощаюсь с завершённым летом,
тихонечко бреду назад.

The Quest of the Purple-Fringed

I felt the chill of the meadow underfoot,
But the sun overhead;
And snatches of verse and song of scenes like this
I sung or said.

I skirted the margin alders for miles and miles
In a sweeping line.
The day was the day by every flower that blooms,
But I saw no sign.

Yet further I went to be before the scythe,
For the grass was high;
Till I saw the path where the slender fox had come
And gone panting by.

Then at last and following him I found –
In the very hour
When the color flushed to the petals it must have been –
The far-sought flower.

There stood the purple spires with no breath of air
Nor headlong bee
To disturb their perfect poise the livelong day
‘Neath the alder tree.

I only knelt and putting the boughs aside
Looked, or at most
Counted them all to the buds in the copse’s depth
That were pale as a ghost.

Then I arose and silently wandered home,
And I for one
Said that the fall might come and whirl of leaves,
For summer was done.
(1901) 1942 "A Witness Tree".

Примечание.

Стихотворение "The Quest of the Purple-Fringed", написанное в молодости, Роберт Фрост назвал "The Quest of the Orchis". Когда его ботанические знания обогатились, он понял, что цветок, который он разыскивал - не орхидея, а гентиана (горечавка). Поэтому в последующих изданиях он изменил название стихотворения, указав только, что разыскивал фиолетовый цветок с каёмкой.

Неповторимые птичьи напевы

В райском саду от зари до заката
птицы певали свои пасторали.
С ними там Ева пела когда-то. -
Евины песни всех звонче звучали.

Голос певицы был нов и чудесен,
переливался, как быстрая речка.
Птицы пленялись мелодией песен,
не понимая на слух ни словечка.
Ева навеки осталась в том пенье.
Песни её подхватили птицы. -
В каждом лесу и в любом селенье
ей суждено никогда не забыться.
Неповторимые птичьи напевы!
Ведь не напрасно их пела Ева.

Never Again Would Birds' Song the Same

He would declare and could himself believe
That the birds there in all the garden round
From having heard the daylong voice of Eve
Had added to their own an oversound,
Her tone of meaning but without the words.
Admittedly an eloquence so soft
Could only have had an influence on birds
When call or laughter carried it aloft.
Be that as may be, she was in their song.
Moreover her voice upon their voices crossed
Had now persisted in the woods so long
That probably it never would be lost.
Never again would birds' song be the same.
And to do that to birds was why she came.
1942 "A Witness Tree".

Примечание.

Стихотворение "Never Again Would Birds' Song the Same" можно найти в Интернете в русском переводе Василия Бетаки.

Облачная тень

Ища, что в книжке говорится о весне,
она, как лёгкий бриз шуршала в тишине.
Я счёл за нужное ей дать совет:
"Напрасно ищешь! О весне там нет".

Кому важна весна? Она смолчала,
лишь облачная тень на личико упала.
Наверное, надулась в знак протеста,
что я скрываю нужное ей место.

A Cloud Shadow

A breeze discovered my open book.
And began to flutter the leaves to look.
For a poem there used to be on spring
I tried to tell her “There is no such thing!”

For whom would a poem on spring be by?
The breeze disdained to make reply;
And a cloud shadow crossed her face
For fear I would make her miss the place.
1942 "A Witness Tree".

Примечание.

Стихотворение "A Cloud Shadow" многократно переведено на русский язык в различной интерпретации. В нём содержится забавная загадка.

Любопытно, как Роберт Фрост и разные переводчики описывают персонаж (или персону), листающую книжку стихов. У автора это бриз (некто женского рода), имеющий лицо.
У Михаила Рахунова - дочь ветерка с испуганным лицом.
У Алёны Алексеевой - волна ветра, но с лицом.
У Валентина Савина - бриз (он), но с лицом.
У Ирис Виртуалис - весна с ветреной рукой.
У Рафаэля Шустеровича - ветерок, но с виском.
У Виктора Топорова - зыбь с презрением и тоской.
У Петра Долголенко - некто похожий на бриз, нахмуренный, с презрительным взглядом; в другом варианте, у него же, - струя ветра, нахмуренный ветер, с лицом, на котором укор.
У Дмитрия Якубова - бриз (он) с испугом на лице.
У Андрея Пустогарова - ветреная погода с омрачённым лицом.
Какой ёмкий простор для полётов нашей поэтической фантазии!

Обдумай, обеспечь

Столкнулся с тощей бедолагой,
подёнщицей, почти бродягой, -
с былой красоткой Ависагой.

Слыла звездою Голливуда,
а нынче ей куда как худо...
Судьба горазда на причуды.

Умри пораньше, обмани судьбу!
А если не спешишь лежать в гробу,
живи с умом, не вылетай в трубу.

Заделайся большим биржевиком
и, если умудришься стать царьком,
не назовут паршивым стариком.

Удачники находчивы в борьбе
и впереди в косьбе и молотьбе.
Такая прыть поможет и тебе.

Старинные заслуги не спасут.
Начнёшь сдавать, так всё равно затрут.
Без устали борись за свой статут.

Пусть о тебе не молкнет речь.
Сплоти друзей и знай, чем их привлечь.
Обдумай свой финал и обеспечь.

Provide, Provide

The witch that came (the withered hag)
To wash the steps with pail and rag
Was once the beauty Abishag,

The picture pride of Hollywood.
Too many fall from great and good
For you to doubt the likelihood.

Die early and avoid the fate.
Or if predestined to die late,
Make up your mind to die in state.

Make the whole stock exchange your own!
If need be occupy a throne,
Where nobody can call you crone.

Some have relied on what they knew,
Others on being simply true.
What worked for them might work for you.

No memory of having starred
Atones for later disregard
Or keeps the end from being hard.

Better to go down dignified
With boughten friendship at your side
Than none at all. Provide, provide.
1936 "A Further Range".

Примечание.
Стихотворение "Provide, Provide" можно найти в Интернете в русских переводах Т.Вассы ("Предоставьте") и Sentjao ("Стяжай, стяжай").

Пробный запуск

Я в страхе про себя запричитал.
На мне вдруг даже волос дыбом встал.
Когда чудовище горючего хлебнуло,
раздался смертоносный рёв,
всё затряслось до каменных основ.
Давя на нервы, крутанулся вал.
Был треск на фоне громового гула,
но дьявол никуда не делся -
был создан для боёв.
Он закреплён, в нём прочные болты,

и гайки и штифты, и клинья и шплинты.
Продуманный набор деталей и узлов.
Его включили - он и завертелся.
Прикажете ему - замрёт без суеты.

A Trial Run

I said to myself almost in prayer,
It will start hair raising currents of air
When you give it the livid metal-sap.
It will make a homicidal roar.
It will shake its cast stone reef of floor.
It will gather speed till your nerves prepare
To hear it wreck in a thunder-clap.
But stand your ground
As they say in war.
It is cotter-pinned, it is bedded true.
Everything its parts can do
Has been thought out and accounted for.
Your least touch sets it going round,
And when to stop it rests with you.
1936 "A Further Range".

Не собранный урожай

Я шёл дорогой вдоль ограды
и по пути почуял невзначай
фруктовый аромат из сада.

Та яблоня, что тихо там стояла,
вдруг сбросила свой зрелый урожай,
и лишь листва тряслась, как опахало.
Негаданный, нежданный тарарам,
и дерево, ещё до листопада,
сгрузило людям, что могло, к ногам -
задолго до начала сбора.
Вокруг зардели яблочные горы.
Хозяйский план пошёл к чертям.
Не всё, что зреет, - впрок и на продажу.
Но сладкий запах обонять - не кража.

Unharvested

A scent of ripeness from over a wall.
And come to leave the routine road
And look for what had made me stall,
There sure enough was an apple tree
That had eased itself of its summer load,
And of all but its trivial foliage free,
Now breathed as light as a lady's fan.
For there had been an apple fall
As complete as the apple had given man.
The ground was one circle of solid red.

May something go always unharvested!
May much stay out of our stated plan,
Apples or something forgotten and left,
So smelling their sweetness would be no theft.
1936 "A Further Range"

Примечание.

Стихотворение "Unharvested" можно найти в Интернете в переводе на русский язык Вадима Белякова под названием "Падалица".

Не слишком покладистый

Иные одобрят что мной свершено,
другие не строго осудят всё это,
ведь многое попросту разрешено;
на многое прочее нет запрета.

Терзать захотите? Скажу откровенно:
мне даже смешно, как такое услышу, -
надёжней ли крепости, если там стены
надменно поднимутся выше, чем крыши?

Язвите, что выбраться я не сумею,
но я - не беглец над крутым обрывом.
Мой взгляд на проблему куда веселее:
я не был бы схвачен, не будь строптивым.

Кто хочет, свободен обречь меня казни,
но дайте природе свершить наказанье.
Свой дух испущу я тогда без боязни,
прося о прощенье в своём покаянье.

Not Quite Social

Some of you will be glad I did what I did,
And the rest won't want to punish me too severely
For finding a thing to do that though not forbid
Yet wasn't enjoined and wasn't expected clearly.

To punish me over cruelly wouldn't be right
For merely giving you once more gentle proof
That the city's hold on a man is no more tight
Than when its walls rose higher than any roof.

You may taunt me with not being able to flee the earth.
You have me there, but loosely as I would be held.
The way of understanding is partly mirth.
I would not be taken as ever having rebelled.

And anyone is free to condemn me to death
If he leaves it to nature to carry out the sentence.
I shall will to the common stock of air my breath
And pay a death-tax of fairly polite repentance.
1936 "A Further Range".

Примечание.

Стихотворение "Not Quite Social" можно найти в Интернете в переводе Вадима Белякова ("Аутист") и в переводе Виктора Топорова ("На длинном поводке").

Голос в пути

Иное вечно непонятно.
Но нынче ночь светла,
прояснена дождём.
И горы высоки и статны,
и звёзд на небе без числа.
Так не зациклись на своём.
Не будем толковать превратно,
что всё вокруг для нас невнятно.

Voice Ways

Some things are never clear.
But the weather is clear tonight,
Thanks to a clearing rain.
The mountains are brought up near,
The stars are brought out bright.
Your old sweet-synical strain
Would come in like you there:
"So we won't say nothing is clear".
1936 "A Further Range".

Десяток мелких монет*
Ten Mills*

Примечание.

*Далее следует цикл из нескольких мелких стихотворений, каждое из которых автор в шутку оценил в одну десятую часть цента (в одну тысячную долю доллара).

I.Предосторожность

Я в юности не смел быть радикальным
из страха оттого стать в старости консервативным.

I.Precaution

I never dared to be radical when young,
For fear it would make me conservative when old.
1936 "A Further Range".

II.Продолжительность жизни

Пёс одряхлел - пролаял, встать не смог.
А помню, что за прыткий был щенок.

II.The Span of Life

The old dog barks backwards without getting up.
I can remember when he was a pup.
1936 "A Further Range"

Примечание.

В Интернете можно найти перевод стихотворения "The Span of Life" на русский язык, сделанный Вадимом Беляковым.

III.Биплан братьев Райт

Биплан был не чета другим затеям.
Его могли б назвать Моторным Змеем.
Его соорудили братья Райт.
Два славных имени гремят под Эмпиреем.

III.The Wrights' Biplane

This biplane is the shape of human flight.
Its name might better be First Motor Kite.
Its makers' name Time cannot get that wrong.
For it was writ in heaven doubly Wright.
1936 "A Further Range"

Примечание.

В Интернете можно найти перевод стихотворения "The Wright' Biplane" на русский язык, сделанный Вячеславом Толстовым.

Напористый

Лишь одного прошу в тревоге:
не стойте на моей дороге.

Скажу одно на все расспросы:
не суйте палок мне в колёса.

Меня одно желанье одолело -
продолжить собственное дело.

Assertive

Let me be the one
To do what is done.
1936 "A Further Range"

IV.Убрать зловредную угрозу

Погибнут ли каштаны от заразы?
Как фермеры сочли, не сразу.
Опасность поначалу лишь в корнях,
но будет развиваться и в ветвях,
пока не столь опасный паразит
смертельную болезнь не истребит.

IV.Evil Tendencies Cancel

Will the blight end the chestnut?
The farmers rather guess not.
It keeps smouldering at the roots
And sending up new shoots
ill another parasite
Shall come to end the blight.
1936 "A Further Range"

V.Упорный

Пусть грянут хаотичный шторм
и сотрясение платформ.
Я чувствую мятежный шарм
в отмене всех привычных норм.

V.Pertinax

Let chaos storm!
Let cloud shapes swarm!
I wait for form.
1936 "A Further Range"

VI.Оса

На ветке, в артистичном повороте,
она ещё изящней, чем в полёте.
Всегда самоуверенна на вид
и жалящим оружием грозит.
Самовлюблённая, без блеска мудрых знаний,
но и не хуже всех летающих созданий.

VI.Waspish

On glossy wires artistically bent,
He draws himself up to his full extent.
His natty wings with self-assurance perk.

His stinging quarters menacingly work.
Poor egotist, he has no way of knowing
But he's as good as anybody going.
1936 "A Further Range"

Примечание.

Стихотворение «Waspish» известно в русском переводе Лидии Иотковской.

VII.Загадка

Глаза запылены, а крылья - опахала.
Упёр колено в бок - и песня зазвучала.
Рот полон краски, вместо жала.

VII.One Guess

He has dust in his eyes and a fan for a wing,
A leg akimbo with which he can sing,
And a mouthful of dye stuff instead of a sting.
1936 "A Further Range"

VIII.Бухгалтерские трудности

Не жди подробного отчёта,
куда потратил деньги кто-то.
На что и как ушли банкноты,
лишь лгут растратчики да моты.
Отчитываться нет охоты.

VIII.The Hardship of Accounting

Never ask of money spent
Where the spender thinks it went.
Nobody was ever meant
To remember or invent
What he did with every cent.
1936 "A Further Range"

IX.Здесь, да не весь

Решил пред Богом возроптать
на то, что мир в страдании,
но Бога не нашёл нигде
в огромном мироздании.
И Бог искал со мною встречи
(Не смейтесь без причины!),
но от меня сыскать сумел
не больше половины.

IX.Not All There

I turned to speak to God
About the world's despair;
But to make bad matters worse
I found God wasn't there.
God turned to speak to me
(Don't anybody laugh)
God found I wasn't there
At least not over half.
1936 "A Further Range"

X.Притча о богаче и Лазаре*

Давно уж ночь, а в картах нет везенья.
Но я не жалуюсь. Храню терпенье.

По Декларации, все те, в ком есть азарт,
имеют равные права на выбор карт.

Теперь, покуда я не сдался как игрок,
мне хочется открыть ещё пяток.

X.In Dives' Time*

It is late at night and still I am losing,
But still I am steady and unaccusing.

As long as the Declaration guards
My right to be equal in number of cards,

It is nothing to me who runs the Dive.
Let's have a look at another five.
1936 "A Further Range"

Примечание.

Судя по названию стихотворения "In Dives' Time" или "In Dives' Dive", Роберт Фрост отталкивается в нём от известной притчи из Евангелия от Луки. Речь идёт о социальном имущественном и прочем неравенстве, с которым не покончила и американская Декларация Независимости.

Образцовая скорость

Не скорость ветра, не морской прилив -
ты мчишь быстрей в сравнении со всеми,
то в прошлое раздумья устремив,
то в будущность, опережая время.
Тебе не зря дана такая прыть -
дана затем, чтоб ты вмешался властно
и помогал спасти и сохранить
всё то что рано гибнет понапрасну.
Ты, верно, знаешь сам, о чём здесь речь.
Когда ж вас двое столь же рьяных,
то вас не разлучить и не отвлечь
от лучшего, что в ваших планах:
весь век стремиться к свету и теплу,
вдвоём, крыло к крылу, весло к веслу.

The Master Speed

No speed of wind or water rushing by
But you have speed far greater. You can climb
Back up a stream of radiance to the sky,
And back through history up the stream of time.
And you were given this swiftness, not for haste
Nor chiefly that you may go where you will,
But in the rush of everything to waste,
That you may have the power of standing still -
Off any still or moving thing you say.
Two such as you with such a master speed
Cannot be parted nor be swept away

From one another once you are agreed
That life is only life forevermore
Together wing to wing and oar to oar
1936 "A Further Range".

Признанье их не удручало

Беда вины не отрицала.
Забота - на себя брала.
Признанье их не удручало.
Та пара сильною была.

На деле ж снежные сугробы
на кровле, над его одром,
немало лет ложились, чтобы
вся смоль сменилась серебром.

Что ни зима, то вьюга пела.
Весь дом был саваном одет,
и голова его светлела,
перенимала снежный цвет.

Беда вины не отрицала.
Забота - на себя брала,
хотя та пара и не крала
тот цвет вороньего крыла.

They Were Welcome to Their Belief

Grief may have thought it was grief.
Care may have thought it was care.
They were welcome to their belief,
The overimportant pair.

No, it took all the snows that clung
To the low roof over his bed,
Beginning when he was young,
To induce the one snow on his head.

But whenever the roof camme white
The head in the dark below
Was a shade less the color of night,
A shade more the color of snow.

Grief may have thought it was grief.
Care may have thought it was care.
But neither one was the thief
Of his raven color of hair.
1936 "A Further Range"

Сильные молчат

На влажной почве полный беспорядок,
но участь сорняков не трогает крестьян.
Мотыга правит бал среди борозд и грядок -
готовит лунки для отобранных семян.

Лишь кто-нибудь один обычно на делянке.
Судьбу своих полей народ решает врозь.
Один ведёт посев цепочкой, как по планке,
а у другого что-то с тачкою стряслось.

Над чёрною землёй - обильное цветенье,
на сливах листьев нет, но пышен каждый ствол,
и в головах людей невольное сомненье:
не холодно ль ещё для медоносных пчёл.

От фермы к ферме ветер мчит с нахлёстом,
а горьких криков нет, хоть ветер без узды,
то стихнет вдруг, то воет над погостом,
но здешний люд силён - не плачет до беды.

The Strong Are Saying Nothing

The soil now gets a rumpling soft and damp,
And small regard to the future of any weed.
The final flat of the hoe's approval stamp
Is reserved for the bed of a few selected seed.

There is seldom more than a man to a harrowed piece.
Men work alone, their lots plowed far apart,
One stringing a chain of seed in an open crease,
And another stumbling after a halting cart.

To the fresh and black of the squares of early mould
The leafless bloom of a plum is fresh and white;
Though there's more than a doubt if the weather is not too cold
For the bees to come and serve its beauty aright.

Wind goes from farm to farm in wave on wave,
But carries no cry of what is hoped to be.
There may be little or much beyond the grave,
Hut the strong are saying nothing until they see.
1936 "A Further Range"

Прозрачное прохладное зелье

Студёный ветер дует сдуру.
Ему что август, что январь.
Варю осеннюю микстуру,
как ведьмы варивали встарь,
гляжу в свой ведьминский букварь.

Пока погода куролесит,
не нужно лишней суеты.
Без всякой ложки ветер месит
бальзам до нужной густоты.

Чтоб эликсир стал колдовским
кладу свезённые с Юкона
остатки злых холодных зим -
обрывки жёсткой хвойной кроны -
с окрошкой летнего сезона.

Такое выйдет ведьмовство,
такое "колдовское зелье",
как Коттон Мэзер* про него
сказал в суде с неясной целью.

Дождись да погляди, бродяга,
как прокипит весь день и ночь
вся эта колдовская влага.
И людям без неё невмочь,
и боги пить её не прочь.

Clear and Colder

Wind, the season-climate mixer,
In my Witches' Weather Primer
Says, to make this Fall Elixir
First you let the summer simmer,
Using neither spoon nor skimmer

Till about the right consistence.
(This like fate by stars is reckoned,
None remaining in existence
Under magnitude the second.)

Then take some leftover winter
Far to the north of the St.Lawrence.
Leave to strip and branches splinter,
Bring on wind. Bring rain in torrents —
Colder than the season warrants.

Dash it with some snow for powder.
If this seems like witchcraft rather,
If this seems a witches' chowder
(All my eye and Cotton Mather*!),

Wait and watch the liquor settle.
I could stand whole dayfuls of it.
Wind she brews a heady kettle.
Human beings love it—love it.
Gods above are not above it.
1936 "A Further Range".

Примечание.

***Коттон Мэзер** (1663-1728) - знаменитый американский пуританский проповедник, религиозный моралист, плодовитый писатель, памфлетист, медик, любитель-биолог, дипломат и президент Гарвардского университета. Комментировал ход процесса над салемскими ведьмами (1692-93). Был другом судей, ведших этот изуверский процесс, возможно, даже принял какое-то участие в самом процессе. Высказался о процессе весьма подробно и скрупулёзно, но настолько неясно, что трудно сказать, какова была его действительная позиция.

Содержание

Роберт Фрост ПЕРЕВОДЫ ч.2.1 1

Форзац 2

Роберт Фрост 3

«Роберт Фрост в России» (краткая биография) 4

ПЕРЕВОДЫ (в переводе Владимира Кормана) 32

1. Предначертание 34
   Предопределение 34
   Robert Frost Design 35
2. Прильну к земле 35
   To Earthward 37
3. Бесконечный миг 38
   A Boundless Moment 39

4. Ручей в городе 39
A Brook In The City 40
5. Жильё в утёсе 41
A Cliff Dwelling 42
6. Прогулка поздней осенью 43
A Late Walk 43
7. Острая боль мечты 44
A Dream Pang 45
8. Минорная птица 46
A Minor Bird 46
9. Кучка давнишнего снега 47
A Patch of Old Snow 47
10. Весенняя молитва 48
A Prayer in Spring 49
11. Вопрос 50
A Question 50
12. Время, чтобы поговорить 50
A Time to Talk 51
13. После сбора яблок 52
After Apple Picking 53
14. Песня под шум шторма 55
A Line-Storm Song 56
15. Плен и свобода 57
Bond and Free 58
16. Пространство 59
But outer Space 61
17. Canis Major 61
Canis Major 62

18. Рождественские ёлки (Письмо-оповещение
в разные адреса) 63
Christmas Trees A Christmas Circular Letter 65
19. Сбор цветов 67
Flower-gathering 68
20. В своей душе 69
Into My Own 69
21. Дом призраков 70
Ghost House 71
22. Моя ноябрьская гостья 73
My November Guest 74
23. Звёзды 75
Stars 75
24. Любовь и вопрос 76
Love and a Question 77
25. Страх во время бури 79
Storm Fear 79
26. Ветер и цветок на подоконнике 81
Wind and Window Flower 82
27. В пренебрежении 84
In Neglect 84
28. Обращение к тёплому ветру 84
To the Thawing Wind 85
29. Rose Pogonias (Розовые орхидеи) 86
Rose Pogonias 87
30. Наблюдательный пункт 88
The Vantage Point 88
31. Косьба 89
Mowing 90

32. Пан среди нас 90
Pan with Us 94
33. Смех Демона 95
The Demiurge's Laugh 96
34. Поход по воду 97
Going for Water 98
35. В лиственных лесах 99
In Hardwood Groves 100
36. Октябрь 100
October 101
37. Ропот 102
Reluctance 103
38. Закроем окна 104
Now Close The Windows 105
39. Время для веселья 105
Good Hours 106
40. Открытое гнездо 107
The Exposed Nest 108
41. Неизбранная дорога 110
The Road Not Taken 111
42. Лягушачий ручей 114
Hyla Brook 114
43. Мимолётная встреча 115
Meeting and Passing 116
44. Птица-гончар 117
The Oven Bird 117
45. Заложенное в семени 118
Putting in the Seed 119
46. Подпорки для гороха 119

Pea Brush 120
47. Корова в яблочную пору 122
The Cow in Apple-Time 122
48. Случайная встреча 123
An Encounter 124
49. Диапазон прицела 125
Range Finding 125
50. Взаперти, как это было рассказано ребёнку 126
Locked Out, As told to a child 127
51. Прощальное слово Лазурной Птицы, как это было рассказано ребёнку 127
The Last Word of a Blue Bird, As told to a child 128
52. Девочкин сад 129
A Girl's Garden 131
53. Спуск Брауна или Скольжение волей-неволей 133
Brown's Descent or Willy-Nilly Slide 136
54. Шум деревьев 139
The Sound of Trees 140
55. Собиратель хвойной смолки 141
The Gum-Gatherer 143
56. Пастбище 144
The Pasture 145
57. Жена с лесного холма 145
1.Одиночество (Её слова) 145
The Hill Wife 146
1.Loneliness (Her Word) 146
2.Домашние страхи 147
2.House fear 147
3.Улыбка (Её слова) 148

3.The Smile (Her Word) 148
4.Часто повторяющийся сон 149
4.The oft-repeated dream 149
5.Порыв 150
5.The impulse 151
58. Линейная бригада 152
The Line-Gang 153
59. В лощине 153
In a Vale 154
60. Откровение 156
Revelation 156
61. Телефон 157
The Telephone 158
62. Испытание жизнью 159
The Trial by Existence 161
63. Цветочный островок 164
The Tuft of Flowers 166
64. Ожидание. Вдали, в сумерках 168
Waiting. Afield at dusk 169
65. Моя бабочка 170
My Butterfly 172
66. Звезда на волокуше.
Посвящено Линкольну MacVeagh 174
A Star in a Stoneboat For Lincoln MacVeagh 177
67. Во время ливня 179
In Time of Cloudburst 181
68. Не наступи! 182
The Objection To Being Stepped On 183
69. Учись всему... 183

It takes all sorts... 184
70. Мечи и орала - из железа.
Посвящено Ахмеду С.Бокхари 185
From Iron Tools and Weapons.
To Ahmed S. Bokhari 185
71. В четыре комнатки весь дом... 186
Foor-Room Shack... 187
72. Среди зимы... 187
In Winter in the Woods Alone 188
73. Будучи избран поэтом Вермонта... 188
On Being Chosen Poet of Vermont 189
74. Мы зря воюем... 189
We Vainly Wrestle... 189
75. В стакане сидра 190
In a Glass of Cider 190
76. Рефлекс 190
A Reflex 191
77. Недоразумение 191
Quandary 192
78. Немного научной фантастики 194
Some Science Fiction 195
79. Млечный Путь - коровья тропа 197
The Milky Way Is a Cowpath 199
80. Строки, написанные в унынии,
накануне большого успеха 201
Line Written in Dejection
on the Eve of Great Success 202
81. Гибель после расцвета 203
Our Doom to Bloom 204

82. Вопрошающие лица 205
Questioning Faces 205
83. Опасная надежда 206
Peril of Hope 206
84. Тягловая лошадь 207
The Draft Horse 208
85. Финал 209
Ends 209
86. Ауспик 210
Auspex 210
87. Прости, о Господи...
(Фантазии на тему фростовского афоризма) 211
Robert Frost Forgive, O Lord... 212
88. Концепция самозачатия 212
A Concept Self-Conceved 213
89. Проницательность 213
Version 214
90. Песня о том, что извечно не нуль 215
A Never Naught Song 216
91. Вечный искатель 218
Escapist – Never 218
92. Скверный остров Пасхи (Может быть, он так
назван потому, что однажды может возродиться) 219
The Bad Island—Easter (Perhaps so called
because it may have risen once) 221
93. Краткий визит 224
One More Brevity (never published but privately
printed in 1953 and included on the 1957 Caedmon
recording of Mr. Frost reading his poetry) 226

94. Замкнутый ради добра 229
Closed For Good 230
95. Доброе пожелание 232
A-Wishing Well 235
96. Чуткому читателю 238
To the Right Person 239
97. Америку постичь не просто 239
America is Hard to See 242
98. Случайно, но к цели 246
Accidentally on Purpose 247
99. Выбрав для себя звезду... 248
Choose Something Like a Star 250
100. Прочь! 251
Away! 252
101. Неотъемлемый дар 253
The Gift Outright 254
102. К инаугурации Джона Ф.Кеннеди 255
For John F. Kennedy's Inauguration Gift outright of "The Gift Outright" (With some preliminary history in rhyme) 257
103. Хижина на вырубке 260
A Cabin in the Clearing For Alfred Edwards 262
104. Прерванная засуха 265
The Broken Drought 265
105. Провозглашённая необходимость 266
The Ingenuities of Debt 267
106. Баста! - по-американски 268
U.S.1946 King's X 268
107. Святые войны не про них 269

No Holy Wars for Them 269
108. Гильдия социальных планировщиков 270
The Planners 271
109. Дама-импортёр 271
An Importer 273
110. Нам по сердцу любая геометрия 274
Any Size We Please 274
111. Чего ждать от науки 275
Why Wait for Science 276
112. Слияние с эфиром 277
Etherealizing 277
113. Haec Fabula Docet 278
Haec Fabula Docet 279
114. Мнение Джефферсона 280
A Case for Jefferson 281
115. Лукреций против озёрных поэтов "Ценил искусство, обожал природу..." У.С.Лэндор 281
Lucretius Versus the Lake Poets "Nature, I loved; and next to Nature, Art." 282
116. Роберт Фрост Сикомор 283
Robert Frost Sycamore 284
117. Среди слов 284
Beyond Words 284
118. Вполне достойная игра 285
It Bids Pretty Fair 285
119. Свергнутый кумир 286
On Being Idolized 286
120. Роджеровская скульптурная группа 286
A Rogers Group 287

121. Подстрочная Йота 288
Iota Subscript 288
122. Решимость к обновлению 289
The Courage to Be New 292
123. Природный Гелий 293
Innate Helium 293
124. Шпиль над жилищем 294
A Steeple on a House 294
125. Испорченное настроение 294
A Mood Apart 295
126. Страх божий 295
The Fear of God 296
127. Человеческий Страх 297
Fear of Man 298
128. Беспокойство о реках 298
Too Anxious for Rivers 299
129. Директива 301
Directive 303
130. 23-е сентября 305
A Nature Note 306
131. Полуреволюция 306
A Semi-Revolution 307
132. Ответ 307
An Answer 307
133. Гарантия 308
Assurance 308
134. О местных валунах 308
Of the Stones of the Place 309
135. Дошкольник 310

Not of School Age 311
136. Уравнитель 312
An Equiliser 313
137. Секрет сидит 314
The Secret Sits 314
138. Беотиец 314
Boeotian 315
139. Наше сочувствие к обездоленному 315
On Our Sympathy with the Under Dog 316
140. Стихотворение 316
In A Poem 316
141. Охотник на кроликов 317
The Rabbit-Hunter 317
142. Ноябрь 318
November 319
143. Пауза 320
Time Out 320
144. Последний последователь 321
The Lost Follower 322
145. Как удержаться на планете 324
Our Hold on the Planet 325
146. Тройная броня 325
Triple Bronze 328
147. Поиск горечавки 329
The Quest of the Purple-Fringed 330
148. Неповторимые птичьи напевы 331
Never Again Would Birds' Song the Same 332
149. Облачная тень 333
A Cloud Shadow 333

150. Обдумай, обеспечь 334
Provide, Provide 335
151. Пробный запуск 336
A Trial Run 337
152. Не собранный урожай 337
Unharvested 338
153. Не слишком покладистый 339
Not Quite Social 340
154. Голос в пути 341
Voice Ways 341
155. Десяток мелких монет 342
Ten Mills 342
I.Предосторожность 342
I.Precaution 342
II.Продолжительность жизни 342
II.The Span of Life 342
III.Биплан братьев Райт 343
III.The Wrights' Biplane 343
Напористый 343
Assertive 344
IV.Убрать зловредную угрозу 344
IV.Evil Tendencies Cancel 344
V.Упорный 345
V.Pertinax 345
VI.Оса 345
VI.Waspish 345
VII.Загадка 346
VII.One Guess 346
VIII.Бухгалтерские трудности 346

VIII.The Hardship of Accounting 347
IX.Здесь, да не весь 347
IX.Not All There 347
X.Притча о богаче и Лазаре 348
X.In Dives' Time 348
156. Образцовая скорость 349
The Master Speed 349
157. Признанье их не удручало 350
They Were Welcome to Their Belief 351
158. Сильные молчат 351
The Strong Are Saying Nothing 352
159. Прозрачное прохладное зелье 353
Clear and Colder 354

Содержание 356
Форзац 371
Окончание 372

Роберт Фрост

«Роберт Фрост в России» (краткая биография)

ПЕРЕВОДЫ ч.2.1

Редактор: **Amidala**
Художественный редактор: **Amidala**
Технический редактор: **Yoda**
Ответственный за выпуск: **Yoda**
Оформление: **Amidala**

Утверждено к публикации: 26.02.2016
Формат документа: (А4) 27,9 х 21; 372 стр.
Тираж: Без ограничений.

2016 год